

9(с)1

Ш 832

О. Б. Ш П А Р О

**ОСВОБОЖДЕНИЕ
ГРЕЦИИ
И РОССИЯ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• М Ы С Л Ь •

М 1236043

Ольга Борисовна Шпаро

**ОСВОБОЖДЕНИЕ ГРЕЦИИ
И РОССИЯ
1821-1829**

М.: Мысль. 1965

веб-публикация:

Vive Liberta и Век Просвещения, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Глава 1. Начало освободительного движения

Глава 2. Великая революция

Глава 3. Греческая революция и Россия

Глава 4. Политика Джорджа Каннинга

Глава 5. Греческий протокол

Глава 6. Лондонский договор 1827 г

Глава 7. Наваринское сражение

Глава 8. Финал

Литература

ВВЕДЕНИЕ

Новая Греция — сравнительно молодое государство. В XV в. ее земли, ранее входившие в Византийскую империю, были завоеваны пришедшими с востока турками, включены в состав так называемой Османской империи, и с тех пор в течение более чем трех с половиной столетий греки, так же как и другие народы Балканского полуострова, представляли собой поработанных и униженных подданных турецких султанов.

Освобождение пришло лишь в XIX веке. Летом 1821 г., семь лет спустя после разгрома наполеоновских армий и почти одновременно с революциями в Италии и Испании, началось освободительное восстание в Греции. С быстротой пламени восстание распространилось по истерзанной османскими завоевателями земле. В течение двух-трех месяцев оно охватило весь Пелопоннес, значительную часть континентальной Греции и почти все более или менее крупные греческие острова.

Известие о национально-освободительной революции в Греции, расположенной в Средиземном море на важнейших водных торговых путях из Европы в Османскую империю, в страны Северной Африки и Азии, до крайней степени взволновало тогдашних правителей великих европейских держав. Еще бы! Ведь от того,

какой режим установится в Греции — останется ли она под игом турецкого султана или будет независимым государством, — зависели многие экономические, политические и даже военно-стратегические интересы этих держав, связанных со средиземноморской торговлей.

Греческий вопрос стал центральным вопросом европейской дипломатии и оставался таковым в течение по меньшей мере десяти последующих лет. Немедленно же обнаружилось вопиющее прогворочение между недавними победителями Наполеона, объединенными в так называемый Священный Союз — архиреакционную организацию, призванную увековечить все и всякие монархические режимы и подавлять все и всякие революционные движения. У членов Священного Союза не было особых разногласий по вопросу об участии только что происшедших революций в Италии и Испании. С общего согласия австрийские войска подавили первую, а французские — вторую. Такое единодушие объяснялось очень просто: европейским монархам, только что поделившим между собой бывшую наполеоновскую империю, было крайне необходимо упрочить свое господство в Европе путем насаждения «легитимных» монархических режимов по соседству с их собственными владениями. Но вот вспыхнуло греческое восстание, и пресловутые «принципы легитимизма» полетели в мусорную корзину. У каждой из европейских держав оказался свой собственный взгляд на это событие, точно соответствующий ее экономическим и политическим интересам в районе Средиземного моря и Балканского полуострова. Каждая из них руководствовалась именно этими интересами, не придавая ровно никакого значения тому, что говорилось на конгрессах Священного Союза и писалось в его декларациях.

Первой отбросила принципы Священного Союза Россия, несмотря на то что Александр I был одним из создателей этой организации и наиболее активным ее членом. Россия была издавна связана с греческим народом, так же как и с другими народами Балкан, экономическими, культурными и религиозными связями¹. Еще со времени Прутского похода Петра I (1711 г.) и потом в течение всего XVIII и первой четверти XIX в. она всеми доступными средствами поддерживала национально-освободительное движение на Балканах и в Греции. Войны России с Турцией конца XVIII и начала XIX в. сыграли очень большую роль в освобождении греков, болгар, румын, сербов, черногорцев и албанцев от иноземного ига. Они подрывали могущество Османской империи, вскрывали гнилость султанского военно-деспотического режима, пробуждали национальное самосознание угнетенных им народов. Это, естественно, порождало горячие симпатии греков и других балканских народов к русскому народу, укрепляло их дружеские связи, внушало им надежды на национальное освобождение при поддержке русского оружия и приводило к тому, что, по словам Ф. Энгельса, девять десятых населения Европейской Турции видели в России «свою единственную опору, свою освободительницу, своего мессию»².

Во время войны греческого народа за независимость Россия была единственной страной, которая до конца последовательно выступала в защиту восстания, оказы-

¹ Греки, как и большинство народов Балканского полуострова, исповедуют христианскую религию православного толка, что в те времена сильно сближало их с русским народом.

² К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 9, стр. 32.

вала ему постоянную поддержку дипломатическим путем, а когда стало ясно, что этого недостаточно, то и силой оружия — сначала в Наваринском сражении, а затем в войне с Турцией 1828—1829 гг.

Такая политика России объяснялась тем, что она была кровно заинтересована в освобождении угнетенных Турцией народов и в основании на торговых путях из Черного в Средиземное море дружественных ей независимых государств вместо всегда враждебной Турецкой империи, целиком зависимой от английского и французского капитализма. Создание независимых дружественных государств в этом районе было необходимо России еще и по соображениям обороны ее черноморских, кавказских и придунайских границ, безопасность которых также в большой степени зависела от позиции Турции: даже не участвуя сама в войне, но придерживаясь враждебного нейтралитета, она могла в любой момент пропустить через проливы в Черном море военноморской флот воюющей с Россией державы.

Царское правительство и окружавшие его военно-феодалные круги стремились завоевать ряд опорных пунктов на Дунае, северном и восточном побережье Черного моря, а также распространить свое влияние во вновь созданных Балканских государствах и в Греции. Но завоевательный характер войн России с Турцией не меняет того очевидного факта, что объективно эти войны и вся русская политика в балканском вопросе вообще и в греческом в частности играли весьма прогрессивную роль в освобождении поработанных народов от турецкой зависимости и становлении в этом районе независимых национальных государств.

Прямо противоположную позицию занял другой член Священного Союза — Австрийская империя во главе со

своим безмерно хвастливым канцлером Меттернихом, упорно противодействовавшим всему, что могло бы способствовать освобождению народов Балкан и греков от иноземной зависимости. Рыхлая и неестественно разбухшая за счет захваченных ею венгерских, итальянских и славянских земель, Австрийская империя больше всего на свете нуждалась в сохранении «порядка» как внутри, так и вовне. Любое революционное или национально-освободительное движение, особенно на Балканах, могло послужить заманчивым примером для народов, угнетенных ею самой. С другой стороны, Австрия смертельно боялась укрепления экономических и политических позиций России на Балканском полуострове и в пределах всей Османской империи, что могло подорвать ее влияние в этом районе и лишить ряда торговых преимуществ. Единство и неделимость Османской империи были для австрийского императора известным залогом прочности его собственных владений.

Отношение Англии и Франции к греческому восстанию в общем мало чем отличалось от отношения Меттерниха. Но английские дипломаты, защищая интересы британского капитализма, проявили гораздо больше гибкости, чем «прославленный дипломатический гений» — Меттерних. Вся политика Англии (а за ней плелась и бурбонская Франция) определялась безудержной экспансией в район Средиземного моря, в пределы Османской империи, а оттуда в страны Азии.

Ко времени греческого восстания английский капитализм наряду с французским все больше и больше закабалял слабую и отсталую Турцию, ставил ее в экономическую и политическую зависимость, а это давало ему возможность полного господства в водах Средиземноморья и неограниченного проникновения в пределы

всей обширной Османской империи, в том числе на Балканы и в Грецию. Вследствие этого Англия и Франция были заинтересованы в том, чтобы в этом районе ничего не изменилось — никаких революций, никаких новых независимых государств! Сохранение существующего положения, так называемого статус кво, власти военно-феодальной Турции над народами Балканского полуострова и Греции — вот что больше всего устраивало западноевропейских политиков. Оценивая эту традиционную политику Англии и Франции на Востоке, Ф. Энгельс пишет:

«В чем состоит status quo? Для христианских подданных Порты это означает просто увековечение их угнетения Турцией. И пока они остаются под игом турецкого владычества, они будут видеть в главе греко-православной церкви, в повелителе шестидесяти миллионов православных... *своего естественного освободителя и покровителя*»¹.

Сохранение султанского военно-феодального деспотизма над греками и всеми балканскими народами имело для западноевропейской буржуазии и еще одно важное преимущество: подчиненная ее политическому влиянию Турция могла держать на запоре проливы и не допускать к средиземноморской торговле Россию, которая после завоевания выходов в Средиземное море становилась весьма нежелательным конкурентом Англии и Франции на их торговых путях на Восток. Между этими двумя хищницами издавна существовала бешеная конкуренция на этих, равно как и на всех остальных торговых морских путях, но они дружно объединились перед лицом «русской опасности».

¹ К Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 9, стр. 31—32

Во время греческого восстания английская дипломатия сделала все от нее зависящее, чтобы дать султану возможность начисто разделаться с повстанцами. Только через три года после начала национально-освободительной борьбы в Греции, когда стало ясно, что греки будут сражаться до последней капли крови, а Россия рано или поздно придет им на помощь, рьяный защитник интересов английской буржуазии Джордж Каннинг наконец сообразил, что надо менять курс. Если бы Англия отказалась от поддержки греческого восстания и отдала всю инициативу в этом вопросе в руки одной России, то она могла бы потерять влияние в создававшемся независимом государстве, а так как это государство держало в своих руках значительную часть посреднической торговли в Средиземном море, то недостаточно теплые отношения с ним могли весьма плачевно отразиться на британских позициях в этом районе.

Быстрый рост английского капитализма, его лихорадочная погоня за рынками сбыта и источниками сырья, за новыми колониями, торговыми путями и опорными пунктами, с одной стороны, и требования передового общественного мнения — с другой, толкали английскую дипломатию на путь осторожной поддержки греков. Англия устами Каннинга объявила себя «страной-покровительницей» Греции, имея при этом дальний прицел — сделать в будущем еще и эту страну своей полуколонией, торговой и военно-стратегической базой на Средиземном море. Английские агенты, наводнившие Грецию, получили задание вмешиваться во все дела греческого временного правительства и ориентировать вождей восстания на принятие английского протектората.

Французская дипломатия, чтобы не отстать в этой сложной игре, как могла, следовала примеру Англии.

Но, приняв на себя роль «держав-покровительниц» и подписав затем с Россией Лондонский договор 1827 г. о совместном выступлении этих трех держав перед Турцией с требованием предоставить Греции автономию, Англия и Франция всеми силами тормозили проведение этого договора в жизнь. Все, что их правительства сделали для греков положительного, было сделано под нажимом России (в том числе и участие Англии и Франции в Наваринском сражении). В дальнейшем, когда Россия, разгромив Турцию в войне 1828—1829 гг., записала в Адрианопольском мирном договоре, что отныне Греция получает полную автономию, две другие «державы-покровительницы» стали усиленно бороться за максимальное урезывание границ будущего независимого греческого государства. Благодаря их стараниям в состав Греции не были включены огромные населенные греками области на севере греческого материка (Акардания, Этолия и др.) и часть греческих островов, в том числе Крит.

После того как независимая Греция была создана, Англия и Франция, воспользовавшись финансовой и экономической слабостью России, яростно конкурируя друг с другом, бросились наперегонки закабалить слабую и обескровленную Грецию, стремясь превратить ее в свою пулоколонию.

История новой Греции — это история чудовищных национальных унижений, бесцеремонного попрания ее суверенитета, беззастенчивого хозяйничанья западного капитала во всех областях ее экономики, бесконечной смены правительств в соответствии с их «ориентацией» на ту или иную державу.

«Западные друзья» еще в XIX в. окончательно закабалили Грецию в финансовом отношении; они расхватили в виде концессий все ее национальные богатства и в течение многих десятилетий препятствовали воссоединению ее территорий.

Буквально на второй день после завоевания Грецией независимости перед английскими буржуазными идеологами встала задача изобрести такую теорию, которая могла бы посеять в греческом народе чувство недоверия и неприязни к России, разрушить старинную дружбу греков с русским народом и народами Балкан. Эта теория должна была одновременно внушить грекам «извечную благодарность» к Англии за ее «благодеяния» и, отвратив их от союза с Россией и балканскими народами, привязать к политике Запада.

Такая теория не замедлила появиться сначала на страницах периодической печати, а затем в виде специально созданной и широко пропагандируемой «исторической концепции». Эта концепция в общем виде гласит следующее: Греция обязана своим освобождением от османского ига в первую очередь и главным образом не героизму, стойкости собственного народа и его умению вести длительную партизанскую войну, а деятельности английской дипломатии, в частности основоположника и корифея английской буржуазной внешней политики XIX в. Джорджа Каннинга. Россия, согласно этой концепции, во время греческого восстания выступала в качестве яростного агрессора, стремившегося разрушить Османскую империю и захватить чуть ли не все ее владения, во всяком случае уж обязательно Балканы и Грецию, а западные державы — Англия, Франция и Австрия употребляли все свои усилия исключительно только на то, чтобы предотвратить войну между Россией и

Турцией и установить в районе Балкан и Средиземного моря «мир и спокойствие». Никаких корыстных и захватнических целей при этом они якобы не преследовали. В их задачу входило всего лишь «предотвращение русской агрессии» и «освобождение Греции от султанского ига».

Начало этой концепции положено биографом Джорджа Каннинга его личным секретарем и страстным почитателем Августом Гренвиллем Стаплетоном, опубликовавшим весьма тенденциозно подобранные письма, дипломатические документы и выдержки из речей этого государственного деятеля¹. В своих двух работах Стаплетон безудержно идеализирует Каннинга, изображает его бескорыстным освободителем южноамериканских государств и Греции и таким же бескорыстным борцом против «русской агрессии» в районе Балкан и Средиземного моря.

Все это было быстро подхвачено и развито другими буржуазными историками Англии и получило логическое завершение в трудах выдающегося представителя официальной британской историографии профессора Гарольда Темперлея в его книге «Внешняя политика Джорджа Каннинга»², где идеализация Каннинга приняла характер официальной защиты основных направлений английской внешней политики XIX в. Изображение Каннинга бескорыстным борцом против реакционных идей Священного Союза должно было привести к выводу о том, что завоевание английской буржуазией новых рынков, новых баз и новых колоний совершалось в

целях защиты угнетенных народов и диктовалось стремлением к их освобождению. «Свобода Греции,— писал Г. Темперлей,— была завещанием, оставленным миру Джорджем Каннингом»¹.

В настоящее время эта концепция проникла почти во все труды английских ученых по истории нового времени и истории Греции, а также в школьные и университетские учебники. Ее усиленно внедряют и в Греции.

Французские историки в свою очередь стремились изобразить освободительницей Греции Францию. Но, имея в своем арсенале столь мощной фигуры, какой был Каннинг, и сознавая все-таки, что французская дипломатия в греческом вопросе уж слишком явно плелась в кильватере английской политики, они делали упор на французском филэллинизме², якобы сыгравшем в освобождении Греции чуть ли не решающую роль.

В трудах английских и французских историков XX в. роль самого греческого народа в освобождении своей страны и основании независимого греческого государства сознательно отодвигалась на второй план³. Греция по существу рассматривалась как некий весьма беспомощный объект дипломатических переговоров и акций западноевропейских политических деятелей того времени. Такое пренебрежение к народу, который восемь

¹ *H. Temperley Foreign Policy of George Canning* London, 1925, p. 352

² Филэллинизм — общественное движение сочувствия и помощи борьбе греческого народа за независимость, широко распространенное в Европе во время греческого восстания.

³ *H. Isambert L'Indépendance greque et l'Europe* Paris, 1900, *E. Driault et M. Lertier Histoire diplomatique de la Grèce*, v. 1—2 Paris, 1925; *G. Temperley. Foreign Policy of George Canning*; *C. W. Crawley The Question of Greek Independence*. Cambridge, 1930.

¹ *A. G. Stapleton. Political Life of George Canning* London, 1830—1831; *его же George Canning and His Times* London, 1859.

² *H. Temperley Foreign Policy of George Canning* London, 1925

лет героически сражался за свою свободу и независимость, весьма характерно для психологии колонизаторов, присваивающих себе право распоряжаться судьбами поработанных ими стран в своих собственных интересах.

Естественным развитием вышеизложенной концепции британской буржуазной историографии является современная теория англо-американской пропаганды в Греции, которая пытается заглушить растущее беспокойство греческого народа по поводу превращения его страны в военно-стратегическую базу НАТО баснями о том, будто Греция самым providением предназначена роль щита западной цивилизации от «варварских славянских орд», рвущихся с севера к теплым водам Средиземноморья. Главная цель этой новой теории — заставить греков забыть об их многовековых дружеских связях с народами Советского Союза и социалистических стран Восточной Европы, воспитать ненависть к ним, чтобы тем легче было превратить Грецию в форпост агрессивного Северо-Атлантического блока.

В русской буржуазной историографии почти нет работ, специально посвященных греческому восстанию, за исключением книг Ф. Феоктистова «Борьба Греции за независимость» (СПб., 1863) и Г. Палеолога и М. Сивиниса «Исторический очерк народной борьбы за независимость Греции» (СПб., 1867), наиболее полно освещающей период 1827—1832 гг. Политика России в греческом вопросе освещалась главным образом в общих трудах по истории России XIX в. С. Соловьева, С. Татищева, С. Жигарева, Н. Шильдера.

Архивные материалы, касающиеся греческого вопроса, использованные этими авторами даже в небольшом объеме, убедительно опровергали вышеизложенные

концепции английских и французских историков и ясно показывали, что дипломатия этих двух стран на протяжении всего греческого восстания не только не стремилась помочь грекам, но делала все от нее зависящее, чтобы помешать России выступить в их защиту. Однако работы русских буржуазных историков в свою очередь грешили не критическим подходом к действиям царской дипломатии и идеализацией личностей Александра I и Николая I.

Советские историки, к сожалению, мало занимались изучением этой темы. Было опубликовано всего две-три статьи о роли России и Англии в борьбе Греции за независимость. Но уже в них советские историки на основании изучения материалов Архива внешней политики России и других источников доказывали, что позиции каждой из держав в греческом вопросе определялись в первую очередь и главным образом интересами их господствующих классов. Цели английского капитализма были не менее агрессивными, чем цели царского правительства. Но несмотря на ультрареакционные воззрения Александра I и Николая I и их завоевательные стремления в районе Черного моря и Кавказа, политика России в греческом вопросе, так же как и в вопросе о национальном освобождении румын, сербов, черногорцев, болгар, сыграла объективно прогрессивную роль и в значительной степени способствовала этому освобождению.

Положительную роль России в освобождении Греции подчеркивают в своих исследованиях почти все греческие историки: И. Филимон, П. Каролидис, Д. Коккинос, Г. Кордатос и др. Исключение составляет, пожалуй, один только англофил С. Трикупис — греческий историк и государственный деятель первой половины XIX в., обя-

занныи своей политической карьерой исключительно английской поддержке

Цель настоящей книги — на основании изучения архивных документов, дипломатической переписки того времени, воспоминаний и писем современников, русской и иностранной периодической печати и многих других подлинных исторических источников показать действительную роль России и западных держав в борьбе Греции за независимость в 20-е годы XIX века

1

НАЧАЛО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Революция назревала давно. Еще с начала XVIII в Греции, задавленной невыносимым гнетом османского военно-феодалного деспотизма, росли и крепили силы, которые впоследствии разорвут сковывающие их цепи иноземного угнетения. Исполдволь, несмотря на колоссальные налоговый гнет, крайнюю отсталость сельского хозяйства, всевозможные препятствия на пути развития ремесла и промышленности, постоянные военные поборы и поставки, невероятную коррупцию султанских властей и отсутствие какой либо законности, в Греции происходил процесс первоначального накопления и буржуазного развития, подготовивший почву для национально-освободительного движения.

Так как из-за разрушительной налоговой политики султанского правительства вкладывать средства в ремесленные или промышленные предприятия не имело никакого смысла, предприимчивость живого и экспансивного греческого народа, вся жизнь которого была связана с морем, направлялась на развитие мореплавания и посредническую торговлю в водах Средиземноморья.

Особенно быстро стало расти греческое торговое судходство и посредническая деятельность греческих купцов после того, как в конце XVIII в Россия получила

выходы в Черное и Средиземное моря. Не имея своего флота на Черном море, она стала пользоваться посредничеством греков. Прикрываясь русским флагом, греческие арматоры (судовладельцы) и купцы перевозили основную массу русских товаров (главным образом хлеб) из черноморских портов в порты Средиземного моря. Русские купцы предоставляли греческим особые льготы на посредническую торговлю русскими товарами. Именно с этого времени завязываются непосредственные экономические связи России с Грецией — одна из главных побудительных причин, заставивших Россию оказывать постоянную помощь грекам во время их борьбы за независимость.

С конца XVIII в. греческие торговые фактории возникают во всех южнорусских портах — в Херсоне, Таганроге, Николаеве, затем в начале XIX в. в новом черноморском порту Одессе. К началу XIX в. греки снабжали товарами почти все страны, торговавшие в водах Леванта, и имели свои торговые фактории не только во всех крупных портах Средиземного и Черного морей, на Балканском полуострове и в Малой Азии, но и в Москве, Вене, Париже и Лондоне. В их руках была сосредоточена почти вся турецкая и южнорусская торговля, а также значительная часть посреднической торговли Западной Европы с азиатскими странами. Особенно преуспевали купцы с островов Идра, Псара, Специя и Хиос.

Греческие судовладельцы сосредоточили в своих сокровищницах огромные богатства. Приток этих богатств усилился во время французской буржуазной революции, когда Турция как нейтральное государство вела особенно широкую торговлю с воюющими державами. Во время континентальной блокады капитаны греческих торговых судов соревновались между собой в

удали и умении проникнуть в любые европейские порты, избегав встречи с французскими морскими конвоями. Греческие купцы и судовладельцы наживались не только на торговле. Они усиленно эксплуатировали труд матросов, торговых служащих, погонщиков мулов и всех тех, кто способствовал их обогащению.

В такой своеобразной форме происходило на греческих островах накопление капиталов и зарождение двух новых классов: компрадорской буржуазии и наемных рабочих — процесс, в общем довольно характерный для развития многих колониальных и зависимых стран.

Этот же процесс происходил и в континентальной Греции, но значительно медленнее. Так как производство находилось на крайне низком уровне из-за исключительных привилегий для турок, кстати производивших мало и плохо, то предприимчивость греков устремлялась в область торговли. Они обслуживали самые различные части Османской империи и были тесно связаны с торговцами побережья и островов. Владельцы вьючных мулов и лошадей в континентальной Греции также часто становились крупными богачами. В их руках сосредоточивались основные средства такого транспорта — примитивного, но единственно возможного в Греции, где большая часть населения обитала в горах или в долинах, пересеченных горными массивами. Эти владельцы вьючных животных нанимали нередко целый штат погонщиков лошадей и мулов, которые перевозили из долин в горы зерно, грубые шерстяные ткани, изделия городского ремесла, а с гор в города и долины — сыр, масло, шерсть, бараньи шкуры, кожи и др. Такие торговцы пользовались особым покровительством турецких властей и часто ставились ими во главе местной администрации или даже назначались членами городских магистратов. Так

и в континентальной Греции наряду со старым эксплуататорским классом — греческими землевладельцами (примасами) — выростал новый класс эксплуататоров, провозвестник нового буржуазного общества. А над всеми ними безраздельно господствовали турецкие феодалы и турецкая военная администрация.

Своеобразие процесса первоначального накопления и образования новых классов в Греции заключалось в том, что угнетавшая греков Турция была слабо развитой страной, которая сама уже со второй половины XVIII в. становилась в экономическую и политическую зависимость от Франции и Англии. Именно из-за ее слабости греки получили возможность развивать свой флот, торговать по всей Османской империи и чуть ли не по всему миру и накапливать капиталы, которые требовали приложения не только в области торговли, но и в области промышленности. Мало того, будучи морской державой, Турция фактически не имела собственного торгового флота. В военном же флоте все низшие должности — от матросов до лоцманов — занимали греки с островов и из Морей (Пелопоннеса). Лучшие из них обучались в специальной морской школе на Идге, где военно-морские науки преподавались иностранцами, главным образом итальянцами и португальцами. Перед началом восстания греки обладали уже и собственным военным флотом с артиллерией и выученными экипажами.

С конца XVII в. в связи с разложением янычарских войск и ослаблением турецкой военной организации в греческих областях стали создаваться особые вооруженные отряды из самих греков во главе с капитанами. Солдаты этих отрядов назывались арматолами. Они были обязаны нести полицейские функции: от имени султана защищать границы Греции, дороги и горные проходы

от нападения разбойников и греческих и славянских партизан. Но часто происходило как раз обратное. Получив оружие и прослужив некоторое время в арматолах, греки убегали в горы и становились вождями тех самых партизанских отрядов, с которыми они были призваны бороться. Во время национально-освободительной революции арматола были первыми, кто принес оружие на алтарь отечества.

Несмотря на известную свободу для торговли, иностранное иго продолжало жестоко тормозить развитие производительных сил страны. Вся власть, все управление экономикой и политикой, все административные должности и все вооруженные силы находились в руках турок. Никакой рост торговли, никакая относительная свобода кучки торговцев-капиталистов и примасов не меняли того факта, что турки были господами всего греческого народа, в том числе и самых богатых греков. Французский дипломат и историк конца XVIII в. К. К. Рульер писал: «Почти все крупнейшие состояния находились в руках греков, более ста тысяч их были способны носить оружие. Они одни обрабатывали землю. Только они целиком посвятили себя торговле и ремеслам. Этот народ-раб, подавленный и униженный, в настоящее время стал наиболее просвещенным из всех варварских народов. Но среди греков мало кто не приходит в трепет от одного только вида тюрбана»¹.

Однако к концу XVIII в. внутри поработанного народа уже выросли силы, способные свергнуть гнет иностранных завоевателей.

¹ С. С. *Ruthiere* *Revolutions de Pologne*, v. III, Paris, 1862, p. 122

Освободительные идеи родились в народе

Жители долин, влачившие жалкое существование рабов, постоянно обращали свои взоры в горы, где столетиями шла непрерывающаяся партизанская война. Её вели свободные греки, те, кто, не желая выносить гнет турецких властей, убегали в горы и жили там независимыми общинами. Они называли себя клефтами. Клефты создавали небольшие дружины по 100—200 человек, во главе которых ставился наиболее прославленный воитель против турок — капитан. Простые ратники называли себя паликарами — храбрыми, удалыми. Они вооружались саблями, кинжалами, длинными ружьями, носили с собой обвитые вокруг тела арканы, чтобы связывать пленных. Клефтские дружины совершали постоянные нападения на турецкие военные посты, купеческие караваны, угоняли стада, принадлежавшие туркам, устраивали засады в горных проходах, жгли дома наиболее ненавистных сборщиков податей, помещиков, чиновников и брали в плен их самих. Клефты овладевали легендарной меткостью в стрельбе. С гор в долины сошла слава о горных стрелках, вдевающих пулю в кольцо на расстоянии 200 шагов.

Клефты были яркими выразителями освободительных идей и свободлюбивого духа всего греческого народа. Жители долин были тесно связаны с теми, кто воевал в горах. Горные отряды все время пополнялись их сыновьями, родственниками, соседями, жителями соседних деревень. Клефтов хорошо знали, любили, тайно им помогали, славил как героев и слагали о них песни.

Клефтские песни — песни свободы — распевались по всей Греции. В них прославлялись герои партизанской

войны и их подвиги. При почти полном отсутствии письменных источников для греческой истории того времени клефтские песни — подлинный, вечно живой фольклор — являются весьма интересным материалом для изучения ранних форм национально-освободительной борьбы греческого народа. Интересно отметить, что все герои этих народных песен — и Буковал, и Стаф, и Андрикос, и Кальякуд, и многие другие — были не вымышленными, а действительно жившими вождями национально-освободительного движения греков на самой ранней его стадии.

Из среды клефтов вышли лучшие вожди национально-освободительной войны: Колокотрохис, Анагностарос, Пануриас, Нотис, Маркос и Константинос Боцарисы и другие.

Многие районы Греции, особенно в горах Этолии, Пинда, Аграфы (особенно горный район Сули), священная гора клефтов Олимп, а также целая большая горная область на юго-западе Пелопоннеса, Майна, расположенная в районе древней Спарты, и другие так никогда и не были подчинены туркам.

Развитие торговли, накопление капиталов, а вместе с тем и распространение просвещения среди греческого народа способствовали росту идей национального освобождения. Во второй половине XVIII в. греки становятся наиболее просвещенной частью населения Османской империи. Как только в середине XVIII в. султан Селим III разрешил создавать греческие школы, они стали возникать очень быстро и буквально всюду. К началу греческого восстания не было ни одной более или менее крупной общины, где бы не было начального училища. Купцы посылали своих детей, своих ближайших помощников и приказчиков в различные города Европы

учиться иностранным языкам и коммерции; дети богатых греков изъездили все европейские порты и столицы, изучая языки, литературу, общественные науки и особенно искусство дипломатии. Созданное на Хиосе высшее политехническое училище (университет) привлекало так много учащихся из всех концов Греции, что на острове было больше приезжих студентов, чем собственных жителей, как отмечали очевидцы.

Образованные греки уже во второй половине XVIII в. перевели на греческий язык большое число европейских книг. Еще в XVII в. патриарх греческой церкви Кирилл Лукарис перевел церковные книги на греческий язык и основал первую греческую типографию. Это была вообще первая типография в Османской империи (Турки завели свою типографию чуть ли не век спустя — в 1727 г.) Греки издавна почти монопольно владели искусством врачевания — вся медицина была в их руках. Естественно, что греческие врачи, учившиеся часто за границей, также являлись проводниками просвещения среди народных масс.

Наиболее известным просветителем Греции был Адамантиос Кораис (1748—1833 гг.) — внук богатого торговца шелком в Смирне, человек широкого образования, писатель, литератор, лингвист. Живя почти всю жизнь в Париже, он издал «Греческую библиотеку» из 26 книг, в которую вошли сочинения древнегреческих классиков. В своих сатирических сочинениях он высмеивал греческое духовенство и церковное образование фанариотов¹,

¹ Фанариоты — образованная греческая аристократия, дома которой были расположены в одном из районов Константинополя, Фанаре. В силу своего образования и знания иностранных языков многие фанариоты занимали высшие административные

написал много статей политического и литературного характера, проповедуя идеи просвещения и освобождения Греции от гнета Османской империи.

Просвещение укрепляло в поработанных греках дух свободолюбия. Уже с середины XVIII в. угнетенная нация начинает искать пути к освобождению.

Большую роль в пробуждении национального самосознания греческого народа и в росте его революционных национально-освободительных сил сыграли войны России с Турцией конца XVIII — начала XIX в.

Кораис — современник этих войн, внимательно следивший за процессами, которые происходили на его родине, доподлинно знавший настроения и чаяния своих соотечественников, — сумел увидеть то главное, что они принесли греческому народу. Великого греческого просветителя никак нельзя заподозрить в особых симпатиях к России. Он всю свою долгую жизнь прожил в Париже и, как свидетельствует надпись на его надгробье на кладбище Монпарнас, любил Францию так же, как и свою родину Грецию. Тем ценнее для нас то, что он говорил в 1803 г. о влиянии русско-турецкой войны 1768—1774 гг. на пробуждение Греции.

«Россия, — писал он, — навсегда уничтожила обаяние турецкой империи, доказавши, что огромные размеры этого государства, считавшегося сильной и благоустроенной державой, являлись не чем иным, как неким родом водяной болезни, которая должна была рано или поздно довести Османскую империю до гибели». Уже в этой войне греки, по свидетельству Кораиса, массами

должности при дворе султана, в частности должности господарей Молдавии и Валахии, драгоманов (переводчиков) министерства иностранных дел, и некоторые другие.

вступали в русские полки и считали их победы своими собственными. «Эти новые помощники,— писал далее он,— сражались на стороне петербургского двора, и весь народ желал ему военных успехов. Некоторые думали только об отмщении своим притеснителям; другие считали своим долгом перейти на сторону русских в силу единоверия, надеясь, что они восстановят божьи храмы, разоренные турками и превращенные в мечети, многие же благомыслящие люди смотрели на русских как на народ, предназначенный провидением воскресить свободу Греции»¹.

То же самое отмечал и другой современник событий — К. Рульер. Этого французского дипломата и придворного историка (писавшего для французского дофина историю разделов Польши), так же как и Кораиса, невозможно обвинить в пристрастии к политике Екатерины II. Он был страстным защитником интересов своей страны — Франции, которые резко расходились с интересами России. И тем не менее он отмечал, что «греки еще задолго до Петра I и его Прутского похода смотрели на русских как на своих освободителей»².

Рульер справедливо отмечал, что уже Прутский поход русской армии, хотя и не приведший к победе над турками, но всколыхнувший народы северной части Балкан, не мог не оказать революционизирующее влияние и на греков, граничащих с ними.

По свидетельству Рульера, в царствование Елизаветы Петровны на Пелопоннес был послан первый русский эмиссар, который собирал сведения о настроениях гре-

ков и «получил уверенность в том, что в случае войны России с Турцией греки выступят на стороне первой»¹.

В 1765 г., когда в Петербурге в Государственном Совете обсуждался вопрос о подготовке к войне с Турцией, фаворит Екатерины II граф Григорий Орлов изложил свой проект «Архипелажской экспедиции» русского флота. По мнению автора проекта, эта экспедиция должна была отвлечь внимание и силы противника с севера, облегчив этим военные действия русских армий на Балканах.

18 июля 1769 г. из Кронштадта вышла эскадра под командованием адмирала Г. А. Спиридова. Вслед за первой эскадрой вышла и вторая под командованием контр-адмирала Джона Эльфинстона. Главнокомандующим экспедицией был назначен младший из Орловых — Федор².

Греки, узнавшие от своих мореплавателей и русских эмиссаров об экспедиции русского флота, стали готовиться к восстанию. На острова Идра, Псара, Специя, в то время захваченные венецианцами, в начале войны бежали сотни крестьян из континентальной Греции. Они просили богатых жупцов дать им оружие, чтобы присоединиться к русскому десанту, как только он высадится в Греции. Многие греческие корабли спустили турецкие флаги и подняли русские. Они ждали русскую эскадру на рейдах, чтобы немедленно присоединиться к ней. На побережье Мореи заготавливалось продовольствие для русской армии. Капитан-командор (впоследствии

¹ *C. C. Rulhiere* *Revolutions de Pologne*, v III, p 104.

² Подробнее об экспедиции русского флота в архипелаг и Чесменском морском сражении см. *Е. В. Тарле*. Соч., т. X. М., 1959, стр. 11—91. Там же библиография вопроса, стр. 803—806.

¹ *A. Koraï* О нынешнем просвещении Греции. Спб., 1815 стр. 23—24.

² *C. C. Rulhiere* *Revolutions de Pologne*, v III, p 102

адмирал) С. К. Грейг — командир флагманского корабля русской эскадры «Три иерарха» — в «Собственноручном журнале», который он вел во время плавания и Чесменского сражения, писал, в частности, что богатый примас Майны Заимис¹ еще до прихода русских приготовил на собственные средства огромные запасы сухарей и другой провизии, так что этого было достаточно для всей экспедиции в продолжение нескольких месяцев²

Греки ухитрились даже проникнуть в Россию и определиться в матросы на русские корабли. Незадолго до отправки русских эскадр из Кронштадта в Таганрог прибыл греческий торговый корабль под командованием молодого арматора Антония Псароса с острова Миконос. Псарос отправился в Петербург и предложил Адмиралтейству услуги всей своей команды. Это предложение было с тем большей радостью принято, что жители Миконоса исстари считались наиболее искусными мореплавателями архипелага, хорошо знали все острова, заливы, бухты, рифы и скалы Средиземного моря. На каждый русский корабль было определено по несколько греческих матросов в качестве лоцманов или шкиперов. Эти моряки под командованием Псароса стали затем основным ядром повстанческой армии, сражавшейся с турецкими войсками на юге Пелопоннеса.

Как только русская эскадра в феврале 1770 г. прибыла в Коронский залив, началось восстание греков в Майне, затем охватившее весь юг Морен (Пелопоннеса). Стоило только маленькому отряду русских солдат высадиться на греческой земле, как к нему стали одна за

¹ По всей вероятности, дед или отец активнейшего участника восстания 1821–1829 гг. Андреаса Заимиса

² «Морской сборник» № 12, 1849, стр. 786

другой присоединяться группы повстанцев¹. Греческая армия, осадившая главный город Майны Мизитру (построенную неподалеку от того места, где некогда стояла древняя Спарта), состояла уже не менее чем из 3 тыс. человек. Весть о прибытии русских и о начале восстания быстро разнеслась по всей стране. Одно из известия о прибытии эскадры из России, как раз в это время громившей турецкие армии на Дунае, было достаточно, чтобы греки поверили в свое скорое освобождение. Они массами бежали из Константинополя или в русскую армию на север, или в Морею на юг. Многие из них доставали оружие и тайно переправляли его на иностранных кораблях на Пелопоннес. Восстали жители Месолонгиона, затем Коринфа и Афин.

В Фессалии собралась целая армия повстанцев, представители которых прибыли на русскую эскадру и просили у Ф. Орлова оружия. Все острова готовы были к восстанию и снаряжали суда, чтобы примкнуть к русской эскадре. Идра, Псара, Специя и другие острова, находившиеся тогда под властью Венеции, единодушно объявили о своем присоединении к восстанию, несмотря на эдикт, запрещающий выступление жителей «в пользу русских». Многие из них отплывали на собственных маленьких судах в Морею. Попытки венецианского правительства задержать эмиграцию даже с помощью оружия оказались тщетными. Суда восставших поднимали флаги со знаком креста и ловко спасались от венецианских фрегатов. Восставшие тысячами высаживались на берега Морей и создавали революционные отряды.

Взяв Мизитру, повстанцы, не имевшие ни боеприпасов, ни продовольствия, долго и безуспешно осаждали

¹ «Морской сборник» № 11, 1849, стр. 715.

Триполис и ряд других городов. Небольшой отряд русских не смог решить дела. Совместно с греками он взял порт и крепость Наварин, но не сумел там долго удержаться¹. Под угрозой оказаться в блокаде с суши и с моря он вынужден был эвакуироваться из города.

Первое национально-освободительное восстание греков было потоплено в крови. Оно и не могло быть успешным, как всякое стихийное крестьянское движение — разрозненное, плохо подготовленное, не имевшее ни общей единой организации, ни единого плана действий, ни даже оружия. У него не было тогда еще и вождя в лице достаточно сформировавшейся национальной буржуазии (не говоря уже о рабочем классе) — непременно условия победы всякой национально-освободительной революции.

Но это широкое народное движение сыграло огромную роль в подготовке масс к великой освободительной войне 1821—1829 гг. Подобно первым пузырькам на воде, оно предвещало бурное кипение 1821 года.

Несмотря на то что восстание на Пелопоннесе было подавлено и наступил период разочарования, греки не переставали возлагать на Россию свои надежды. Победа русского флота над турецким и уничтожение последнего в Чесменской бухте (26 июня 1770 г.) были приняты по всей Греции с новым взрывом воодушевления. Последовавшие затем победы русской армии под командованием П. Румянцева на Дунае принимались греками и народами Балкан как свои собственные, и их революционизирующее значение трудно переоценить. В русскую армию вливались все новые и новые отряды греков и

славян, сражавшихся в ее рядах до самого окончания войны (1774 г.). Ветераны этой войны воспитывали в своих детях непримиримую ненависть к иноземным работодателям и завещали им довести до конца дело 1770 года.

После победоносного окончания войны Россия продиктовала султану свои условия 10(22) июня 1774 г. в русском лагере на правом берегу Дуная, близ деревни Кючук-Кайнарджи, был подписан русско-турецкий договор, еще более прочно связавший судьбу греков и всех народов Балкан с Россией.

Прежде всего по настоянию русской дипломатии была объявлена полная амнистия всем славянам, грекам и другим народам, воевавшим на стороне России. Затем шли статьи, отражающие самое существенное: признание независимости Крыма и сопредельных с ним татарских областей; присоединение к России Азова, Керчи, Еникале и Кинбурна; открытие Черного моря и проливов Босфора и Дарданелл для русского торгового судоходства, а также предоставление России наибольшего благоприятствования в вопросах торговли, пошлин, капитуляционного режима и консульской службы.

Отныне развитие южнорусской торговли в значительной степени зависело от того, будут ли выполняться эти статьи о свободе прохода русских торговых судов через проливы или нет. Естественно, что для России при такой ситуации было бы гораздо удобнее, чтобы вместо враждебной ей Турецкой империи на Балканах возникли небольшие самостоятельные дружественные государства, которые не только не препятствовали бы ее торговле, но всячески способствовали ей. Поэтому в договоре сохранилась статья о фактической автономии Молдавии и Валахии и праве России «говорить в пользу сих двух

¹ Командовал осадой Наварина с моря бригадир артиллерии Ганнибал — сын знаменитого арапа Петра I, дед А. С. Пушкина

2 ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Княжеств». Стремясь распространить свое влияние и в других славянских землях и в Греции, русская сторона, проявившая при переговорах в Кючюк-Кайнарджи верх дипломатического искусства, настояла на включении в договор среди многих других статей и знаменитой 7-й статьи, которая давала России право «покровительствовать православной вере» по всей Османской империи и «делать представления» султанскому правительству по всем вопросам православной церкви.

Таким образом, в Кючюк-Кайнарджийском договоре черным по белому было записано, что отныне могущественная держава Россия становится «защитницей» и «покровительницей» румын, болгар, сербов, черногорцев и греков.

Кючюк-Кайнарджийский договор определил основные направления русской политики на Балканах и в проливах почти на целое столетие вперед. Мирные договоры — Ясский (1792 г) и Бухарестский (1812 г), заключенные после следующих двух русско-турецких войн, только подтверждали и развивали эти основные направления.

Подготовка великой греческой революции началась задолго до 1821 г. Первые шаги ее связаны с именем замечательного греческого патриота, революционера, философа, музыканта и поэта Константиноса Фереоса Ригаса (1760—1798 гг.)¹

Когда Адамантиос Кораис, сидя в своей парижской квартире, переводил древних классиков на новогреческий язык и убеждал «просвещенный Запад» в том, что современные ему греки вполне достойны быть освобожденными от османской тирании, он и не подозревал о появлении на его родине человека, заронившего искру будущего пламени. А между тем в Константинополе, в роскошном доме богатого фанариота, валахского, а затем молдавского господаря Александроса Ипсиланти², жил европейски образованный молодой человек, который наряду с исполнением своих секретарских обязанностей занимался военной историей и тактикой, писал революционные стихи и обдумывал планы все-

¹ Точно год рождения К. Ригаса не установлен. Греческие и английские источники указывают 1760 г.

² Александрос Ипсиланти — дед активных участников греческой революции 1821—1828 гг. братьев Ипсиланти. Как сторонник освобождения Греции путем революции был казнен султанским правительством в 1807 г.

общего восстания греческого народа против власти султана. Это был Константинос Фереос Ригас.

В 1786 г. Ригас уехал в Бухарест на службу к господарю Валахии Николаосу Мавроженису и создал там из группы молодых патриотов первую революционную организацию — «Филики Гетерию» («Общество друзей»), ставившую перед собой смелую цель — снабдить греческий народ оружием и поднять его на восстание против иноземного ига. Революционные стихи Ригаса переписывались в сотнях экземпляров, ходили из рук в руки по всей Греции и всюду будили патриотические чувства. Это были прямые и неприкрытые призывы к восстанию.

Французская революция 1789 г. привела Ригаса в восторг. Он внимательно следил за деятельностью французских революционеров и тогда же написал свою знаменитую «греческую марсельезу» — смелую и вдохновенную песнь восстания:

Воспряньте, Греции народы!
День славы наступил.
Докажем мы, что грек свободы
И чести не забыл.
Расторгнем рабство вековое,
Оковы с вый сорвем,
Отмстим отечество святое,
Покрытое стыдом!
К оружию, о греки, к бою!
Пойдем, за правых бог!
И пусть тиранов кровь рекою
Кипит у наших ног!¹

Так начинался этот гимн свободе, названный «Военным гимном греков». Ригас далее призывал «славные

¹ Перевод Н Гнедича (*Н И Гнедич. Стихотворения. М., 1956* стр. 126—127).

гени уснувших героев и мудрецов» древней Греции встать во главе восставших соотечественников и вести их в бой.

Другой, еще более страстный гимн Ригаса не имел даже названия и долгое время ходил в списках по рукам. В нем поэт призывал борцов за свободу — болгар, сербов, албанцев и греков — «обагрить шпаги в крови врага в борьбе за свободу». «Один только час свободы, — писал он, — стоит больше, чем сорок лет неволи и рабства! До каких пор будете вы слугами чужеземных господ? Придите и станьте опорой своей нации! Лучше потерять все, сражаясь за родину, чем украшать золотом свою шпагу на службе у иноземцев!»

Активная революционная деятельность Ригаса и его сподвижников не могла остаться незамеченной. В 1797 г. Ригас, надеявшийся получить поддержку Наполеона, поехал в Венецию, чтобы встретиться с ним, но в Триесте его бумаги попали в руки австрийской полиции. Немедленно он был арестован и выдан белградскому паше, который сам застрелил его (1798 г.). После гибели Ригаса первая Гетерия распалась, но многие ее члены, оставшиеся в живых, продолжали тайную революционную пропаганду.

Французская буржуазная революция оказала большое революционизирующее влияние не только на Ригаса, но и на всех передовых людей Греции. Просвещенная молодежь жадно впитывала в себя идеи французских буржуазных революционеров. Лозунг свободы, равенства и братства зажигал сердца и звал к великим делам; все передовые люди Греции стремились к одному — освободить страну от гнета военно-феодалного деспотизма султана, сделать ее независимым, свободным государством.

Войны. России с Турцией в 1787—1791 и 1806—1812 гг. подлили масла в огонь. Снова русские полки громили султанских янычар, русский флот наносил удары военно-морским силам Османской империи. Снова в русскую армию вливались добровольные отряды славян и греков и воевали вместе с ними против своих угнетателей. Снова Россия в своих мирных договорах с Турцией в Яссах (1792 г.) и в Бухаресте (1812 г.) подтверждала автономные права Молдавии, Валахии и Сербии и объявляла себя покровительницей всех православных подданных султана.

Если идеи французской буржуазной революции доходили только до просвещенной верхушки греческих патриотов, то русские войны, хотя бы в силу одной только своей непосредственной ощутимости, взбудораживали самые толщи народные. И действительно, тот факт, что Россия (и только одна она!) постоянно жестоко бьет угнетателей греческого народа, делал ее в сознании широких народных масс их самым близким другом.

В 1814 г. купец из Одессы Николаос Скуфас вместе с архимандритом Георгиосом Дикеосом и Эммануилом Ксантосом основали в Одессе новое революционное общество, опять же названное «Филики Гетерия».

Весьма примечательно, что в отличие от узких заговорщических революционных организаций типа итальянских карбонариев, весьма распространенных в то время в ряде западноевропейских стран, Гетерия стала по существу массовой народной организацией, целью которой было поднять на восстание весь греческий народ. Ее основатели отказались от заговорщической тактики и стремились вовлечь в Гетерию как можно

больше членов из самых разных слоев греческого общества.

Член Гетерии Николаос Ипсиланти¹, оставивший нам свои воспоминания (к сожалению, весьма короткие и отрывочные), писал: «Ее (Гетерии) правила и программа действий.. были написаны на простом греческом народном жаргоне, чтобы они могли дойти до каждого пастуха»². Вскоре Гетерия имела уже свои отделения во многих городах Греции и Балкан. Ее посланцы (эфоры) ездили по стране и вербовали членов общества без различия их общественного положения. Чтобы стать членом Гетерии, надо было только поклониться перед иконой с изображением вознесения Христа в верности идеям общества и в готовности бороться за свободу родины, выполнять все поручения и держать в глубокой тайне все, что услышишь.

Наиболее активными членами Гетерии были не богатые греки — фанариоты, как это обычно изображается, а люди, более близкие к народу, например Афанатос Цакалов — сын греческого купца в Москве, двадцатичетырехлетний юноша, целиком посвятивший себя делу освобождения Греции. Он отправился на Пелопоннес, где вербовал новых членов Гетерии и пропагандировал идеи всеобщего восстания. Не менее активно действовал и архимандрит Георгиос Дикеос, которого называли Папа-Флесосом. Он завоевал огромную популярность среди жителей Пелопоннеса своей смелой и почти открытой пропагандой восстания, совершил много подвигов во время войны за независимость и погиб

¹ Брат Александра Ипсиланти, возглавившего восстание 1821 г. в Молдавии и Валахии.

² «Memoires du prince Nicolas Ipsilanti», Athènes Paris, p. 5.

смертью храбрых в июне 1825 г. во время сражения с войсками Ибрагим-паши¹.

Очень характерна еще одна фигура члена Гетерии, упоминаемого в мемуарах Н. Ипсиланти, но, к сожалению, не замеченная никем из известных нам историков греческого восстания 1821—1828 гг. Н. Ипсиланти пишет, что Афанатос Цакалов в 1817 г. в Константинополе вовлек в Гетерию священника Папа-Георгиоса. Последний вступил в организацию, вернувшись из России, где он некоторое время жил в петербургском доме Константиноса Ипсиланти² — отца четырех гетеристов братьев Ипсиланти.

Вступив в Гетерию, Папа-Георгиос стал наиболее активным ее членом. «Не теряя времени, — писал Н. Ипсиланти, — он вооружился ножом, который носил под пальто, и почти открыто вербовал братьев (общества) всюду — в кабаре, на базарах, не боясь чумы, производившей страшное опустошение, от которой он сам умер через два месяца, вовлекая (в Гетерию) 15 тысяч своих подопечных... все мясники, пекари, носильщики, лодочники и прочие вошли в наше братство»³.

Гетерия посылала своих эфоров по всей Греции, и незадолго до начала восстания к ней примкнули мно-

гие примасы, вожди клефтов и сулнотов, в том числе и будущий главнокомандующий греческой повстанческой армией Феодорос Колокотронис, вступивший в Гетерию еще на Ионических островах, где он некоторое время скрывался от преследования султанского правительства.

Греческие революционеры большие надежды возлагали на военную помощь России и обещали ее народу. Александр Ипсиланти в воззваниях к жителям Молдавии и Валахии, Папа-Флесос и Афанатос Цакалов в своих смелых речах перед пелопоннесцами заявляли, что, как только они поднимут знамя восстания, русские полки начнут громить армии их угнетателей.

Греки снова, как и 50 лет назад, передавали из уст в уста неизвестно кем пушенный слух: весной 1821 г. в Средиземном море появится русский флот и высадит армию для полного освобождения Греции. Эти надежды греков были естественным следствием всех их взаимоотношений с Россией на протяжении многих десятилетий. Право покровительства России православным подданным султана, записанное в договорах, не оставалось мертвой буквой. Несмотря на самые реакционные повороты в европейской политике Александра I, Россия неизменно и систематически сначала тайно, а потом и явно поддерживала греческих революционеров всеми возможными в каждый данный момент способами: морально, материально, дипломатическим путем и, наконец, силой оружия.

Прежде всего Россия стала прибежищем всех греческих и славянских эмигрантов, бежавших с родины из-за преследований султана. Николаос Ипсиланти свидетельствует, например, что русский посол в Константинополе барон Строганов, получивший инструк-

¹ В этом бою отряд Дикеоса в 300 человек, вооруженных саблями и штыками, в течение девяти часов сражался с превосходящими силами противника и уничтожил 600 египтян. Очевидцы рассказывали, что Ибрагим, отрубив голову Дикеоса, чтобы посылать ее как ценный трофей в Константинополь, поцеловал ее и сказал «Жаль такого воина».

² Константинос Ипсиланти — греческий патриот, бежавший в Россию от преследований султанского правительства. Умер в Киеве в 1816 г.

³ «Memoires du prince Nicolas Ipsilanti», p. 23—24

ции оказывать всяческое покровительство грекам, очень старательно их выполнял. Большое число греков еще в конце XVIII — начале XIX в. перешло на русскую военную и дипломатическую службу. Многие из них в составе русской армии сражались с Наполеоном, например четыре брата Ипсиланти, один из которых, будущий вождь восстания в Молдавии и Валахии Александр, потерял руку в сражении под Кульмом.

Греческие торговые фактории и колонии — а они существовали почти во всех южнорусских городах — ставились истинными бунтарскими гнездами. Недаром Скуфас основал Гетерию именно в Одессе. Ее первыми членами были греческие эмигранты в России. Отсюда на торговых судах тайно переправлялись в Грецию эфоры Гетерии для агитации среди соотечественников и организации отделений общества.

В 1816 г. Скуфас перевел центр Гетерии в Москву. И только в 1818 г., после того как возникли отделения общества в самой Греции, главный центр был перенесен в Константинополь; в Одессе осталась сильная группа, осуществлявшая связь греческих отделений общества с отделениями на территории России, в Сербии, Молдавии и Валахии.

Большую роль в укреплении Гетерии, в развитии ее деятельности и в подготовке оружия для восстания сыграла денежная помощь, постоянно поступавшая из России. В организации этой помощи неоценимая заслуга принадлежала будущему первому президенту независимой Греции Иоаннису Каподистрии. Греческий патриот, родом с Корфу, он был горячим приверженцем России и считал, что Греция сможет получить независимость только при помощи великой северной державы.

Убежденность эта происходила из восьмилетнего опыта истории Ионических островов, когда эти острова находились под протекторатом России (1798—1807 гг.).

Освобожденные от французской оккупации в результате побед русской эскадры под командованием Ф. Ф. Ушакова, острова получили из рук русского адмирала широкое самоуправление, а затем и первую греческую республиканскую конституцию (1803 г.). В 1807 г. Ионические острова были оккупированы Наполеоном, а два года спустя их захватили англичане, давно мечтавшие о колониальной базе на Средиземном море, более обширной, богатой и удобной, чем Мальта. Конституционная буржуазная Англия упразднила республиканскую конституцию островов и заменила ее обычной колониальной конституцией, облакавшей неограниченной властью британского верховного комиссара. В 1815 г. таким комиссаром стал жестокий и властный генерал Томас Мейтленд или, как его прозвали греки, «король Том» — типичный английский колониальный сатрап. И. Каподистрия, как и большинство его соотечественников, горячо ненавидел англичан и считал английскую колониальную власть величайшим несчастьем для Греции¹.

Стремясь к освобождению Греции и Ионических островов от иноземного ига, Иоаннис Каподистрия в 1809 г. отправился в Россию и поступил на дипломатическую службу в надежде, что ему удастся быть в курсе русской восточной политики и оказывать на русское правительство постоянное давление в пользу Гре-

¹ См. *И. Каподистрия*. Записка о служебной деятельности. «Сборник Русского исторического общества», т. 3, 1868, стр. 239, 248.

ции. В течение многих лет он занимал важные посты на русской дипломатической службе и при этом непрестанно поддерживал тесные связи с греческими патриотами.

В 1815 г. во время Венского конгресса Каподистрия получил назначение на пост второго статс-секретаря (министра) иностранных дел и в период с 1815 по 1822 г. был одним из самых любимых министров царя Александра I. Когда Александр I заявил Каподистрии о своем желании назначить его на высший дипломатический пост, тот сказал, что в таком случае греки будут еще больше надеяться на помощь России и обременять его своими справедливыми жалобами. На это замечание царь ответил следующее: «Совершенно справедливо и полезно, чтобы греки имели при мне в лице вашем своего поверенного»¹. И Каподистрия был хорошим «поверенным». Получив в свое ведение все дипломатические сношения с Востоком, он постоянно держал царя в курсе всего, что происходило в Греции, и в частности посвятил его в планы подготовки восстания.

На Венском конгрессе он усиленно добивался международного признания независимости Ионических островов. Но скоро стало совершенно очевидно, что Англия, находившаяся в зените своей славы, не собирается от них отказываться. Она, собственно, для того и вела войну с Наполеоном, чтобы сломить мощь своего вечного конкурента Франции и захватить новые колонии и базы на пути в Азию.

Каподистрия попытался возбудить и вопрос об освобождении Греции от османского ига, но это встретило

еще большее противодействие. Связанный общеевропейскими обязательствами и опасаясь вмешательства держав в свои взаимоотношения с Турцией, Александр I не хотел поднимать греческого вопроса на Венском конгрессе. Однако он быстро согласился на придуманную Каподистрией новую, весьма завуалированную форму помощи грекам.

Каподистрия предложил открыть в Вене подписку для «оказания пособия молодым грекам, которые жаждут образования». Он ловко использовал ту атмосферу веселья, радости и благодушия, которая господствовала в Вене, куда съехалась вся европейская аристократия праздновать победу над Наполеоном. Монархи здесь подводили счет выигранным сражениям, царственные красавицы щеголяли ошеломляющим великолепием туалетов, принцы, герцоги, князья и графы ослепляли общество роскошью приемов и развлечений, дипломаты всех рангов соревновались в остроумии и умении обмануть друг друга.

Античность была в моде. Шумно восхищаться древнегреческим искусством, ставить в придворных театрах античные трагедии и сожалеть «об участи несчастных греков» считалось верхом аристократизма. Поэтому мысль о возрождении греческого образования, исходящая от победителя Наполеона, была с энтузиазмом подхвачена. Сам Александр I назначил для этой цели ежегодную сумму в 200 голландских червонцев, русская императрица — 100 червонцев, другие государи, их министры, сановники и вся аристократия рангом ниже последовали их примеру.

Эта подписка положила начало обществу «Филумусон Гетерия» («Общество любителей муз»). Но никто из всей этой знати, кроме, может быть, нескольких рус-

¹ И. Каподистрия. Записка о служебной деятельности. «Сборник Русского исторического общества», т. 3, 1868, стр. 203.

ских, не знал истинного назначения тех денег, которые они давали этой организации Каподистрии, все время мастерски игравший роль противника всякого революционного движения, впоследствии сознавался «Подписка, произведенная в 1815 году, была одной из случайных причин образования тайного общества, называемого Гетерией»¹. Делая вид, что это произошло помимо его воли, он писал также: «Некоторые беспоконные и крамольные люди покусились изменить на правление («Филомусон Гетерии»), слив его с другими, прежде образовавшимися обществами, основанными покойным Ригасом»². В связи с этим естественно возникает вопрос: каким образом суммы, собранные на Венском международном конгрессе министром иностранных дел России, попали в руки указанных «беспоконных и крамольных людей» вопреки желанию главного организатора всего этого дела?

Из имеющихся источников, в частности из указанной нами обширной «Записки о служебной деятельности» Каподистрии, поданной им Николаю I в 1826 г., можно заключить, что этот государственный деятель знал о существовании Гетерии чуть ли не с первых дней ее существования и постоянно оказывал греческим революционерам материальную помощь как от своего имени, так и от имени русского правительства.

Члены Гетерии то и дело ездили в Петербург к Каподистрии и просили «пособий» под разными предлогами: то якобы для организации начальных школ, то для вдов и сирот, то для пострадавших от стихийных

бедствий и пр. Не было случая, чтобы эти посланцы уезжали из России ни с чем. Причем и для Каподистрии в частности и для русского правительства вообще было совершенно ясно, что эти суммы будут употреблены на подготовку восстания, и главным образом на покупку оружия.

Греческий историк Филимон, издавший в 1834 г. «Исторические документы о Филики Гетерии», сообщает, что в 1816 г. в Петербург прибыл член Гетерии Перевус — друг Ригаса, участник русско-турецкой войны на стороне России и революционного движения сулиотов в 1814 г.¹ Он изложил Каподистрии гетеристский план всеобщего восстания греков. Когда Александр I узнал об этом, он велел «для проформы» арестовать «бунтаря» Перевуса, но тот был очень быстро освобожден и получил даже денежную помощь. То же самое произошло и с другим греческим революционером — Галатисом. Каподистрия в своей «Записке» пишет, что Галатис прибыл в Петербург в начале 1817 г. и просил его и царя о помощи и содействии для «тайного общества, состоящего из греков, которые имеют целью освободить посредством всеобщего восстания их отечество от иноземного ига» Галатис также был арестован на весьма короткое время, и затем, по словам Каподистрии, после внимательного рассмотрения Александром I «планов и намерений Гетерии» «он был препровожден безопасно на родину».

Галатис уехал в Молдавию и там, к своему удивлению, был приглашен к русскому консулу Пини, который очень любезно его принял и при прощании вручил ему 5 тыс. пиастров от имени Александра I и письмо

¹ И. Каподистрия. Записка о служебной деятельности «Сборник Русского исторического общества», т. 3, 1868, стр. 254—255.

² Там же, стр. 195—196.

¹ N Philimon Griechischer Aufstand, B I, S 134

от Каподистрии (содержание последнего, к сожалению, неизвестно)¹.

Любопытно отметить и следующее. После этих посещений Каподистрия с ведома царя направил в Одессу и Дунайские княжества частные письма грекам с сообщением о существовании Гетерии и перечислением известных ему имен ее вождей. В «Записке» он пишет, что это делалось с целью «убедить» греков «противодействовать козням» Гетерии. Но на самом деле (и в России не могли этого не знать) письма Каподистрии являлись лучшей пропагандой Гетерии и ее планов. Без сомнения, именно с этой целью они и были отправлены. Характерно также и то, что через несколько дней после отправки этих писем Каподистрия был награжден орденом Александра Невского (не за укрепление же власти султана!).

Каподистрия был лично связан со многими будущими вождями греческого восстания. В 1818 г. в Москве он встречался с наиболее влиятельными вождями из Румелии и Эпира: Хризосластисом, Димитропулом, Анагностаросом, Перевусом и Фармакисом. Все они были активными членами Гетерии.

Александр I, пишет Каподистрия в своей «Записке», «соизволил пожаловать этим начальникам, прибывшим в Москву, денежные пособия и рекомендательные письма к барону Строганову, с тем чтобы он доставил им до некоторой степени безопасность на их родине»². Эти вожди уже тогда готовились к восстанию и употребили русские деньги на оружие.

¹ «Memoires du prince Nicolas Ipsilanti», p. 10.

² И. Каподистрия. Записка о служебной деятельности. «Сборник Русского исторического общества», т. 3, 1868, стр. 225—226.

Зимой 1818 г. Каподистрия получил длительный отпуск и отправился в Грецию якобы для свидания с престарелыми родителями. Однако он использовал данные ему несколько месяцев не только на выполнение сыновнего долга. Во время его пребывания в родительском доме на Корфу его «как старого знакомого» посетили самые выдающиеся вожди греческого народа члены Гетерии Колокотронис, Боцарис и другие революционные деятели Пелопоннеса, Акарнании и островов Архипелага, которых русский министр опять же «снабдил средствами». О чем они в действительности говорили, неизвестно. Каподистрия сообщил только одно: «Греческие вожди надеялись услышать, что Россия берет их снова под свое могущественное покровительство». Но, без сомнения, они посвятили его во все детали подготовки к восстанию.

Статс-секретарю русского министерства иностранных дел, за каждым шагом которого следили иностранные агенты, необходимо было скрывать свою деятельность под всяческими благовидными предлогами. Бесперывно оказывая денежную помощь греческим революционерам, он все время подчеркивал в особых записках или официальных письмах, что делает это только для устройства школ и развития образования в Греции, и каждый раз предупреждал греков, чтобы они не употребляли русских «пособий» на подготовку восстания.

Образцом конспирации и дипломатического искусства было письмо Каподистрии Петросу Мавромихалису (Петро-бею) — вождю майнотов, одному из главных деятелей греческого восстания в Майне, с которым он лично был хорошо знаком¹.

¹ Письмо опубликовано в «Сборнике Русского исторического общества», т. 3, 1868, стр. 297—303.

История этого письма такова.

В начале 1820 г., когда вспыхнули восстания на двух Ионических островах — Санта-Мора и Занте, в Петербург прибыли два грека из Сули и поверенный примаса Майны Петро-бея — Камаринос. Сулиоты просили «о пособии для семейств своих соотечественников, не имеющих средств к существованию», а Петро-бей — «для первоначального училища в Спарте». Деньги они получили, но чтобы на Россию не пали подозрения европейской дипломатии, Каподистрия вручил Камариносу письмо на имя Петро-бея, где он много и подробно распространялся по поводу необходимости устраивать «школы» по всей Греции. Под школами он подразумевал отделения Гетерии. Доказательством этому может служить хотя бы то, что в учителя спартанской «школы» он рекомендовал Перевуса — друга Ригаса и одного из самых деятельных основателей и вождей Гетерии.

Мало того, Каподистрия в этом письме учил майнотов как лучше сохранить «школы» от разгрома их турецкими властями. Он рекомендовал всюду ставить их под покровительство православной церкви, которая в свою очередь находилась под русским покровительством и поэтому была недостижима для гнева султана, опасавшегося политических осложнений с Россией.

Деятельность Каподистрии внушила грекам мысль сделать его вождем восстания. В январе 1820 г. они направили к нему в Петербург Эммануила Ксантоса с просьбой встать во главе Гетерии. Каподистрия отказался, так как считал, что будет полезнее для общего дела на том посту, который он занимал. Тогда Ксантос обратился к генерал-майору русской армии адъютанту царя двадцативосьмилетнему Александру Ипсиланти, который и принял на себя руководство восста-

нием и в июне 1820 г. был признан верховным главой Гетерии¹.

Надежды греков на помощь России подогревались и поведением русских консулов и драгоманов, проживавших в торговых городах Греции. В подавляющем большинстве своем они были по национальности греками, и это обстоятельство особенно сближало их с населением. Дело соотечественников было их собственным делом, их считали своими, с ними советовались, у них искали сначала защиты от преследований властей, а затем и помощи в деле подготовки восстания.

Посланцы России — русские консулы, обосновавшиеся в самой Греции, стали подлинными оплотами революционной деятельности повстанцев. Этому способствовало их положение официально признанных покровителей греков от имени России. Пользуясь правами неприкосновенности, они часто укрывали в своих домах преследуемых греков, делали бесконечные представления султанскому правительству о беззакониях, несправедливостях и бесчинствах его чиновников в отношении его греческих подданных, добивались для последних всевозможных уступок, льгот, отсрочек и пр.

Во время подготовки к восстанию многие консулы и драгоманы тайно вступали в Гетерию и часто выполняли даже весьма рискованные ее поручения. Русские консулы часто становились агентами и курьерами Гетерии. Это и естественно, так как право неприкосновенности давало им возможность делать это с гораздо меньшим риском, чем другим членам тайного общества.

¹ А. Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls der Griechen vom türkischen Reiche, B. I. Wien, 1867, S. 13 (далее — «Geschichte des Abfalls...»).

По сведениям Финлея, между гетеристскими центрами в Морее, Константинополе и России велась активная переписка через русского консула в Патрасе¹.

Такое поведение русских консулов и их позиция за щитников и покровителей греков (право, закрепленное договорами) сыграли очень большую роль в том, что восстание не было задушено в самой своей колыбели. Консулы мешали турецким властям на местах разделяться с будущими повстанцами, разоружить клефтов и арматолов, зверски подавить отдельные выступления, осуществить массовые репрессии в самом начале. О каждом решительном действии в отношении греков турецкие чиновники вынуждены были запрашивать инструкции из Константинополя, так как боялись дать повод к дипломатическим осложнениям с Россией.

* *
*

Сигнал к восстанию был дан на Дунае.

Зимой 1820 г. князь Александр Ипсиланти получил по своему прошению отставку и позволение отправиться за границу якобы «для поправления здоровья». Перед отъездом князь долго беседовал с Каподистрией, а затем отправился в Одессу, где проживало большое число членов Гетерии и греческих колонистов. Завязав связи с одесскими греками и, видимо, получив от них деньги и оружие, Ипсиланти уехал в Кишинев, где поселился в доме кишиневского губернатора, своего дяди генерала Катаказиса, и там в течение ряда месяцев с группой революционеров готовился к восстанию.

¹ G Finlay History of Greece, v VI, Oxford, 1877, p. 100, 141

Можно с уверенностью сказать, что о готовящемся восстании знали и начальник штаба 2-й Южной армии генерал П. Д. Киселев, и генерал-губернатор Бессарабии И. Н. Инзов, и губернатор Одессы А. Ф. Ланжерон и многие другие высшие офицеры Южной армии и официальные лица из южных губерний России. Так, в письме от 4 марта 1821 г. Ланжерон сообщал Киселеву: «Выдал более 300 паспортов тем, которые отправлялись выступить в отрядах Ипсиланти»¹. Генерал А. В. Рудзевич, командующий 7-м корпусом 2-й армии, писал Киселеву 2 марта. «Говорят и даже есть уже прокламации или воззвания к греческому народу восстать против турок и сложить с себя иго варварское, которое они столь время носили. Я имею верное известие, что 9 числа сего месяца во всей Греции будет всеобщее возмущение и что на острове Кондия будто бы турок всех уже вырезали. Если это только правда, то греки не на шутку заварили кашу. . Эпоха сия будет самая достопамятнейшая в жизни нашей... Греки одесские величайшие пожертвования по сему случаю сделали, и многие из них уже отправились в Яссы»².

Итак, под крылышком бессарабского и новороссийского генерал-губернаторов, при всеобщих симпатиях русского общества, где Ипсиланти и его сподвижников принимали как героев и ближайших друзей, зрел революционный заговор.

Пока Ипсиланти готовился выступить из Кишинева в княжество, в Малой Валахии началось националь-

¹ И Иовца Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1963, стр. 24 (далее — «Южные декабристы...»).

² Там же, стр. 25

по-освободительное, антифеодалное восстание румынского крестьянства. Крестьяне боролись одновременно и против бояр, и против господарей, и против турецких властей. Во главе их встал национальный герой румынского народа сын крестьянина Тудор Владимиреску, который еще во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. сражался во главе добровольческого отряда румын на стороне русской армии и получил за это от русского правительства орден св. Владимира (отсюда его прозвище Владимиреску). Есть сведения, что Тудор Владимиреску задолго до восстания установил связи с Гетерией через гетериста Йордакиса — капитана арнаутов (охраны) при господарском дворе в Бухаресте.

В начале февраля 1821 г. крестьянское войско, собранное Тудором, овладело небольшим городком Черенцом. Затем, сильно выросши за счет стекавшего в него крестьянства, это войско направилось к Бухаресту, который был сдан без боя в руки Владимиреску членом Гетерии Саввой — командиром господарских войск, охранявших город.

Таким образом, уже с самого начала установились связи Гетерии с руководством крестьянского восстания. Однако скоро начались серьезные разногласия, послужившие одной из важнейших причин поражения восстания в Дунайских княжествах.

Ипсиланти и другие члены Гетерии, вступившие с ним на территорию Молдавии и Валахии, не учли национальных и классовых особенностей, сложившихся в этих Княжествах. Дело в том, что греки, населявшие Княжества, были здесь скорее привилегированными, чем угнетенными. Они явились сюда в XVII в. вслед за богатейшими фанариотскими фамилиями, получив

шими право занимать посты господарей (верховных правителей) Молдавии и Валахии. Господари и их окружение — сановники, сборщики налогов, ростовщики, воеводы — наживали огромные капиталы на откупах налогов и эксплуатации румынского населения. Они вытеснили из системы управления местных помещиков — бояр и отняли у них часть их доходов, за что те их жестоко ненавидели и стремились наверстать упущенное за счет еще более интенсивного грабежа крестьянства. Румынский народ оказался под тройным гнетом — турецких завоевателей, фанариотских господарей и своих собственных помещиков.

Таким образом, национальные и классовые противоречия усложнились настолько, что не учитывать их значило заранее обрекать восстание на провал. Однако сторонники Ипсиланти не сумели объединить воедино силы греков и румынского крестьянства, чего можно было достичь лишь в том случае, если бы руководители восстания учли антифеодалные требования последнего и возглавили его борьбу против румынских помещиков. Но этого сделано не было.

В силу указанных весьма сложных обстоятельств выбор места для начала греческого национально-освободительного восстания оказался неудачным. Наиболее революционной областью Греции был в то время Пелопоннес, где уже формировались революционные отряды со своими испытанными вождями и имелся опыт освободительной борьбы, а гористая местность предоставляла прекрасные возможности для народной партизанской войны.

Второй ошибкой Александра Ипсиланти было то, что он основную ставку делал не на силы самого народа, а на военную помощь России. Члены Гетерии рас-

считывали, что, как только они начнут восстание в Княжествах, 2-я русская армия вторгнется туда вслед за ними. Такие расчеты были лишены каких-либо оснований: Россия в создавшейся тогда международной обстановке никакой военной помощи оказать им не могла, да никто никогда Александру Ипсиланти ее не обещал. Но если бы даже такая помощь и последовала, то без всеобщего восстания греческого народа повсеместно по всей Греции она не могла иметь ровно никакого значения.

Всего этого в силу своей неопытности Ипсиланти и его соратники не учли. Они прибыли в Яссы 6 марта 1821 г., когда восставшие румынские крестьяне под командованием Владимиреску совместно с греками под командованием Иордакиса и Саввы овладели столицей Валахии Бухарестом. Прямо из Ясс Александр Ипсиланти отправил письмо¹ Александру I в Лейбах, где происходил конгресс Священного Союза, с просьбой о военной помощи. Но момент был выбран неудачно. Европейские монархи в Лейбахе как раз обсуждали вопрос о том, как лучше и эффективнее бороться с революциями, и Ипсиланти, естественно, получил отказ.

В письме от имени русского правительства Каподистрия объявлял Ипсиланти об отставке его и его братьев с русской военной службы, но все письмо было составлено в таких мягких выражениях, какими с «революционерами» и «мятежниками» никогда не объяснялись.

По существу право греков на освобождение не отвергалось, отвергались лишь методы, да и то лишь по тому, что они были несвоевременны

Получив отказ, Ипсиланти и его соратники 13 марта 1821 г. во главе конного отряда двинулись на Бухарест.

Сил у восставших было недостаточно, противоречия еще больше ослабили их. В конце апреля три корпуса турецких войск, двинувшихся тремя потоками на Бухарест, в Малую Валахию и в Молдавию, стали овладевать положением. Без труда они заняли Галац, ряд других городов и затем, пользуясь отсутствием единства в руководстве восстанием, овладели Бухарестом. Владимиреску отступил за горы Крайовы, Савва, Иордакис и Ипсиланти — к Терговиште. Вместо того чтобы объединить силы, вожди продолжали враждовать.

Турецкие войска без труда взяли Терговиште, остатки греческих повстанцев отступили по направлению к Рымнику. Ипсиланти попытался оказать сопротивление, но в сражении при Драгочанах (19 июня) его отряд потерпел сокрушительное поражение. А. Ипсиланти с братьями Николаосом и Георгиосом и небольшим отрядом повстанцев отступили на территорию Австрии в надежде пробраться оттуда в Россию, а затем в Грецию. Но австрийские власти немедленно схватили их и бросили в тюрьму¹.

После поражения при Драгочанах небольшой отряд греческих повстанцев под командованием Иордакиса и его друга Формакиса еще долго продолжал борьбу. Лишь в октябре 1821 г., оттесненный к границам Бессарабии, он был почти полностью уничтожен. Его командиры пали смертью храбрых рядом со своими боевыми соратниками.

¹ Несмотря на неоднократные представления России, австрийское правительство долго не выпускало братьев Ипсиланти. Они просидели в тюрьме шесть с половиной лет и были освобождены лишь в 1827 г. А. Ипсиланти умер в Вене 1 августа 1828 г.

¹ A Prokesch-Osten Geschichte des Abfalls, В III, S 64—67

Восстание в Дунайских княжествах, несмотря на свой печальный исход, не было бесплодным. Оно послужило сигналом для всеобщего восстания в Греции и надолго отвлекло внимание и вооруженные силы султана на север, в то время как они уже становились крайне необходимыми султанскому правительству на юге. К тому же оно явилось хорошим поставщиком революционных сил для греческой революции: повстанцы, потерпевшие поражение в Княжествах, бежали на юг и вливались в отряды, сражавшиеся там за освобождение Греции.

* *
*

Революция в Греции началась почти одновременно в ряде областей.

Первые решительные действия имели место в прославленном оплоте греческой свободы Мессинии, в той самой Майне, где 51 год тому назад отважно сражались с янычарами воины Псароса. Майна, с ее мрачными ущельями, узкими горными дорогами, долинами, окруженными суровыми скалами, с ее *отважным, смелым*, свободолюбивым народом, снова подала сигнал к восстанию.

В январе 1821 г. в Мессинию тайно прибыл с острова Зант (ныне Закинф) старый клефт Феодорос Колокотронис с семьей товарищами. Этот человек еще до этого больше двадцати лет вел в горах Греции непримиримую войну с турками. На Ионические острова он вынужден был уйти от преследований турецких властей незадолго перед восстанием 1821 г. Во время своего пребывания там он вступил в Гетерию и включился в активную подготовку к революции. Прослужив несколько лет на английской военной службе, он получил неocenимый опыт

в военном деле, которого, кстати, не имел почти никто из вождей революции.

Он был подлинным главнокомандующим повстанцев на протяжении всего восстания и даже в те периоды, когда временное буржуазное правительство лишало его этого чина. Как никто другой, он знал географические условия своей страны, ее народ и блестяще владел мастерством горной партизанской войны. Он постоянно яростно боролся против политики неумеренного привлечения на военные и гражданские должности иностранцев, против иностранных займов и стремления отдать Грецию на откуп англо-французскому капиталу — тенденции греческой буржуазии, которая начала выявляться уже в первые годы освободительной войны.

Вместе с Колокотронисом прибыл на родину и другой известный в Греции вождь клефтов, один из первых членов Гетерии — Г. Анагностарос.

Отряд Колокотрониса высадился на Каракосской пристани и пошел в горы. Достаточно было вести об этом достичь мессинийских селений, как к нему стали со всех концов стекаться клефты и крестьяне. Скрываясь в доме одного из могущественных майнотских вождей, Колокотронис быстро установил связи с главным правителем Майны Петросом Мавромихалисом (Петро-беем), которого считали главным организатором восстания в этих местах. Вопреки требованиям султана немедленно арестовать Колокотрониса и Анагностароса он не сделал этого, а, наоборот, вместе со своими братьями, сыновьями и зятьями сам включился в борьбу. Семья Мавромихалисов дала революции замечательных героев. Геройски погибли в боях с янычарами брат Петро-бея Кириакулис Мавромихалис, его сын и сын Петро-бея.

талантливый и храбрый воин, очень любимый солдатами Илиас Мавромихалис.

К Колокотронису тогда же присоединился его племянник, один из крупнейших военачальников повстанческих войск — Никитас. Этот полководец в одной из операций с отрядом в 80 человек в течение пяти часов удерживал в узком ущелье в Долине 3 тыс. турецких солдат и собственноручно зарубил шашкой столько врагов, что натрудил даже свою достаточно натренированную руку, а затем продолжал сражаться левой рукой¹.

В течение войны за независимость Никитас совершил еще много подобного рода подвигов. Замечательным военачальником и героем был и сын Колокотрониса Пано, павший в боях с турецкими войсками в 1825 г.

Греческие повстанцы по сигналу Колокотрониса стали стекаться в горы Мессинии, образовывать отряды и занимать горные проходы. 2 апреля 1821 г. началось восстание в Мессинии. На следующий день 2 тыс. греков под командованием Колокотрониса, Петро-бея, Никитаса и Анагностароса осадили Каламы. 4 апреля город капитулировал, 5 апреля при огромном стечении народа в столице Мессинии было совершено торжественное богослужение в честь первой победы греков, и на следующий день, 6 апреля (25 марта по старому стилю), Петро-бей как главнокомандующий первой греческой армией опубликовал прокламацию, в которой объяв-

лялось о создании Мессинийского сената и решении греков бороться за независимость не на жизнь, а на смерть¹.

Революционные агитаторы, высланные из Каламы во все концы Пелопоннеса, везде находили восторженную встречу. В самое короткое время почти все турки сбежались в крупные крепости и города Триполис, Модони, Наварин, Навплион, Коринф и укрепились там. Ф. Колокотронис и Анагностарос вышли из Каламы с отрядом в 300 человек, который буквально в несколько дней по пути его следования к Триполису вырос до 6 тыс. К нему привели свои отряды капиганы Илиас Мавромихалис, Делегианис и многие другие.

В конце марта началось восстание в городе Калаварите под руководством примаса Азимакиса Заимиса, наиболее решительного и наиболее революционно настроенного среди других местных примасов, а затем в крупном греческом порту Патрасе. Вооруженные жители окрестных селений вошли в город и начали осаду крепости, где заперлись турки. Здесь восстание возглавили «два Андреаса» — примасы Заимис и Лонтос, а также архиепископ Патраса Германус — член Гетерии, человек, пользовавшийся большим влиянием среди жителей города и его окрестностей. Восставшие заняли округ св. Георгиоса, водрузили на площади перед церковью крест и при огромном стечении народа поклялись посвятить себя борьбе за освобождение родины. Вслед за тем они выпустили несколько воззваний к народу и иностранным консулам, в которых объявили о начале всеобщего восстания против иноземного господства.

¹ Дата 6 апреля (25 марта) принята в Греции как день национального праздника независимости.

¹ См. «Записки полковника Вутье о нынешней войне греков» ч. I. Спб., 1824, стр. 140. Автор записок — военный инженер, сын французского генерала — прибыл в Грецию в начале восстания поступил добровольно в греческую армию, лично знал многих повстанческих вождей, участвовал во многих сражениях и получил от греческого правительства чин полковника. Его «Записки» — ценный источник, написанный умным, наблюдательным и беспристрастным участником событий.

К середине апреля 1821 г. вся Морея представляла собой бушующий океан с островками осажденных повстанцами крепостей, все еще занимаемых турками.

Из Морей пламя восстания перекинулось в континентальную Грецию и на острова. В начале апреля восстали жители Восточной Эллады. Под водительством своего военачальника клефта Пануриаса они осадили и взяли крупный город и порт Салоники. Клефт Пануриас — фигура не менее колоритная, чем сам Колокотронис. Крестьянин из Парнаса, он бежал в горы, собрал отряд клефтов и стал прославленным их вождем, грозой всех турецких властей и землевладельцев Восточной Эллады. Перед началом восстания он уже командовал многочисленным отрядом клефтов и арматолов, вступившим в бой с турками чуть ли не раньше всех в Греции.

Захватив Салоники, повстанцы овладели Халкидой. После этого поднялась вся Восточная, а затем и Западная Греция: 6 мая восстало население Афин, 5 июня поднялся Месолонгион. Одновременно восстание охватило Эвбею и Магнезию, позже оно перекинулось и в Фессалию.

К осени 1821 г. греки взяли Триполис и овладели всем Пелопоннесом (за исключением Патраса, Навплиона, Метони и Корони), освободили Этолию и Акарнанию, всю Беотию, Атику, кроме афинского Акрополя, овладели всей Фессалией.

В самом начале восстания к нему присоединились и острова. Жители наиболее крупных островов, которых Ригас называл «морскими дельфинами, морскими птицами, драконами островов» и призывал «молнией пасть на врага», уже в апреле 1821 г. подняли знамена свободы на своих кораблях и послали их на помощь повстанцам Пелопоннеса. Сигнал был подан со Специи, где ру-

ководили восстанием члены Гетерии. Затем восстала Псара, снарядившая семь кораблей под командованием прославленного капитана Николаоса Апостолиса. Корабли Специи вышли в море буквально на второй день после восстания на этом острове. Они помогали пелопоннесцам при осаде города Монемвазии, а оттуда поплыли к острову Милос, где начали морскую партизанскую войну с турецким флотом. Другие корабли Специи блокировали Аргосский залив. В этой блокаде участвовала на своем собственном корабле и богатая гречанка Ласкарина Боболина. Эта женщина владела несколькими кораблями, производившими до войны торговые операции под русским флагом. Во время восстания она вооружила за свой счет самый большой корабль и, поручив командование судном своему сыну Агамемнону, отправила к берегам восставшего Пелопоннеса. После смерти сына, убитого под Аргосом, Боболина снарядила еще несколько кораблей, которые сражались с врагами под ее командованием до самого окончания войны.

Идра присоединилась к восстанию несколько позднее (28 апреля). На этом богатом торговом острове происходил в высшей степени интересный процесс, отражающий в концентрированном виде соотношение классовых сил в греческой национально-освободительной революции. Судовладельцы и купцы во главе с Лазарем Кондуриотисом, обладавшие несметными богатствами и захватившие в свои руки все нити правления на острове, собственно, и при турках жили неплохо. При известии о восстании в Греции и затем на Специи и Псаре они приложили все свои усилия, чтобы удержать народ острова от выступления. Но когда 11 апреля 1821 г. простой народ Идры под руководством капитана Антониоса Экономоса восстал и бросился в порт, чтобы захва-

тить корабли богачей, им ничего не оставалось делать, как примкнуть к восстанию. Они согласились выдать народу 150 млн. испанских талеров на вооружение.

28 апреля Идра подняла знамя восстания, затем к революции присоединился остров Самос, Кикладские и другие острова. Командование соединенным революционным флотом островов было поручено опытному моряку богатому идриоту Яковакису Томбасису. Возглавив движение, богатые идрийские примасы стремились только к одному — использовать могучие силы народа для освобождения Греции и захвата власти. Меньше всего они думали об удовлетворении требований тех, кто завоеует для них национальную свободу и возможность безраздельного господства в освобожденной стране. Во время революции они, так же как и богатые купцы и примасы континентальной Греции, успели потихоньку отправить свои капиталы в банки Триеста и западно-европейских городов.

В конце марта 1821 г. разъяренный султан Махмуд II выпустил фирман, где объявил «священную войну против неверных», т. е. всех христиан, населявших Османскую империю. Это послужило началом ужасного кровопролития в Константинополе и других крупных городах Турецкой империи. По приказу своих офицеров янычары, а за ними и подстрекаемые ими фанатичные толпы городского сброда громили дома греков и убивали их всех подряд без различия классов и сословий. По приказу султана были схвачены и казнены сотни фанариотов и духовных лиц, которые подозревались в разжигании восстания и тайном руководстве им.

Кульминационным моментом этой кровавой вакханалии была казнь 80-летнего патриарха греческой церкви Грегориоса. Турецкие министры впоследствии утвер-

ждали, что у него было найдено одиннадцать писем к морейским повстанцам, разоблачавших его связи с Гертерией и вождями восстания¹. 22 апреля, в день пасхи, почтенный старец был схвачен в церкви после службы и повешен на воротах церкви. Такая же участь постигла и трех митрополитов православной константинопольской церкви. Сам первый министр султана великий визирь пришел полюбоваться висящими трупами. После отвратительных издевательств над трупом патриарха фанатическая толпа поволокла его по улицам турецкой столицы и бросила в море². Султан не старался даже приличным образом оправдать эти гнусные действия. Послам иностранных держав было заявлено, что патриарх был «подозрительной личностью» и «по всей вероятности» заговорщиком и покровителем восстания.

Янычары никому не давали пощады. Так, они во время взятия греками Триполиса (5 апреля 1821 г.) казнили 600 заложников, среди которых было много богатых и знатных греков, в том числе семь архиепископов и епископов православной церкви³. В ноябре 1821 г. подвергся

¹ См. Г. Гервинус История девятнадцатого века, т. V. Спб., 1868, стр. 169.

² Труп был выловлен греческими моряками и отвезен в Одессу, где погребен с подобающими почестями.

³ «Сын Отечества» № 1, ч. 75, 1822, стр. 48. Русский журнал «Сын Отечества», издававшийся А. Воейковым и Н. Гречем, может служить хорошим источником при изучении греческого восстания. В нем печатались подробные сообщения о ходе событий в Греции до 1825 г. Так как ни турки, ни греки (до 1824 г.) не издавали газет или ведомостей, то все иностранные государства получали известия из Греции от послов, консулов и частными путями — от путешественников, корабельщиков, торговцев и пр. Западноевропейские газеты печатали все без строгого отбора (за исключением австрийских, которые отбирали заведомо антигреческую информацию), и поэтому многие из них были малодосто-

разграблению и разрушению богатый торговый город Смирна.

В марте 1822 г. произошла ужасающая хиосская трагедия. Восставший остров был погоплен в крови. Турецкие войска, вторгшиеся на Хиос, жгли и начисто опустошали каждый город, каждую деревню. Из 110 тыс. жителей острова после такой «доблестной» деятельности янычар там осталось не более 10 тыс.: около 25 тыс. было убито, свыше 45 тыс. продано в рабство, остальным удалось бежать на свободные острова¹. Иностранцы — свидетели этих ужасов никогда не могли забыть вид разоренного, окровавленного острова, по которому блуждали голодные, оборванные, обезумевшие люди. В течение многих месяцев рынки рабов Османской империи от Алжира до Трапезунда были переполнены греческими женщинами и детьми. Иностранные газеты сообщали, что на Хиосе было истреблено 200 знатнейших семей и 80 высших духовных лиц².

Такая недалновидная политика султанского правительства спланивала в единый фронт все классы греческого общества.

После константинопольской резни и особенно после опустошения Хиоса все: и фанариоты, и примасы, и купцы, и судовладельцы, и высшее духовенство — поня-

верны. К чести «Сына Отечества» и других русских журналов и газет следует отметить, что они тщательно отбирали, сравнивали и проверяли все то, что публиковалось в западной прессе, и печатали только наиболее бесспорные сообщения. Кроме того, «Сын Отечества» печатал отрывки из издававшихся за границей «Путешествий» и записок людей, побывавших в Греции.

¹ «Сын Отечества» № 30, ч. 79, 1822, стр. 186. Гервинус считает, что убитых было 23 тыс., продано в рабство — 47 тыс. (Г. Гервинус. История девятнадцатого века, т. V, стр. 260).

² «Сын Отечества» № 25, ч. 78, 1822, стр. 282.

ли, что вынуждены идти до конца. По этой же причине и буржуазия Идры стала активнее. Она дала революции много денег и вооружила на свой счет значительное число кораблей. Менее богатые жители островов складывались, покупали и снаряжали корабли на общие средства. Нельзя отрицать, что среди буржуазии островов, как и среди фанариотов, встречались искренние патриоты, деятельно участвовавшие в революции и отдавшие все свои силы и средства для освобождения родины от ненавистного османского ига. Таким был знаменитый главный адмирал революции Андреас Миаулис, обладавший решительностью, энергией, неустрашимостью, огромным опытом морской службы и военным талантом.

Вся тяжесть организации восстания и командования военными действиями на суше пала на плечи народных вождей — капитанов клефтов и арматолов. Даже филэллин полковник Стэнгоп, английский аристократ и сторонник фанариотов, находившийся в Греции в годы восстания, вынужден был отметить, что «самыми храбрыми людьми в Греции были капитаны — потомки воинов, никогда не подчинявшихся султану, вышедшие из сословия пастухов или земледельцев»¹.

Честь руководства народными массами в восстании разделили с ними наиболее революционно настроенные вожди из примасов, такие, как Петрос Мавромихалис, Андреас Лонтос, Андреас Заимис, Феодорос Негрис и некоторые другие. Именно эти вожди основали первое правительство независимой Греции. 7 июня 1821 г.,

¹ «О нынешнем состоянии Греции (Извлечение из письма полковника Стэнгопа к Г. Боурингу, секретарю Греческого комитета в Лондоне)». — «Сын Отечества» № 3, ч. 99, 1825, стр. 325.

когда греческие войска уже осаждали столицу Пелопоннеса Триполис, они съехались в Вальтецком монастыре — только что взятой греками крепости в восьми милях от Триполиса — и учредили некий род правительства, названный ими Сенатом. Учредительный акт, выпущенный Сенатом, давал ему полную власть во всех вопросах, касающихся ведения войны. Особым циркуляром в городах и сельских местностях были учреждены правительственные комитеты, которые должны были сосредоточить в своих руках местное управление и милицию, распределять и собирать налоги, заготавливать продовольствие для армии и содержать на общественный счет семьи убитых воинов. Этот Сенат стал центром восстания, организатором гражданского управления и руководителем военных действий. Он играл на первых этапах большую положительную роль.

22 июня 1821 г. в Астрос прибыл с группой гетеристов четвертый брат Ипсиланти — Деметриус, объявивший себя наместником своего брата Александра в Греции. Он был назначен главнокомандующим греческими вооруженными силами, но очень скоро показал свою полную неспособность быть полководцем и уже в августе 1822 г. был заменен Колокотронисом. Впрочем, Деметриус Ипсиланти оказался честным и бескорыстным патриотом. Он безропотно встал на вторые роли и воевал под командованием Колокотрониса на различных участках фронта до самого окончания восстания, никогда не блокируясь с богатой верхушкой.

Буржуазия и примасы быстро поняли, что Ипсиланти не тот человек, которого они хотели бы видеть своим вождем. Такой вождем не замедлил явиться. Это был Александрос Маврокордатос, прибывший в Грецию из Италии на собственном бриге в августе 1821 г. Этот

бриг, купленный и снаряженный им на свои деньги, привез вместе с хозяином и первую партию филэллинов — представителей революционно настроенной западноевропейской молодежи, часть которой жаждала сражаться в Греции за свободу, а часть искала приключений и славы.

Александросу Маврокордатосу было 30 лет. Он получил блестящее западноевропейское образование в университетах Парижа и Лондона, знал европейские языки и готовился стать крупным политическим деятелем Греции. Но эта фигура резким диссонансом врывалась в суровую обстановку греческой войны за независимость. Начать с того, что Маврокордатос много лет не жил на родине и был до смешного чужд обычаям, нравам и самому национальному духу греческого народа. Это был европеец в полном смысле этого слова. Его очки и фрак — одеяние, которого никогда не видело подавляющее большинство греческих воинов, — вызывали смех, его филэллинистическое окружение — подозрительность, его высокомерные фанариотские манеры — отчужденность и недоверие.

Маврокордатос был горячим поклонником Англии и всех ее конституционно-монархических учреждений. Он являлся по существу проводником ее влияния в Греции. Незадолго до греческого восстания (между 1815 и 1821 гг.) этот молодой фанариот написал на французском языке работу под названием «Взгляд на положение Турции»¹. Накануне восстания, когда в Греции все бурлило, он с поразительным спокойствием рассуждал в этом сочинении о том, полезно или вредно для Англии и других европейских государств падение Османской

¹ A. Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls., B. III, S: 1—54.

империи, и приходил к выводу, что уж если это неприятное событие должно будет совершиться, то самое лучшее было бы разделить ее владения следующим образом. Молдавию, Валахию и Сербию присоединить к Австрии, предоставив России значительную прибрежную полосу Черноморского побережья в Азии, а Англии отдать самые лакомые куски — Крит (Кандию) и несколько других крупных греческих островов. Из континентальной Греции и Пелопоннеса Маврокордатос предлагал создать греческую империю, на трон которой посадить принца (по всей видимости, не греческой крови). Он откровенно говорил Стэнгопу, что мечтает занять в Греции второе место после короля. Таким образом, молодой фанариот даже в годы, когда люди обладают наибольшей пылкостью воображения, не думал о республиканском правлении для Греции и с «легкостью необыкновенной» был готов отдать иностранным державам исконные греческие острова.

Как выясняется из письма Маврокордатоса к английскому лорду Гильфору, написанного уже в конце 1822 г., он не переставал уповать на помощь Англии. Высказав лорду надежду на то, что Греция будет свободна, но убежденный в трудности образовать прочное правительство, он выражал желание видеть ее под протекторатом Англии, оставляя при этом своей родине только право на такое самоуправление, какое имели Молдавия и Валахия во времена турок¹.

Умеренная программа Маврокордатоса, которая до времени не излагалась им открыто, но проявлялась во всех его действиях, оказалась приемлемой для греческой буржуазной верхушки и землевладельческой знати.

¹ См. *Г. Гервинус*. История девятнадцатого века, т. V, стр. 311.

К нему немедленно присоединились фанариоты, примасы, богатое купечество и судовладельцы, которые, по меткому выражению Стэнгопа (кстати, весьма удивительному в его устах), «добивались власти и богатства и в призвании иностранного властителя видели средство к достижению того и другого»¹.

В январе 1822 г. сторонники Маврокордатоса и капитаны во главе с Колокотронисом (к которым примкнул и Д. Ипсиланти) съехались в местечке Пьяда, недалеко от древнего города Эпидавроса, и объявили себя Национальным собранием Греции.

Маврокордатосу удалось склотить сильный блок олигархов, к которому примкнула крупная буржуазия островов. Этот политический деятель был, пожалуй, самым образованным из всех собравшихся, к тому же изучавшим государственный строй Англии и Франции. Он предложил вниманию собрания свой проект конституции Греции, который и был принят². Маврокордатосу нельзя было отказать в либерализме и искреннем стремлении отразить в греческой конституции идеи французской буржуазной революции. Несмотря на то что в этом документе ничего не было сказано об избирательном праве народа (кроме того, что оно будет выработано правительством особо), его значение как первой буржуазной конституции независимой Греции, освободившейся от иноземного ига, было огромно. В нем провозглашались принципы, почерпнутые из буржуазных конституций Запада. Греция объявлялась независи-

¹ «О нынешнем состоянии Греции». — «Сын Отечества» № 3, ч. 99, 1825, стр. 328.

² Текст конституции см.: *A. Prokesch-Osten*. Geschichte des Abfalls., B. III, S. 249—258.

мым государством, все ее жители — равными перед законом, имеющими равные права занимать любую должность соответственно со способностями и личными достоинствами каждого. Собственность, честь и безопасность ее граждан охранялись законом, каждый должен был платить налоги государству пропорционально своим доходам. Во главе правительства становились президент и вице-президент. Это была типичная умеренно буржуазная конституция, отдавшая власть в руки буржуазии и крупных землевладельцев. Первое правительство, избранное Национальным собранием в Эпидавросе, состояло из богатейших представителей буржуазии во главе с Маврокордатосом.

Итак, люди, которые почти ничего не сделали для освобождения Греции, оказались у власти. Полковник Вутье, лично знавший Колокотрониса и считавший его выдающимся полководцем и главным вождем революции, передает в своих «Записках» следующие слова старого клефты. «Кто эти новые люди? — говорил он мне. — Вчера только прибыли они в Грецию и уже захватили себе всю власть и хотят нам давать законы! По какому праву хотят они нами повелевать? Или потому, что приобрели в Европе познания, в которых отказано сему несчастному краю? Но не отборными речами и не ловкостью в обращении мы освободимся, а железом и тем суровым опытом, которому мы научились в наших горах, тогда как они наслаждались удовольствиями в странах образованных»¹.

Вскоре по вступлении своем на должность президента Греции Маврокордатос «блестяще» доказал свою неспособность быть военачальником. Обладая неумерен-

ным честолюбием и стремясь к военной славе не меньше, чем к государственной власти, он спешил отличиться на поле боя. Сколотив из прибывших в Грецию из Западной Европы добровольцев специальный корпус, который получил название корпуса филэллинов, Маврокордатос сам себя назначил его полковником. К этому корпусу было присоединено несколько отрядов из греческой аристократической молодежи. Новому полковнику и в голову не пришло, что почти никто из них не умеет воевать. Истинных греческих воинов, испытанных к тому времени в многочисленных боях 1821—1822 гг., президент игнорировал.

Летом 1822 г. наиболее опасное положение сложилось на юге греческого континента, где сосредоточивались две многочисленные турецкие армии. Маврокордатос тем не менее решил идти со своим корпусом не на юг, а на север на помощь сулиотам, осажденным турецкой армией под командованием Хуршид-паши. Корпус филэллинов, оторванный от основных сил греческой армии, не обеспеченный резервами и коммуникациями, двинулся к крепости Киафа близ Арты. Здесь у местечка Петы 6 июля 1822 г. он потерпел сокрушительное поражение. Из-за преступного легкомыслия и полного военного невежества Маврокордатоса корпус филэллинов, в котором сражалось много революционно настроенной европейской молодежи всех наций, был почти полностью уничтожен.

Эта катастрофа сильно подорвала авторитет Маврокордатоса, и он уже никогда больше не отваживался единолично командовать какими-либо воинскими соединениями.

¹ «Записки полковника Вутье», ч. II, стр. 86—87.

Свободу Греции завоевали крестьяне и пастухи. Безоружные, они спускались с гор в долины или шли из деревень и становились под знамена своих вождей. Маленькими группами они нападали на турецкие воинские части, местные небольшие гарнизоны и пограничные заставы, устраивали многочисленные засады в горах и, убивая врага, вооружались его оружием. Затем собирались в большие отряды и шли на штурм городов и крепостей.

Наиболее известные своей храбростью и военным опытом вожди Колокотронис, Никитас, Маркос Боцарис, Одиссеус, Караискакис и другие собирали вокруг себя целые армии. Такие армии, потерпев поражение от турок, быстро рассеивались по хорошо знакомым им горам и долинам, а затем снова соединялись и снова шли на врага. Для осады крупных городов к их стенам стекалось несколько больших армий во главе со своими капитанами, которые подчинялись обычно наиболее уважаемому среди них. Так, например, вокруг Триполиса осенью 1821 г. собрались армии Колокотрониса, Петро-бея, Анагностароса и Гиатракиса. Главнокомандующим номинально считался Петро-бей, а фактически был Колокотронис. Эта объединенная армия 5 октября 1821 г. освободила от турок столицу Пелопоннеса Триполис, который стал центром восстания.

Капитаны, большинство которых были клефтами или их сыновьями, принесли с собой большой опыт горной партизанской войны. География Греции создавала особенно благоприятные условия для ведения такой войны. Как заливы, бухты и лагуны помогали морякам вести

партизанскую войну на море, так горы, разделяющие между собой равнинные места с крупными городами и центрами, были благословением для плохо вооруженных греков, не имевших понятия о стратегии и тактике современной войны.

Все коммуникации турок, занимавших города и крепости, проходили через перевалы и горные проходы. Чтобы пройти из одной равнины в другую, турецкие войска неизбежно должны были форсировать эти горные проходы или, что еще хуже, пробираться узкими и опасными горными дорогами. Это-то и давало грекам возможность применить весь свой веками сложившийся опыт горной войны, прекрасное знание местности, всю свою изобретательность, хитрость, выносливость, смелость, быстроту, решительность и особенно меткость в стрельбе, которую вырабатывали в себе клефты и арматылы с детства. Смелые и ловкие разведчики умели проникнуть в стан врага и необыкновенно искусно выведать планы его командования.

Концентрированный огонь начинался только тогда, когда войска противника достигали самого узкого места в проходе. Таким образом даже небольшие отряды повстанцев уничтожали сотни и даже тысячи турецких солдат. В течение 1822 г. в одном только горном проходе Фермопилах численно небольшие войска греков пять раз разбивали наголову многотысячные армии врага. По сообщениям газет, там было истреблено в общей сложности 15 тыс. турок¹. При наступлении турецких войск в равнинных местностях все жители покидали свои деревни и шли за армией повстанцев. Они угоняли с собой лошадей и скот, увозили съестные припасы, на

¹ «Сын Отечества» № 7, ч. 84, 1823, стр. 341.

корню сжигали урожай, а иногда и жгли свои родные хижины, чтобы не дать убежища врагу.

Очень искусно греки осаждали крепости. Для этого они прежде всего занимали все ближайшие горы, дороги и горные проходы, через которые враг мог получить подкрепление. Затем окружали город плотным кольцом и запруживали реки и акведуки, снабжавшие его водой. Моряки на своих небольших судах мешали турецкому флоту доставлять в крепость продовольствие и боеприпасы. В общем греки брали города главным образом «измором» и активным выматыванием сил осажденных. Ярким примером такой тактики была осада афинского Акрополя в начале 1822 г. Греки, блокировавшие крепость несколько месяцев, систематически разбивали на дальних подступах все подкрепления, направляемые в город турками. Они нашли и перерезали источник, снабжавший крепость водой, и задушили противника голодной блокадой. 22 июня 1822 г. турки подписали капитуляцию. Так Афины — прекрасная столица древней Греции (а затем, с 1833 года — столица Греции новой) — сдались на милость победителя.

Огромное значение в победах греческих повстанцев имел моральный фактор — выносливость, смелость и готовность переносить любые лишения. Они воевали под знаменами с изображением феникса, вылетающего из пепла, с древнеспартанской надписью: «С ним или на нем!» (т. е. «Со щитом или на щите!», что значило «Или с победой, или мертвые!»).

Стэнгоп, который служил в греческой армии, писал: «Греческие солдаты чрезвычайно приучены к трудам и переносят величайшие недостатки с веселым духом. На бегу они быстры, как лошади, в горах невозможно нагнать их, и когда любовь к независимости внушает

им терпение, то они действительно непобедимы. Греческие воины не могут вообразить возможности, чтобы турки их когда-либо победили. Это чувство распространено по всей армии»¹.

Оправившись после первого удара, нанесенного ему победами греков, султанское правительство направило в Грецию чуть ли не все свои вооруженные силы: две огромные армии — одну под командованием румелийского сераскира² Хуршид-паши, другую под командованием сераскира Махмуд-паши из Драмы, прозванного Драмали.

Армия первого в начале 1822 г. огнем и мечом подавила восстание в Фессалии и затем сосредоточилась в Лариссе, с тем чтобы двинуться дальше в Морею, где греки в то время осаждали один из последних оплотов турок — важный центр и порт Навплион. Армия другой прошла всю Восточную Грецию и почти без боя взяла освобожденный перед тем греками Коринф.

Ободренный первыми победами, сераскир Махмуд-паша двинул свои войска по пути к Навплиону и Аргосу, где находилось греческое правительство. Греческое правительство, как это с ним случалось много раз на протяжении войны, не смогло организовать оборону. Мало того, оно, за исключением Деметриуса Ипсиланти, бежало из Аргоса при одном только известии о появлении авангарда армии Драмали у горного прохода Дервенны. В городе поднялась паника: люди бежали огромными толпами к берегу моря, стремясь сесть на корабли и уехать подальше от наступающей их кары.

¹ «О нынешнем состоянии Греции» — «Сын Отечества» № 3, ч 99, 1825, стр. 329—330

² Командующего армией

Перед лицом такой опасности народ сам, не дожидаясь чьих-либо призывов, стал собираться в отряды и стекаться к Лариссе. У местечка Лерна скоро собралось до 5 тыс. повстанцев. В горах, окружавших долину Аргоса, также собирались народные армии, совершавшие беспрестанные налеты на армию Драмали, остановившуюся здесь в ожидании флота, который должен был подвезти ей боеприпасы и продовольствие.

Во главе командования встал Колокотронис. Его необыкновенная храбрость, военный опыт, а главное, подлинная любовь к родине делали его самым любимым вождем и полководцем народа. Его слава особенно возросла после взятия Триполиса. Колокотронис с двумя тысячами воинов явился к Триполису, а затем, соединившись с войском Петро-бея и Д. Ипсиланти, двинулся к Аргосу.

Разгром армии Драмали был осуществлен согласно плану Колокотрониса. Две части армии греков заняли позиции с двух сторон горного прохода Дервенны, одна была оставлена для охраны Навплиона. 6 августа 1822 г. авангард турецкой армии беспрепятственно прошел через проход. Но следующая за ним кавалерия была встречена ожесточенным огнем греков. Произошло кровопролитное сражение у горной деревни Св. Басилеуса, в котором турки потерпели поражение. Большинство их было убито, остальные в беспорядке отступили. Обозы с оружием и продовольствием попали в руки греков. Главным героем этого сражения был Никитас, отряд которого проявил исключительную смелость, быстроту и маневренность и особенно отличился в рукопашном бою. Здесь же сражались лучшие командиры греческой армии: Дикеос, три Мавромихалиса, сын Колокотрониса Пано и др.

После этого разгрома Драмали с остатками своей армии двинулся к Коринфу. Колокотронис предвидел это отступление и расставил по горам вдоль дороги отряды. Другая часть греческого войска под командованием Дикеоса заперла горный проход между Аргосом и Коринфом. Обстреливаемые с двух сторон дороги, солдаты Драмали были встречены отрядом Дикеоса прямо во фронт, тогда как отряды Никитаса и Ипсиланти успели прийти на помощь и ударили по флангам. Разбитые турки в полном беспорядке бежали в Коринф. Сераскир купил свое личное спасение тем, что оставил в руках греков всю казну и весь обоз турецкой армии. Впрочем, жить ему суждено было недолго. В декабре 1822 г. он умер в Коринфе во время эпидемии чумы, лишь на несколько дней пережив своего соперника Хуршид-пашу. Последний, обвиненный в утайке сокровищ побежденного им Али-паши Янинского, предпочел смерть от яда смерти от руки султанского палача.

Во второй период восстания, когда истощенные длительной борьбой греки стали терпеть поражения от численно и технически превосходящих турецких армий, огромную роль в народной войне стало играть искусство обороны. Греки были мастерами отчаянно смелых вылазок в лагерь противника, осаждающего занятые ими крепости, умели искусно обмануть его, измотать его силы.

Блестящим мастером такой войны был прославленный полководец греческой революции сулиот Маркос Боцарис. Этот скромный и молчаливый человек обладал необычайной смелостью и блестящими военными дарованиями. Племянник старого клефта Нотиса Боцариса, бывший пастух в горах Аграфы, он с первых же дней восстания стал любимейшим вождем сулиотов.

В течение полутора лет сражались сулиоты в своих горах с турецкими войсками. Но после поражения греков и филэллинов при Пете их положение стало безнадежным. Новый паша Янины турецкий полководец Омер Врионе предложил им почетную капитуляцию, и все они, без исключения, покинули свои родные горы и отплыли на Ионические острова.

Лишь немногие во главе с Маркосом Боцарисом и другими вождями тайно проникли в Западную Грецию и стали душой обороны Месолонгиона, осажденного турками в ноябре 1822 г. Маркос быстро стал фактическим руководителем обороны Месолонгиона. Беспорывные смелые вылазки в лагерь осаждающих выматывали силы противника. В январе 1823 г., понеся большие потери, турки сняли осаду города и отступили. Греки преследовали их и нанесли им еще ряд сокрушительных ударов. Акарнания была полностью очищена от врага. После этого Маркос Боцарис был назначен генералом греческой армии (стратархом), а фактически стал главнокомандующим войсками Западной Эллады. Под его командованием греки разгромили огромную турецкую армию, вторгшуюся в Западную Элладу в начале августа 1823 г. Во время одной из смелых вылазок в лагерь врага Маркос был смертельно ранен.

Труп его, горько оплакиваемый всеми воинами, равно как и жителями Западной Эллады, был перенесен в Месолонгион и похоронен с почестями. Эта смерть была большой потерей для Греции. Полковник Вутье, воевавший под командованием Маркоса Боцариса, писал, что народ воспринял его смерть как национальный траур.

Брат Маркоса Константинос Боцарис был также отличным боевым командиром и одним из героев обороны Месолонгиона в 1825—1826 гг. Когда генерал Рош, по-

бывавший в лагере греков под Месолонгионом в 1825 г., польстил Константиносу Боцарису, сказав, что имена его и его брата перейдут в потомство, он сухо ответил: «Мы все ничего иного не ищем, кроме блага отечества нашего и смерти, подобной смерти брата моего, если не обретем первого»¹.

Блестящим мастером партизанской войны в тылу врага был еще один замечательный греческий полководец — Кириакулис Караискакис, особенно прославившийся во второй период войны за независимость (1824—1827 гг.). Во время осады турками Месолонгиона (1825—1826 гг.) и затем Афин (1827 г.) Караискакис во главе собиравшихся под его знамена войск наносил постоянные сокрушительные удары по турецким и египетским войскам в самых неожиданных для них местах. Так как численно его армия была по сравнению с армиями осаждавших ничтожна, то Караискакис весьма эффективно применял тактику внезапных налетов, перерезывал пути снабжения, захватывал магазины и обозы с продовольствием и пр. В сочетании с постоянными вылазками греков из осажденных городов в лагерь врага эта тактика давала очень большой эффект. Недаром две сильнейшие армии — египтян под командованием Ибрагим-паши и турок под командованием Решид-паши — 11 месяцев не могли взять город-герой Месолонгион.

Кириакулис Караискакис был убит 4 мая 1827 г. во время одного из крупных сражений с турецкими войсками, осаждавшими Афины. Эта смерть, так же как и смерть Маркоса Боцариса, повергла в глубокий траур весь греческий народ.

¹ «Северная пчела» № 132, 1825 г. (корреспонденция из «New Monthly Magazine»).

Партизанской войне на суше вполне соответствовала такого же рода война на море.

После Хиосской резни, когда над революционными островами нависла непосредственная угроза, был накопец сформирован соединенный флот островов из 56 кораблей и 8 брандеров¹. К 1825 г. военно-морской флот греков насчитывал около 80 небольших судов, главным образом купеческих, вооруженных и переделанных в брига по 15—20 пушек².

Главное командование над греческим флотом было поручено Андреасу Миаулису. Этот скромный и честный моряк командовал им до 1827 г., когда в результате интриг буржуазной верхушки и ее трусливого компромисса с англичанами он был заменен напыщенным и бездарным лордом Кохрэнном. Именю Миаулису и отважным капитанам, которых он так удачно умел подбирать, греческий революционный флот обязан своей славой. У греков не было, как у турок, тяжелых военных судов (линейных кораблей и фрегатов по 90—80 и 65—50 пушек). Именно поэтому командование греческого флота выработало своеобразную тактику морской партизанской войны. Небольшие подвижные суда греков под водительством смелых и искуснейших капитанов крейсировали по всем греческим водам, подстерегали тяжелый и неповоротливый турецкий флот в самых неожиданных для него местах и наносили ему сокрушительные удары, прежде чем турецкие адмиралы успевали сообразить, что происходит. Греческие суда буквально под носом у турецкого морского командования

¹ Брандеры — суда, наполненные горючим, предназначенные для поджога вражеских кораблей.

² «О нынешнем состоянии Греции». — «Сын Отечества» № 3, ч. 99, 1825, стр. 329.

проходили в блокированные бухты и снабжали осажденные крепости боеприпасами, продовольствием, а иногда ухитрялись даже высаживать воинские части для подкрепления их гарнизонов.

Не имея возможности сражаться с турецким флотом в открытом бою, греки большое внимание уделяли действиям брандеров. В искусстве ведения этой войны они превосходили европейцев. Они усовершенствовали свои брандеры, и если европейцы довольствовались только пуском брандеров на вражеские корабли со своих судов, то греки сами управляли ими. Войдя в самое расположение противника и прицепив брандер к наиболее крупному кораблю, опытный кормчий поджигал его, бросался в лодку и быстро отплывал. Огонь охватывал корабль противника и часто перекидывался на стоящие рядом, если они не успевали вовремя ретироваться. Турки боялись греческих брандеров больше, чем встречи с крупными судами. И не напрасно, ибо греки уничтожили таким образом не один их линейный корабль.

Особенно прославился в те времена знаменитый капитан отряда брандеров житель острова Псара Константинос Канарис¹. Начал он свою боевую деятельность следующим подвигом. 18 июня, 1822 г., в день религиозного праздника мусульман, три брандера под командованием этого отважного моряка вошли в расположение вражеских кораблей, стоявших между Хиосом и Чесмой. Ночью, воспользовавшись тем, что команды пировали, Канарис сцепил свой брандер с 80-пушечным кораблем главного адмирала флота Кара-Али и поджег его. Корабль сгорел, и в его пламени погибло более 800 человек команды. Спаслись лишь немногие турецкие

¹ В будущем адмирал греческого флота.

моряки, вплавь достигшие хиосского берега. Они с огромным трудом переправили на Хиос капитана-пашу. смертельно раненного упавшей на него горячей мачтой. На турецком флоте поднялась такая паника, что уже на следующее утро эскадра получила приказ сниматься с якорей и идти в Дарданеллы.

7 ноября 1822 г. греческий флот нанес еще одно крупное поражение турецкому у берегов острова Тенедоса. Снова брандеры под водительством Канариса потопили огромный турецкий линейный корабль с экипажем 600 человек и заставили вражеский флот, пытавшийся доставить подкрепление и продовольствие осажденным в Наплионе туркам, уйти в Дарданеллы.

Только один отряд Канариса уничтожил за первый год морской войны (1822) два турецких 80-пушечных корабля с командами по 800 и 600 человек. Впрочем, под командованием Андреаса Миаулиса героями становились большинство греческих капитанов и матросов. В течение всей войны вплоть до установления независимости повстанческие корабли, презирая опасность, крейсировали по всем турецким и греческим водам от Александрии до Дарданелл, постоянно нарушали морские коммуникации противника, мешали ему высаживать войска на берегах Греции, снабжать крепости и осуществлять взаимодействие с сухопутными войсками.

Греческий флот провел также ряд блестящих военных операций и в морских боях уничтожил большое число турецких, а позднее и египетских кораблей.

* *
*

Собравшееся в марте 1823 г. в Астросе Национальное собрание утвердило конституцию, принятую в

Эпидавросе. В течение года и трех месяцев, протекших со времени Эпидаврского собрания, повстанцы под командованием Колокотрониса и других военных вождей вели непрерывные бои с турками и одержали ряд блестящих побед. Это не могло не сказаться на составе нового правительства. Национальное собрание в Астросе поставило у власти сторонников Колокотрониса во главе с Петро-беем, а сам Колокотронис занял пост военного министра. Но это правительство находилось у власти недолго. Представители крупной буржуазии, которых на сей раз возглавил идрийский миллионер Георгиос Кондуриотис, в марте 1823 г. собрались в Аргосе (правительство находилось в Саламине), объявили правительство Петро-бея распущенным и провозгласили президентом Кондуриотиса. Этот деятель не мог и шагу шагнуть, не посоветовавшись с Маврокордатосом. В военном деле он смыслил еще меньше, чем в вопросах управления государством. Тем не менее эта фигура в силу своего колоссального богатства привлекала к себе всех, кто стремился не только сохранить свои собственные капиталы, но и как можно больше увеличить их. Богатейшие греки Идры и Псары, почти весь Фанар и значительная часть наиболее богатых примасов примкнули к Кондуриотису.

Начались военные действия между сторонниками Колокотрониса и кликой идрийского олигарха, вылившиеся в настоящую гражданскую войну. Крупной буржуазии удалось одержать верх. Колокотронис и его ближайшие соратники были схвачены, отправлены на Идру и заточены в монастырь св. Илиаса.

Эта борьба группировок в руководстве восстанием, и особенно арест лучших полководцев революции, сильно ослабили силы повстанцев перед лицом общего врага

ГРЕЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РОССИЯ

Национально-освободительная борьба греческого народа поставила перед европейской дипломатией один из наиболее сложных вопросов мировой политики — тот самый пресловутый Восточный вопрос, кошмар которого преследовал западноевропейских политических деятелей на протяжении всего XIX в.

Главная суть его заключалась в весьма обостренных в то время противоречиях между Россией и странами Запада, в первую очередь Англией, на Балканах, в Средиземном и Черном морях, а также на британских путях к азиатским рынкам. Для английского и французского капитализма это был вопрос о дальнейшей торговой и политической экспансии в отдаленные от их стран районы Востока, в Африку и Азию, о новых колониальных захватах и новых возможностях неограниченной наживы для торговой и промышленной буржуазии. Для России это был жизненно важный вопрос о выходах в Средиземное море к международным торговым путям, об экономическом развитии всех ее южных областей, вопрос обороны черноморских и дунайских границ, обороны Русского государства.

Развитие капиталистических отношений, происходившее в недрах феодально-крепостнического уклада Рос-

сии, настоятельно требовало расширения торговых связей с Западной Европой и Азией, свободного прохода русского торгового флота через черноморские проливы, укрепления русского политического влияния на Балканах. Наиболее верным путем к осуществлению этих целей было освобождение народов Балкан и Греции от османского ига и создание независимых государств, находившихся в сфере русского влияния, вполне свободных в своей торговой и навигационной деятельности. Только таким путем Россия могла прочно обеспечить себе свободный проход через Босфор и Дарданеллы, которые являлись ключами к Черному морю.

Пока Турция — верный вассал и союзница Англии и Франции — была полновластной хозяйкой этих ключей, Россия никогда не могла быть уверена в том, что ее торговые суда спокойно пройдут в Средиземное море, не будут обысканы и товары не будут конфискованы под тем или иным предлогом.

А между тем черноморская и средиземноморская торговля играла для экономического развития России одну из первостепенных ролей. Нельзя забывать о том, что основные водные артерии европейской части России Днепр, Дон и Волга так или иначе образуют естественные каналы для сплава товаров в Черное море (так как из Каспийского моря товары тоже в основном направлялись в Черное). При отсутствии железных дорог эти реки были главными торговыми путями. Все, что было выращено и произведено в южной и частично в средней полосе России для продажи: зерно, лен, шерсть, кожи, сало, — направлялось именно по этим путям и неизменно попадало в черноморские порты, а из них через проливы — в средиземноморские.

В то время как Англия была уже сильной капиталистической державой, а Франция прочно встала на путь капиталистического развития, Россия в начале XIX в. продолжала оставаться отсталой сельскохозяйственной страной с господством феодально-крепостнических отношений. Однако уже в то время социально-экономический строй России начинает претерпевать значительные изменения. Внутри крепостнического хозяйства дворян-помещиков начинают развиваться элементы новых, капиталистических отношений. Развитие товарно-денежного обращения, рост торговли, расширение производства хлеба и других сельскохозяйственных продуктов для внутреннего и внешнего рынков приводили к разложению крепостного хозяйства. «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, — писал Ленин, — было уже предвестником распада старого режима»¹.

После русско-турецкой войны 1768—1774 гг., когда Россия пробилась к жизненно важным для нее путям в Черное море и добилась открытия проливов для своей южной торговли, развитие капиталистических отношений, изнутри разлагавших феодальный строй, пошло более быстрыми темпами.

Насколько важно было для экономического развития России открытие черноморских проливов, говорит хотя бы тот факт, что в течение первых же десятилетий после Кючук-Кайнарджийского договора южнорусские порты и города, расположенные близ побережья Черного моря, превратились из небольших поселений в богатые и цветущие торговые центры.

¹ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184.

Особенно быстро росла Одесса, которая после присвоения ей в 1817 г. права порто-франко стала привлекать к себе широкие торговые интересы многих европейских государств. От успеха торговли Одессы, откуда поставлялся в Европу главным образом русский хлеб, зависело в значительной степени процветание сельскохозяйственного производства всего юга России. Но значение проблемы проливов для России не ограничивалось только вопросами развития ее экономики. Это была и проблема обороны, ибо в случае войны черноморское побережье России могло в любой момент подвергнуться бомбардировке вражеских судов, пропущенных Турцией через проливы в Черное море. Как отмечал Ф. Энгельс, «торговое значение Дарданелл и Босфора делает их одновременно также первоклассными военными позициями, то есть такими позициями, которые будут иметь решающее значение в каждой войне»¹. Это было ясно доказано в период Крымской войны 1853—1855 гг., когда враждебная России Турция открыла проливы для англо-французских военных судов и этим подвергла южные границы России комбинированному нападению армии и флота противника.

Для России вопрос об освобождении Греции с самого своего возникновения тесно переплетался со всем комплексом ее взаимоотношений с Турцией и Европой.

Правительство Махмуда II, обвинив Россию в разжигании греческого восстания, постаралось фактически свести на нет те привилегии, которые Россия получила по договорам. Оно оккупировало своими войсками Дунайские княжества (Молдавию и Валахию) и приняло ряд мер, в значительной степени затруднявших

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 14.

черноморскую торговлю. Еще летом 1821 г. было наложено эмбарго на товары кораблей, проходящих под русским флагом в Черное море и идущих из него. В апреле 1823 г. султан выпустил фирман, установивший особые привилегии для торгового судоходства Османской империи: облегчались пошлины и давалось много других льгот турецким кораблям. Параграф 4 этого фирмана нарушал свободу навигации и торговли, которую утверждали за Россией параграфы 1 и 2 Кючук-Кайнарджийского договора. Он устанавливал монопольное право турецких кораблей грузиться и перегружаться в любых пунктах проливов в первую очередь и при особой протекции местных чиновников. Существовало прямое указание на то, что корабли других стран могут производить погрузку только с разрешения местных властей. Турецкие власти обязывали собственников или капитанов кораблей, груженых зерном, продавать свои товары по ценам, установленным самим турецким правительством; им отказывали в праве торговать на Черном море; корабли, выходявшие из него или изъявлявшие желание туда войти, подвергались принудительным осмотрам под предлогом необходимости установить, не везут ли они порох или боеприпасы.

Ясно, что эти ограничительные меры направлялись главным образом против России. В депеше Нессельроде русскому послу в Лондоне Ливену справедливо указывалось: «Мы знаем, что и другие страны страдают от притеснений, чинимых Портой черноморскому судоходству, но нельзя забывать, что если для них свободная навигация по Черному морю есть вопрос удобства, то для России это вопрос необходимости; для первых торговля с выходом из Босфора может дать больше или меньше прибыли, для второй — это вопрос жизни; для

первых те стеснения, которые испытывает торговля, являются справедливой причиной жалоб, для второй — они уничтожают все производство и все способы торговли части ее областей»¹.

И действительно, от свободы судоходства в Черном море и проливах зависела тогда в значительной степени вся торговля южнорусских городов. Начиная с 1821 г. вывоз хлеба из черноморских портов сильно сократился и в отдельные годы (в 1821, 1822 и 1824 гг.) достигал лишь 50% от вывоза предыдущих лет².

Это сокращение торгового оборота южнорусских портов не могло, конечно, объясняться только принудительными мероприятиями турецких властей. Другим важным фактором этого сокращения было уничтожение греческого судоходства, и именно поэтому русское правительство тесно связывало вопрос об освобождении Греции с вопросами своих разногласий с Турцией.

Автор двухтомного исследования о внешней торговле России Неболсин пишет по этому поводу следующее: «Число приходящих к Одесскому порту кораблей простирается от 500 до 600. Главнейшие флаги суть: Российский, Австрийский, Английский и Итальянский, но Российский принадлежит греческим судам, которым даровано право употреблять оный. Корабли, принадлежащие Одесскому порту и употребляемые для перевозки товаров в иностранные государства и обратно, за исключением нескольких построенных в Херсоне, покупаются в портах Архипелага, Адриатического и Средиземного морей. Купцы одесские, равно как и других соседственных портов, имеют весьма незначительное количество

¹ А. Prokesch-Osten Geschichte des Abfalls., В. V, S. 146.

² Г. Неболсин. Статистические записки о внешней торговле России, ч. I. Спб., 1835, стр. 80—91; ч. II, стр. 14—18.

своих собственных кораблей, ибо утвердительно можно сказать, что большая часть плавающих по Черному морю под Российским флагом и показываемых принадлежащими одесским 1-й и 2-й гильдии купцам имеют настоящих хозяев в портах Архипелага и Адриатического моря; что же касается до российских кораблей, построенных в Херсоне и отправляемых в иностранные порты, то число оных не превышает 10. Шкипера и матросы кораблей, плавающих под Российским флагом в дальних морях, бывают по большей части из уроженцев Архипелага и Адриатического моря»¹.

Таким образом, можно смело сказать, что успехи южнорусской торговли зависели в значительной степени от свободы и безопасности греческой навигации.

Турецкое правительство рядом указов в конце 1821 и в начале 1822 г. почти полностью уничтожило греческую навигацию в проливах и Черном море. Этими указами запрещался проход через проливы торговых судов малых стран, таких, как Испания, Португалия, Сицилия, не имевших торговых договоров с Турцией, и Греция. Издавна суда этих стран проходили проливы под русским флагом и использовались русскими купцами для перевозки хлеба и других товаров на средиземноморские рынки. Запрещение их прохода означало частичную гибель южнорусской торговли.

Ясно было, что указы султана касались главным образом греческого судоходства. Суда таких государств, как Испания, Сардиния, Сицилия и другие, лишь в очень незначительной степени участвовали в черноморской торговле. Главное было в уничтожении судоход-

ства под русским флагом. Английский посол в Константинополе лорд Странфорд в депеше от 5 октября 1822 г. Джорджу Каннингу писал:

«Однако, даже предполагая, что эта навигация будет разрешена державам, которые сейчас не участвуют в ней, я далек от мысли, что это разрешение могло бы в достаточной степени удовлетворить Россию. Граф Нессельроде дал мне ясно понять, что его правительство желает покровительствовать греческому торговому мореплаванию, сохранив за ним право использовать русский флаг»¹.

Русская дипломатия постоянно подчеркивала эту мысль. «В течение тридцати лет,— писал Нессельроде Ливену 10 января 1824 г.,— греки были наиболее полезными агентами нашей торговли в Черном море. Если революция продолжится, наши коммерческие отношения с ними будут неизбежно парализованы и прерваны; если турки покорят Грецию, то все, кто обдумает результаты победы, достигнутой оттоманцами, согласится с тем, что они (коммерческие отношения) непременно будут уничтожены и разрушены... Россия не может допустить последствий подобного положения дел»².

И действительно, как показал весь ход дипломатической борьбы вокруг греческого вопроса, Россия вопреки постоянному противодействию своих европейских союзников неизменно требовала вмешательства в греко-турецкую войну в пользу восставших.

Сам Александр I, несмотря на свое глубокое отвращение ко всякому революционному движению вообще,

¹ Г. Неболсин Статистические записки о внешней торговле России, ч. I, стр. 81—82.

¹ A Prokesch-Osten Geschichte des Abfalls, V. III, S. 435.

² Архив внешней политики России (АВПР), Канцелярия, 1824, д. 6939, л. 17.

даже в периоды, когда он впадал в состояние мистицизма и мракобесия, не переставал ясно сознавать то огромное значение, которое имел для России греческий вопрос. В своем письме к австрийскому императору Францу I он писал: «Ее (России) религия, ее торговля, ее мореплавание, наиболее славные результаты ее деловых отношений — все заключается здесь, все может быть утверждено или поколеблено, все может, согласно с тем, как будет разрешен вопрос, рухнуть или утвердиться на Востоке»¹.

Глава европейской реакции австрийский канцлер Меттерних и его горячий почитатель и личный секретарь Генц пустили тогда слух, что в период 1821—1823 гг. австрийской дипломатии удалось отвлечь Александра I от греческого дела. Они на весь мир трубили о мнимой победе Меттерниха над Каподистрией и о том, что царь, бросившись из объятий второго в объятия первого, «окончательно предал греков». Эта мысль проникла в историческую литературу, и не только в западноевропейскую, но и в русскую².

Однако дело заключалось вовсе не в «победе Меттерниха над Каподистрией», а в сложившейся тогда международной ситуации. В обстановке, когда вся Европа — и Англия, и Франция, и Австрия, а за ними и Пруссия — резко противодействовала всей восточной политике России, русская дипломатия не могла действовать более решительно. Именно в силу этих обстоятельств Александр I торжественно и громко возвестил, что он отказывается помогать Александру Ипсиланти и осуждает его действия.

¹ А. Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls., В. III, S 239.

² См. например, Н. К. Шильдер. Император Александр I, т. IV СПб., 1905.

Но почти немедленно вслед за тем по адресу султана полетели одна за другой ноты русского правительства с требованием прекратить бесчинства, дать грекам религиозную свободу и политическую автономию, право свободного судоходства и пр. В течение целого года после начала восстания Александр I продолжал держать около себя в качестве министра Иоанниса Каподистрию.

Однако наступило время, когда фигура либерально настроенного Каподистрии становилась таким резким диссонансом во всех реакционных деяниях Священного Союза, и в частности самого Александра I, что отставка его стала неизбежной. В мае 1822 г. отставка была вручена, и скоро граф удалился в Женеву, где прожил до 1826 г.

Меттерних праздновал победу, а вместе с ним торжествовали и все обскуранты Европы. Но их торжество было преждевременным.

* *
*

Борьба Греции за независимость вызвала горячее сочувствие передовых людей России, в первую очередь декабристов и всех близких к ним, а также либерально настроенных военных.

Деятельность Гетерии, подготовка греческого восстания и сама героическая борьба греков за независимость совпали с назреванием революционной ситуации в России, предшествовавшей восстанию декабристов.

В обстановке роста недовольства среди передовых людей России, когда начали уже возникать первые тайные революционные организации, в среду революционного офицерства проникли слухи о существовании Гете-

рии, подготавливавшей восстание греческого народа против тирании турецкого султана. Вскоре Гетерия стала действовать почти открыто на территории России, и особенно в ее южных областях — от Одессы до Кишинева и Киева, и ее деятельность также почти открыто поддерживало передовое русское общество. В 1821 г. одним из главных центров декабристского движения стал Кишинев, где была расквартирована 16-я пехотная дивизия под командованием «первого в армии вольнодумца» декабриста М. Ф. Орлова. Здесь же в ту пору жили члены «Союза благоденствия» В. Ф. Раевский, капитан К. А. Охотников, генерал П. С. Пущин, часто бывал П. Пестель и многие другие будущие декабристы и близкие им люди, среди которых чуть ли не самым близким к ним и самым революционно настроенным был А. С. Пушкин. Все они были хорошо знакомы с братьями Ипсиланти и другими членами Гетерии, без сомнения поверявшими им свои планы восстания. Все знали, что в Кишиневе действовало одно из самых активных отделений Гетерии, распространявшее по городу прокламации, в которых призывало греков восстать и свергнуть «иго тирана».

Находившийся тогда в Кишиневе близкий к декабристам И. П. Липранди писал, что в городе жили многие греческие фанариотские семьи, так или иначе принимавшие участие в подготовке греческого восстания. Наиболее известными из них были члены Гетерии братья Кантакузины (один из братьев, генерал Кантакузин, пал под Бородином). «У них бывали,— пишет Липранди,— Орлов, Богословский, Пущин, Стурдза, Катакази и братья Ипсиланти»¹. Бывал там и Пушкин, и, по всей

видимости, Пестель. Во всяком случае из Кишиневского дневника Пушкина известно, что он бывал в доме грека Суццо и у Крупянских, которые были тесно связаны с Ипсиланти и Кантакузинами¹.

Там же проживало и безусловно бывало в домах фанариотов и русских большое число членов Гетерии и сочувствовавших им греков, в частности один из активных гетеристов, Яковакис Ризо Неруло, впоследствии издавший на французском языке историю греческого восстания², Петраркис Мавроженис, князь Караджи, Скинас и многие другие. У И. П. Липранди есть сведения о том, что Пушкин с особым интересом беседовал с Ризо Нерулосом и И. Скинасом, которых считал людьми «с глубокими и серьезными познаниями»³. Главным предметом разговоров, безусловно, было тяжелое положение греков и готовящееся восстание.

Дом декабриста Михаила Орлова сделался политическим клубом. Все декабристы, члены Гетерии и близкие к ним люди, жившие в Кишиневе, Тульчине, Одессе и других южных городах, бывали в этом гостеприимном доме. По свидетельству жены Михаила Орлова Е. Н. Орловой, у них беспрестанно шли шумные споры—

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в шести томах, т. 5 М., 1950, стр. 529. Вице-губернатор Бессарабии Крупянский был женат на гречанке — одной из сестер Комнен, другая из сестер была замужем за братом бессарабского губернатора Катакази, а сестра Ипсиланти, которая, кстати сказать, отдала все свое личное состояние на дело Гетерии,— за самим губернатором Бессарабии Катакази.

² Rizo Neroulos. Histoire moderne de la Grèce. Genève, 1828

³ Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди — «Русский архив» № 8—10, 1866, стр. 1245.

¹ Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди.— «Русский архив» № 8—10, 1866, стр. 1245—1247.

философские, политические, литературные и др.¹ Там же обсуждались и планы Гетерии, а после начала восстания в Молдавии и Валахии долгое время в доме Орлова и во всех других домах прогрессивно настроенных русских и хорошо знакомых им греков только и было разговоров, что об успехах греков в их борьбе с турками. А. Ф. Вельтман, тоже живший тогда в Кишиневе, в своих воспоминаниях о Бессарабии писал: «На каждом шагу загорался разговор о делах греческих: участие было необыкновенное»².

Пушкин в Кишиневском дневнике записал 2 апреля 1821 г.: «Вечер провел у Н. Г. — прелестная гречанка. Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками я один говорил как грек: все отчаивались в успехе предприятия *Этерии*. Я твердо уверен, что Греция восторжествует, а 25 000 000 турок оставят цветущую страну Элладу законным наследникам Гомера и Фемистокла»³. 9 апреля он записывает, что утро провел с Песгелем, а затем вспоминает: «Вчера князь Дм. Ипсиланти сказал мне, что греки перешли через Дунай и разбили корпус неприятельский». 4 мая Пушкин пишет, что был принят в масоны (той самой ложи № 25 — «Овидий», во главе которой стоял М. Орлов и из-за которой, по словам поэта, «уничтожены все ложи в России»), а 9 мая отмечает: «Третьего дня писал я князю Ипсиланти с молодым французом, который отправляется в греческое войско. Вчера был у кн. Суццо», а 26 мая — «вечер у Крупенских»⁴.

¹ См *В. Базанов* Декабристы в Кишиневе. Кишинев, 1951

² Цит. по кн.: *Л. Майков*, Пушкин Спб., 1899, стр. 118.

³ *А. С. Пушкин*. Полн. собр. соч. в шести томах, т. 5, стр. 528.

⁴ Там же, стр. 529.

И. П. Липранди писал, что А. Ипсиланти в ноябре 1820 г. после кратковременного пребывания в Одессе приехал, «конечно по поводу предначертанного им действия», в Аккерман, а оттуда в Измаил, где в то время находился сам Липранди. Он остановился у командира дунайской флотилии капитана 1-го ранга Попандопуло, тесно связанного с передовыми русскими офицерами и декабристами — членами Кишиневской управы.

«Узнав, что я кишиневский житель, — писал Липранди, — он (Ипсиланти. — *О. Ш.*) расспрашивал меня о многих лицах и после отъезда просил передать записку брату его Николаю, долженствующему уже быть в Кишиневе... Исполнив поручение, я скоро познакомился с князьями Николаем и Георгием как в домах Катакази и М. Ф. Орлова, но преимущественно у князя Георгия Кантакузина, с которым с давних пор я был в самых близких сношениях»¹.

Эти свидетельства Липранди еще одно доказательство того, что русские люди не только знали о готовящемся греческом восстании, но и активно помогали членам Гетерии в его подготовке.

Ипсиланти, конечно, не напрасно приезжал в Аккерман. Как замечает Липранди, он ездил туда по поводу предначертанного им действия, т. е. по поводу подготовки восстания. Известно, что в Аккермане в то время стоял 32-й егерский полк 16-й пехотной дивизии, которым командовал член Кишиневской управы полковник А. Г. Непенин, а 9-й ротой этого полка — «первый декабрист» В. Ф. Раевский, арестованный и посаженный в Тираспольскую крепость в феврале 1822 г. за революционную пропаганду среди солдат и офицеров Южной

¹ *И. Иовва*. Южные декабристы, стр. 82—83.

армии. Полковник А. Г. Непенин закупал оружие для греков, а в конце 1821 г. говорил В. Раевскому: «Мой полк готов. За офицеров и солдат ручаюсь: надоело ничего не делать»¹.

И. Иовва в своей работе о связях южных декабристов с греческими революционерами, основанной на изучении широкого круга источников, приводит один очень интересный документ из Центрального государственного архива Молдавской ССР — «Репорты аккерманской городской полиции о существовании в г. Аккермане тайного общества приверженцев Гетерии». Из этого документа смело можно сделать вывод, что офицеры и солдаты 32-го егерского полка имели тесные связи с греческими революционерами и готовились выступить на стороне восставших. Живший в Аккермане член Гетерии Ясоон Ракута показал на допросе, что в этом городе существовала тайная организация «поборников Гетерии» и что один из ее основателей, Я. Когольничану, говорил ему в 1822 г., что «теперь он имеет молодых и мог бы исправить важные дела, имея к тому знакомый весь 32-й егерский полк, равно и казаков»².

Документ, аналогичный приведенному выше, имеется и в Центральном военно-историческом архиве. В «Документах о масонских ложах и других тайных обществах» есть «Записка об обществе гетеристов», датированная 1826 г., в которой указано: «В Бессарабии, в городах Кишиневе и Аккермане, учреждена была комиссия об исследовании общества под названием и предлогом гетеристов (покровителей и поборников Греции); ныне открывается у них самое вредное направление и большая

часть офицеров 33-го егерского полка в оном членами»¹. А в Центральном государственном историческом архиве БССР есть «Дело о служащем в штабе канцелярии генерал-губернатора губернском секретаре Горновском, бывшем участнике восстания греков против турок», свидетельствующее о том, что вместе с А. Ипсиланти в Яссы приехал в качестве его адъютанта дворянин Витебской губернии Венчеслав Горновский².

И. Иовва приводит также интереснейшие сведения о том, что в Хотине были арестованы помещик Циплика и с ним 20 человек, «коих согласил было Циплика ехать с собою за Прут в Молдавию с намерением быть в составе греческих волонтеров»³.

В начале 1825 г. по делу о Гетерии был привлечен к следствию один из активных деятелей этой тайной организации — граф Яков Булгарис, отец декабриста Н. Булгариса. Он в 1820 г. отдал Д. Ипсиланти бриллианты своей жены, которые были заложены за 40 тыс. рублей и использованы для покупки 5 тыс. ружей для греческих повстанцев⁴. На следствии выяснилось, что Булгарис переправлял многих греков из Харькова, Одессы и Киева в Грецию. Он же составил воззвание, в котором призвал греков к восстанию.

Декабрист Н. И. Лорер в своих «Записках» писал: «Многие офицеры гвардии стали проситься в полки армии, думая тем приблизиться к имеющемуся в виду походу на помощь грекам. Я помню одного поручика нашей артиллерии, Райко, который, не спрашивая даже

¹ И. Иовва. Южные декабристы, стр. 90—91.

² Там же, стр. 90.

¹ Центральный Государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), фонд Военно-ученый архив (ВУА), д. 766, ч 1, л 240

² И. Иовва. Южные декабристы., стр. 86.

³ Там же, стр. 88

⁴ ЦГВИА, ф ВУА, д 873, л 35

разрешения, по собственному убеждению отправился в Афины и долго старался быть полезным своим соотечественникам. В Греции он был назначен генерал-фельдцейхмейстером, сделался другом Байрона и помогал много успеху восстания»¹

Как только началось восстание в Молдавии, начальник штаба 2-й Южной армии генерал П. Д. Киселев, сам человек либеральных убеждений и сторонник освобождения Греции, послал в Молдавию П. Пестеля с назначением наблюдать за ходом восстания и докладывать о нем в штаб 2-й армии Пестель с величайшей готовностью исполнил этот приказ и три раза ездил в Молдавию в марте—июне 1821 г. Можно ли было найти в России человека, более подходящего для такой миссии? Во время трех своих поездок смелый мыслитель, революционер и конспиратор самым детальным образом ознакомился с устройством Гетерии и с ходом восстания в Молдавии и Валахии

В Центральном Историческом архиве в Москве хранятся три донесения и два письма Пестеля П. Д. Киселеву с подробным описанием всего, что удалось ему узнать о событиях в Княжествах (донесения от 8 марта, 15 апреля и 25 мая, письма от 3 марта и 25 мая)² Донесения эти написаны в сдержанном, официальном тоне,

¹ «Записки декабриста Н. И. Лорера» М., 1931, стр. 67.

² Центральный государственный исторический архив (ЦГИАМ), ф. 48, д. 473, и ЦГВИА, фонд Молдавской армии, оп. 182 а, д. 18, ч. 1. Эти документы подробно разбираются в работе Б. Е. Сыроечковского «Балканская проблема в политических планах декабристов» (сб. «Очерки из истории движения декабристов» М., 1954, стр. 186—275) и в книге И. Иовва «Южные декабристы» Письмо Пестеля Киселеву от 3 марта 1821 г. опубликовано полностью в книге А. П. Заблоцкого-Десятовского «Граф Киселев и его время», т. IV. Спб., 1882, стр. 10—15.

но за этим тоном чувствуется живой интерес Пестеля ко всему, что происходило. С глубоким вниманием он анализирует ход восстания, его движущие силы и подробно описывает устройство Гетерии с ее широко разветвленной сетью братств и хорошо законспирированным центром, что, без сомнения, говорит об особом внимании декабристов к опыту тайной революционной организации греков. Автор писем не смог за спокойным, повествовательным стилем скрыть своего удовлетворения тем, что Гетерии удалось объединить в себе значительные силы. «Если существует 800 тысяч карбонариев,— пишет он в письме от 3 марта,— то еще значительнее может быть число греков, братски объединенных единой политической целью». В письме от 25 мая Пестель сообщает Киселеву, он слышал от греков, что Гетерия охватывает свыше 1 млн. патриотов.

Письма Пестеля Киселеву носили чисто официальный характер, и высказывать в них свои истинные революционные взгляды он не считал нужным. Однако в них достаточно ярко выражена мысль о необходимости вооруженного выступления России в защиту греков.

«Итак,— пишет Пестель в конце своего письма от 25 мая,— глаза и ожидания всех обращены к России, которая во все времена и среди всех предшествующих событий всегда показывала себя твердой защитницей греков и доказывала свое бескорыстие среди всех обстоятельств и с особым блеском со времени 1812 года». И далее Пестель предупреждает: «Если Россия не выступит на помощь грекам, то очень возможно, что их преданность и любовь к России окончатся охлаждением и обратятся к какой-либо иной державе»¹.

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 473, л. 475—476.

Нет сомнения в том, что Пестель хорошо ознакомил своих друзей не только с содержанием своих писем и донесений, но и прибавил многое такое, что в них не укладывалось. Даже генералу Киселеву, либерально настроенному, но весьма далекому от декабристов, он писал, что собирается при личной встрече рассказать еще много весьма интересных вещей, — они «не касаются ни нашей армии, ни того поручения, которое вы мне дали», и поэтому он их «воздерживается доверять бумаге». С друзьями же Пестель был еще более откровенен. Служивший впоследствии под его начальством в Вятском пехотном полку поручик Старосельский показывал на следствии по делу декабристов, что по возвращении из своих поездок он «выхвалял упорное действие [греков] к восстановлению своего отечества»¹.

Вождь декабристов стремился познакомить с опытом греческих повстанцев возможно более широкие круги русского общества, офицеров и солдат армии, и в первую очередь, конечно, своих соратников. В письме к П. Д. Киселеву от 3 марта 1821 г. он писал: «Ипсиланти издал несколько прокламаций к греческому народу и греческому войску. Все сии прокламации я имел случай собрать и оставил у генерала Пушкина для перевода с греческого языка на русский». А генерал-майор Пушкин был активнейшим членом Кишиневской управы общества декабристов и через два месяца после того, как получил прокламации Ипсиланти, стал главой ложи «Овидий». В нее входили все члены Кишиневской управы во главе с М. Ф. Орловым, В. Ф. Раевским, К. А. Охотниковым, А. С. Пушкин и много греков: Суццо, Полика-

зия, Куцикас и др. Эти прокламации и письма Пестеля Киселеву, а попутно, естественно, и все проблемы греческого восстания широко обсуждались не только среди декабристов и членов ложи «Овидий», но и во многих домах и салонах Кишинева, Тульчина, Тирасполя, где побывал сам Пестель, в Одессе — главном гнезде греческих революционеров, по всему югу России, а также в Киеве, Москве и Петербурге. Как писал князь П. М. Волконский князю А. С. Меншикову: «Дошло до меня, что будто на сих днях в одном доме в С. Петербурге видели и читали донесение подполковника Пестеля о греческих делах, которое прислано к нам было от Киселева в Лаибах»¹.

Большое внимание революционному опыту Гетерии уделял и другой вождь декабристов — Сергей Муравьев-Апостол. Посылая 25 февраля 1825 г. одному из видных членов Васильковской управы, полковнику Тизенгаузену, книгу о греческом восстании, он писал: события в Греции показали, что «вопреки непрерывно возникавшим препятствиям и внутренним несогласиям одной железной воли нескольких человек оказалось достаточно, чтобы привести к возрождению народ, разьединенный на части и приниженный более чем тремя веками рабства»². Как видим, Сергей Муравьев-Апостол делал неверные выводы об узкозаговорщическом характере греческого восстания, когда на самом деле это была поистине массовая, народная революция и только она одна могла привести к результатам, о которых он пишет.

¹ И. Иовва. Южные декабристы, стр. 59.

² Б. Е. Сыроечковский Балканская проблема в политических планах декабристов.— В сб. «Очерки из истории движения декабристов», стр. 210 (примечание).

¹ «Восстание декабристов» Материалы, т. IV Централархив М, 1929, стр. 60.

Более зрелый революционер Пестель по-другому оценивал деятельность Гетерии, считая ее массовой партией (1 млн. членов), и, видимо, понимал, что такая же массовость нужна и организации русских революционеров.

Одним словом, ясно, что декабристы изучали опыт греческого восстания, так же как и опыт революций во Франции, Италии, Испании и южноамериканских государствах, вероятно, горячо спорили и, как видим, расходились в оценке революционной тактики греков.

Декабристы много думали и о необходимости помощи народам Балкан в их борьбе за независимость, считая, что Россия должна принять в их освобождении более активное участие. В бумагах П. И. Пестеля был найден набросок с названием «Царство Греческое», в котором перечисляются все Балканские страны: Валахия, Болгария, Румыния, Сербия, Босния, Албания, Ливадия, Морея, Фессалия, Македония. Декабрист М. С. Лунин в статье «Взгляд на русское тайное общество» утверждал, что декабристы считали одной из своих задач оказание помощи грекам¹.

Известие о греческом восстании было принято в России с восторгом.

Декабристы и близкие к ним публицисты и поэты использовали вести о греческом восстании, о победах греков над «турецкими тиранами» и строительстве ими демократического государства для революционной агитации у себя дома. «Лучше ли жить многим из наших крестьян под своими помещиками, нежели грекам под гурками?»² — писал декабрист Николай Тургенев, выражая этим мысли своих соратников. Воззвание Ипсиланти

¹ М. С. Лунин. Сочинения и письма. Пг., 1923, стр. 61—66

² Н. И. Тургенев. Дневники и письма, т. 3. Пг., 1921, стр. 279.

к греческому и румынскому народам с призывом к восстанию против султанского ига тайно распространялось по всей России и воспринималось как призыв к восстанию против крепостного права и самодержавия.

В октябре 1821 г. «Вестник Европы» напечатал два перевода «Военного гимна» Константиноса Ригаса, названного в России «Греческой марсельезой»¹. Стихи эти еще задолго до опубликования ходили в списках по рукам. В целях конспирации они не были подписаны полностью: под одним стояли инициалы Н. Г., под другим — две греческие буквы ΔΣ. Кто был автором первого перевода, скоро стало всем известно. Это был поэт старшего поколения Николай Гнедич — учитель многих поэтов-декабристов, знаменитый переводчик «Илиады» Гомера и других сочинений древних греков. Его хорошо знали и любили. Он снискал себе полное доверие революционной молодежи за свои антикрепостнические взгляды и особенно за то, что летом 1821 г. произнес в Вольном обществе любителей российской словесности свою знаменитую речь о гражданском назначении поэта.

Имя второго, по-видимому, было известно лишь узкому кругу друзей, но и непосвященным нетрудно было его угадать. Греческие буквы ΔΣ легко перевести на русские — Д. З., и если учесть, что декабрист Дмитрий Завалишин в это время специально изучал новогреческий язык, чтобы ехать в Грецию сражаться за свободу угнетенного турками народа, то становилось ясно, что именно он был автором второго перевода.

В раскаленной обстановке преддекабрьских лет «Греческая марсельеза» звучала в России как остро революционная поэтическая прокламация.

¹ «Вестник Европы» № 20, ч. СХХ, октябрь 1821 г., стр. 258—261.

Восстаньте, Греции сыны!
День вашей славы наступает!
О Греции сыны, мужайтесь,
В доспехи брани облекайтесь!
Пролейте кровь врагов рекой
За веру, вольность и покой!

Характерно, как справедливо отмечает исследователь творчества Н. Г. Гнедича И. Н. Медведева, что, несмотря на подзаголовок «Сочинение Риги», гимн Ригаса воспринимался не как перевод и обращение только к грекам, а как прямой призыв к восстанию русского народа против своих собственных тиранов — крепостников и самодержавия¹.

В 1824 г. Орест Сомов перевел и издал «Записки полковника Вутье». Они имели в русском обществе огромный успех. Декабристы использовали эту книгу как богатый материал для революционной агитации, ибо в ней, как мы видели, подробнейшим образом описывались героические подвиги греческих повстанцев, их революционные цели и тактика партизанской войны.

В дальнейшем декабристы использовали известия о новых победах греков для усиления своей агитации. Этому же служили стихи Пушкина, многих поэтов-декабристов и других передовых поэтов. В России того времени, когда царская цензура запрещала какие-либо политические выступления в прозе, с успехом использовались для этой цели стихи. Тема греческого восстания, горячего сочувствия героическим повстанцам Эллады и желания им победы над угнетателями становится одной из наиболее революционных тем поэзии. А. Пушкин, К. Рылеев,

В. Раевский, В. Кюхельбекер, Е. Баратынский, В. Григорьев, О. Сомов, В. Туманский и многие другие посвятили греческому восстанию свои стихи. В. Ф. Раевский писал в Тираспольской крепости стихотворение «К друзьям», где, намекая на греческое восстание, выражал уверенность, что оно «пробудит народный сон и гидру дремлющей свободы».

Пушкин в стихотворении «К Овидию» в декабре 1821 г. пишет:

Здесь лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на брега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал

В стихотворении «Гречанка верная! Не плачь,— он пал героем» поэт прославляет подвиг греческого повстанца и в заключение пишет следующее четверостишие:

Но знамя черное свободой восшумело
Как Аристокитон, он миртом меч обвил
Он в сечу ринулся — и, падши, совершил
Великое, святое дело.

Позднее, в 1829 г., Пушкин снова пишет о греческом восстании:

Восстань, о Греция, восстань!
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп, и Пинд, и Фермопилы..
Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги
При пеньи пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги!

Известно, что Пушкин вел дневник греческой национально-освободительной борьбы, который впоследствии пригодился ему для повести об одном из участников вос-

¹ И. Н. Медведева Н. И. Гнедич и декабристы — «Декабристы и их время». Материалы и сообщения. М.—Л., 1951, стр. 140—141.

стания — Кирджали. В «Кирджали» описывается много подлинных подробностей восстания, почерпнутых из рассказов очевидцев, и в частности князя В. П. Горчакова, отправившегося по приказу командования 2-й армии в Молдавию и собиравшего там сведения о сражении греков с турками под Скулянами. В бумагах Пушкина был обнаружен также план «Поэмы о гетеристах», которую поэт собирался написать¹, заметки «О революции Ипсиланти» и «О Пенда-Деке», возможно являвшиеся частью подготавливаемых им материалов для этой поэмы. Пушкин вслед за Пестелем одним из первых понял и оценил историческое значение греческого восстания. В письме к А. Н. Раевскому в июне 1824 г он писал: «Ничто еще не было так народно, как дело греков, хотя многие в их политическом отношении были важнее для Европы»².

Дело освобождения Греции привлекало к себе горячие симпатии передовой молодежи. Декабристы Якушкин, Завалишин, Каховский, Кюхельбекер и многие другие собирались отправиться в Грецию, чтобы в рядах повстанцев воевать за ее свободу. Но царское правительство категорически запретило кому-либо уезжать в Грецию, что вызвало большое недовольство.

К. Ф. Рылеев в стихотворении «Пустыня» писал:

Война, война кипят!
В Морее пышет пламя!
Подняв свободы знамя,
Грек оттоману мстит!
А я, а я не в силах
Лететь туда стрелой,
Куда стремлюсь душой!

¹ А. С. Пушкин Полн. собр. соч. в шести томах, т. 2 М., 1949, стр. 539; т. 5, стр. 539.

² А. С. Пушкин. Переписка, т. I. Слб., 1906, стр. 112.

В. Кюхельбекер в «Греческой песне» отражает те же настроения:

Друзья! Нас ждут сыны Эллады!
Кто даст нам крылья? Полетим.
Сокройтесь горы, реки, грады!
Они нас ждут, скорее к ним!

Позднее, когда началась русско-турецкая война 1828—1829 гг., которая многими расценивалась как война за освобождение Греции, П. А. Вяземский и А. С. Пушкин просили царя и Бенкендорфа, чтобы их приняли в ряды действующей армии. В письме к А. И. Тургеневу от 18 апреля 1828 г. П. А. Вяземский пишет, что они получили отказ от Бенкендорфа, который заявил: «Ежедневно являются желающие участвовать в сей войне...» В этом же письме Вяземский жалуется Тургеневу, что этот отказ его глубоко обижает, как будто «его не хотят признавать русским». «Ну после этого я разве не изгнанник, — пишет он, — не шарий? Разве не отчужден я от права участвовать в деле отечественном, в деле человечества...»¹

В течение всей греческой освободительной войны русские люди с волнением и надеждой следили за ходом событий на полях Эллады. Братья Тургеневы, братья Булгаковы, Г. С. Батеньков, В. А. Жуковский, Карамзины, Елагины, А. О. Смирнова-Россет, Н. В. Басаргин, А. И. Ермолов, П. Д. Киселев, А. А. Закревский, Н. В. Путята и многие другие в своих письмах и дневниках писали о справедливых целях греков и о своем горячем желании, чтобы Россия помогла им.

В письмах А. Тургенева к декабристу Н. Тургеневу есть упоминания о том, что их брат Сергей Тургенев,

¹ «Переписка А. И. Тургенева с князем П. А. Вяземским», т. I. Слб., 1921, стр. 71—72.

дипломат, служивший в русском посольстве в Константинополе, составлял «полуофициальные» записки о Греции. А. Тургенев сообщил, что отдал эти «Записки» для переписки начисто и хочет попросить у правительства разрешения напечатать экземпляров тридцать «для друзей»¹.

Н. В. Басаргин в своих «Записках» пишет: «В общем мнении оно (греческое восстание.— О. Ш.) оправдывалось и внушало всеобщую симпатию»². Адьютант члена Генерального штаба русской армии А. А. Закревского Н. В. Путята, находившийся в это время в Финляндии и познакомившийся там в 1824 г. с поэтом Е. А. Баратынским, писал, что «берега Дуная, Царьград, Греция, возрождающаяся из пепла, были непрестанными предметами наших разговоров»³.

Позднее, в 1827 г., когда И. Каподистрия отправился в Грецию, чтобы занять там пост президента, В. А. Жуковский направил ему прочувственное письмо, свидетельствующее, что и его, так же как и всех близких ему людей, волновала судьба греков — этого «отважного народа»⁴.

Греческое восстание приветствовалось и поддерживалось также значительным слоем либерального дворянства, связанного с более передовыми формами хозяйства и с внешней торговлей, а также военными кругами, желавшими победоносной войны с Турцией.

¹ См. «Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу». Лейпциг, 1872, стр. 30. К сожалению, нам не удалось до сих пор найти этого интересного документа.

² Н. В. Басаргин. Записки. Пг., 1917, стр. 11.

³ Цит. по кн.: Е. А. Баратынский Стихотворения, поэмы, проза, письма. М., 1951, стр. 8.

⁴ См. «Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу», стр. 116—

П. Д. Киселев, бывший тогда начальником штаба 2-й Южной армии, в письме к А. А. Закревскому от 14 марта 1821 г. писал: «Дело не на шутку, крови прольется много и, кажется, с пользой для греков. Нельзя вообразить себе, до какой степени они очарованы надеждою на спасение и вольность. Все греки южного края: старые и молодые, богатые и бедные, сильные и хворые — все потянулись за границу, все жертвуют всем и с восхищением собою для отечества. Что за время, в которое мы живем, любезный Закревский! Какие чудеса творятся и твориться еще будут! Ипсиланти, перейдя границу, перенес уже имя свое в потомство. Греки, читая его прокламацию, навзрыд плачут и с восторгом под знамена его стремятся. Помоги ему бог в святом деле, желал бы прибавить: и Россия»¹.

А. П. Ермолов, тогда главнокомандующий Особой Кавказской армией, человек передовых взглядов, близкий друг многих декабристов и их покровитель в период их ссылки на Кавказ в 1826—1827 гг., в письме к Киселеву 30 марта 1821 г. писал: «Воскресающая Греция даст теперь вам достойные занятия. Видел из письма к Закревскому, что события воспламеняют сердце героя, желающего лететь на помощь стране знаменитой. Жалеть буду вместе с вами, если пламень греков угашен будет их собственной кровью. Дай бог им успеха...»²

Освещая вопрос об отношении общественного мнения России к греческому восстанию, чрезвычайно интересно проследить, как относились к нему широкие массы народа.

¹ «Переписка Киселева с Закревским». — «Сборник Русского исторического общества», т. 78, 1891, стр. 63—64.

² «Сборник Русского исторического общества», т. 78, 1891, стр. 243—244.

Вследствие того что в крепостной России поголовно все крестьянство было неграмотно, найти какие-либо письменные источники по этому вопросу не представляется возможным. Однако свидетельства того, что трудовой русский народ горячо сочувствовал греческим повстанцам и восхищался их героической борьбой, все-таки существуют. Такие свидетельства дает нам народное изобразительное искусство. В зале № 29 Исторического музея Москвы можно увидеть замечательные экспонаты, созданные руками крепостных крестьян. Здесь и лубочные картины с изображением боевых схваток греков с турками, и портреты героев греческой национально-освободительной войны. Богородские резчики по дереву создали замечательный по своей колоритности скульптурный портрет Феодороса Колокотрониса, а неизвестный мастер, написавший портрет Боболины, подписал его следующими словами: «Жизни не щадила во славу и честь отчизны».

Самым же ярким доказательством народного сочувствия борьбе греков за независимость является то воодушевление и тот героизм, с которыми сражались за свободу дружественного греческого народа русские матросы во время Наваринского сражения и русские солдаты во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

Царское правительство, опасаясь того, что его коллеги по Священному Союзу заподозрят Россию в поддержке греческого восстания, запретило всякое упоминание в печати о сборах денежных средств в пользу повстанцев и тем более посылку добровольцев для греческой армии. Поэтому русский филэллизм в отличие от французского, английского и немецкого действовал в условиях полной негласности. В русской печати того времени нельзя найти никаких упоминаний о существовании в России

филэллистического комитета, о денежных подписках в пользу греков, а тем более о лицах, которые участвовали в организации этого дела.

Длительные и тщательные поиски документального материала по этому вопросу не привели до сих пор к более или менее ощутимым результатам. Дневники письма и воспоминания также не дали такого материала¹. Однако несколько косвенных данных и случайно оброненных фраз в переписке братьев Тургеневых между собой и с Булгаковыми, а также в переписке И. Каподистрии с известным филэллином женеvским банкиром Эйнарoм дают возможность заключить, что в Петербурге существовал филэллинистический комитет, производивший подписки и собиравший крупные суммы денег для греческих повстанцев. Все средства, собранные этим комитетом, направлялись, по всей видимости, в Женеву, где жил после своей отставки И Каподистрия и где существовал другой, так называемый Женевский, филэллинистический комитет, возглавляемый Эйнарoм.

Так, в своем письме к Я. Булгакову от 1821 г. (без даты) А. Тургенев просит его о помощи греку Лицардополо, который собирается ехать в Грецию. «У тебя бываюv многие из богатых его соотечественников»,— поясняет Тургенев, почему он обратился с этой просьбой именно к Булгакову. «Из суммы, собранной в пользу греков,— пишет он,— я не могу помочь ему, ибо он не оттуда ушел, а уходит из России туда»². В письме к Н. Тургеневу (июль 1827 г.) А. Тургенев прямо упоминает о «Петербургском комитете для греческих дел» в связи

¹ Автор продолжает исследование этого вопроса

² «Письма Александра Тургенева Булгаковым». М., 1939, стр. 171.

с тем, что до него дошли слухи о назначении Каподистрии на пост президента этого комитета¹.

В своем дневнике декабрист Н. Тургенев пишет: «...Все, и дипломаты, и министры, и публика, более или менее принимают участие в греках, бранят, проклинаят турок — делают подписки для спасающихся греков в Одессе»².

В парижской либерально-буржуазной газете «Журналь де Деба» от 7 декабря 1827 г. сообщалось, что в письме Эйнара от 1 октября 1827 г. в Парижский филэллинистический комитет этот известный «друг греков» отмечал, что в Москве и Одессе собираются большие сборы в пользу восставших.

Каподистрия жил в Женеве с 1822 г. до начала 1827 г., когда был вызван Николаем I в Россию, и затем отправился в Грецию занять там пост президента греческой республики. Женевский период его жизни очень мало изучен, но надо полагать, что этот греческий патриот, тесно связанный с русским обществом и русской внешней политикой, не сидел без дела. Не случайно Женевский филэллинистический комитет, возглавлявшийся Эйнаром, одним из самых активных и самых знаменитых организаторов филэллинизма, все время оказывал грекам совместно с французским комитетом самую эффективную помощь деньгами, оружием, боеприпасами и продовольствием³.

На самую тесную связь Эйнара с Каподистрией указывают письма Каподистрии, относящиеся, правда, к

¹ См. «Письма А. Н. Тургенева к Н. И. Тургеневу», стр. 47.

² Н. Тургенев. Дневники и письма, т. III Спб., 1921, стр. 279.

³ Сведения об его деятельности печатались в очень большом количестве в европейских и русских газетах того времени, особенно в «Северной пчеле».

более позднему периоду (начало 1827 г.), но говорящие довольно ясно о том, что будущий президент греческого государства если не руководил работой Женевского филэллинистического комитета (по политическим соображениям, конечно), то во всяком случае направлял ее и был в курсе всей его деятельности.

Путешествуя по Европе с целью завязать политические связи и получить заем для греческого правительства, Каподистрия, уже выбранный президентом Греции, пишет Эйнару самые теплые, дружеские письма, в подробностях извещающая его о своем путешествии. Он называет его «мой дорогой Эйнар» и, упоминая о греческой революции, пишет все время «наше дело». Так, в одном из писем он пишет: «Хочу надеяться, что денег вам хватает и что вследствие этого ваши многочисленные дети не будут нуждаться в хлебе. Разрешите мне повторить вам, что теперь, больше чем когда-либо, они нуждаются в вашей помощи. Я хотел бы помочь вам еще больше, и будьте уверены, что я не пренебрегу ничем, чтобы исполнить свой долг. Не забывайте меня и пишите мне, я вам отвечу тем же... Прошу вас, не спешите уезжать из Лондона; надеюсь, что через некоторое время буду иметь удовольствие обнять вас там»¹.

Имея в виду, что Каподистрия в течение своей отставки не прекращал связи с Россией и даже, по его собственному свидетельству, изредка переписывался с самим императором², можно предположить, что помощь передовой части русского общества, сочувствующей идее национального освобождения, направлялась в Грецию

¹ «Correspondance du comte I Capodistrias», v. I. Genève, 1839, p. 131—132.

² Из дневника сенатора П. Г. Дивова.— «Русская старина» № 1, 1898, стр. 101—110.

через Женевский филэллинистический комитет. Ведь трудно себе представить, чтобы та крупная помощь, которая шла в Грецию из Женевского филэллинистического комитета, могла быть собрана в одной маленькой Швейцарии, весьма далекой от всех политических и экономических проблем, возникших в Средиземном море в 20-х годах XIX в. К тому же ее население ни духовно, ни экономически не было связано с греческим народом. Правда, в Женевский комитет иногда направлялись средства некоторых германских и Скандинавских государств, но первые в основном были связаны с Берлинским филэллинистическим комитетом, а суммы, поступающие из вторых, бывали ничтожны.

* *
*

После отставки Каподистрии Меттерних, праздновавший победу, писал австрийскому императору Францу: «Процесс выигран... с Каподистрией все кончено... Русский кабинет одним ударом разрушил дело Петра Великого и всех его преемников».

Но австрийский канцлер глубоко ошибался.

Колебания в русской политике первых трех лет греческого восстания объяснялись не столько монархическими принципами Александра I, сколько общим противодействием европейских держав стремлениям России утвердить свое влияние в Турции, на Балканах и в Греции.

Джордж Каннинг, сменивший в 1822 г. лорда Кастльри на посту английского министра иностранных дел, в письме к лорду Гренвиллю так определил позицию русского императора: «. Вряд ли он решится идти на

войну вопреки протестам Австрии и Франции и против Англии, которая протестовала очень давно и теперь, не связанная никакими обязательствами или участием в Союзе, стоит в стороне,— я не верю в то, что он будет этим рисковать»¹.

И действительно, русская дипломатия в создавшейся тогда международной обстановке не могла ставить вопрос о Греции решительно — уж очень сильна и единодушна была оппозиция держав. К тому же царь ревностно охранял европейский концерт монархов, дававший ему возможность оставаться одним из могущественнейших руководителей европейской политики. Идти на войну с Турцией из-за «мятежных» греков значило нанести смертельный удар им же самим созданному Священному Союзу, служившему надежной защитой всех приобретений, полученных им в Европе в результате войны с Наполеоном.

Все эти соображения заставляли русскую дипломатию действовать чрезвычайно осторожно: отступать, лавировать, идти на временные уступки Меттерниху, давать клятвенные заверения в ненависти царя к «бунтовщикам» и в вечной его верности принципам Священного Союза. Вся политика России вплоть до осени 1825 г. была направлена к тому, чтобы, не выходя из рамок Священного Союза, получить санкцию остальных держав на единоличное разрешение ею греческой проблемы. Русская дипломатия постоянно выступала перед европейскими союзниками с требованием «коллективного» вмешательства в греко-турецкую войну, а это попросту означало, что союзники должны разрешить России от имени Священного Союза «умиротворить» Грецию, т. е.

¹ A. G. Stapleton. George Canning and His Times, p. 464.

любими средствами заставить турецкого султана дать грекам автономию или даже независимость. В Троппау-Лейбахской декларации Священного Союза была проведена главная мысль: союзники на общих конгрессах дают «коллективное согласие» тому или иному из своих членов на вооруженную интервенцию в страну, являющуюся ареной гражданской войны. Эта декларация была скреплена подписями австрийского, русского и прусского министров. На основании этого общего положения Россия дала свое согласие на действия Австрии в Италии и Франции в Испании.

Когда вспыхнуло греческое восстание, Александр считывал получить «коллективное согласие» держав на выступление России против Турции.

Еще в самом начале греческого восстания в русском циркуляре от 22 июня 1821 г., переданном всем союзникам, прямо указывалось, что массовые репрессии турецкого правительства по отношению к православным подданным и нарушение пунктов договоров, устанавливающих привилегии русской торговли, дают России право выступить против Турции и рассчитывать при этом на поддержку Священного Союза¹.

В беседе с французским послом в Лондоне Полиньяком в ноябре 1825 г. Каннинг выразил мысли русской дипломатии следующим образом: «Союз, соответственно с доктриной русского императора и соответственно, как я предполагаю, с вашей (так как я не слышал, чтобы Франция дезавуировала ее), является объединением великих держав для сохранения мира во всем мире не только путем предотвращения конфликтов между нациями, но и путем подавления и уничтожения в зародыше

беспорядков внутри них. Каждая государственная бумага русского императора по греческому вопросу — я прошу вас прочесть их все, когда вы придете домой, — кладет предполагаемое вмешательство между Турцией и Грецией на эти основания.

Пьемонт и Неаполь взволновались, говорится в них, союзная Европа увидела опасность, и Австрия как соседняя держава была отправлена в качестве агента объединенной Европы установить там порядок. Испания была в состоянии анархии — объединенная Европа посещалась, вооруженная интервенция была решена, и Франция как соседняя держава была послана привести это решение в исполнение. Теперь третий случай заключается в конвульсиях Турецкой империи. Пусть объединенная Европа встретится снова, и по аналогии с примером прошлого, против которого нельзя возразить, пусть соседняя держава будет послана уничтожать эти конвульсии! Я не вижу для вас, других членов Священного Союза, и особенно для Франции, возможности воздержаться от следования принципам Лейбаха и Вероны в случае, к которому они, раз будучи приняты, также полностью применимы, как и в каждом другом»¹.

Эту же мысль совершенно ясно выразил Нессельроде в депеше Меттерниху от 14 декабря 1824 г.: «Его Императорское Величество надеется, что его союзники на континенте, и особенно Австрия, покажут ему в свою очередь ту активную дружбу и доверие, столь многие доказательства которых он сам им дал, когда абсолютно аналогичные кризисы явились основанием их законного беспокойства и благородных решений»².

¹ A. G. Stapleton George Canning and His Times, p. 467—468.
² A. Prokesch-Osten Geschichte des Abfalls., B. IV, S. 144

¹ A. Prokesch-Osten Geschichte des Abfalls., B. III, S. 101—104.

И действительно, вплоть до осени 1825 г., как справедливо отметил Каннинг, во всех депешах Нессельроде в Австрию, Францию и Англию постоянно и неизменно отмечается необходимость «коллективного вмешательства» в дела Греции на основании Троппау-Лейбахской декларации, т. е. общая санкция на выступление России. Вопреки думоу «триумфу» Меттерниха в истории 1821—1829 гг. не было более или менее длительного периода, в течение которого Россия все снова и снова не поднимала бы этого вопроса и не настаивала на его разрешении.

Известие о константинопольской резне было получено Каподистрией и передано Александру I в Брест-Литовске, когда он находился на пути из Лейбаха в Россию. Русский император, только что публично отказавшийся от помощи греческому восстанию, получил в руки прекрасный аргумент для действий. Как писал Нессельроде русскому послу в Австрии Головкину 22 июня 1821 г., «наша позиция по отношению к Турции резко изменилась с тех пор, как она объявила религиозную войну и уничтожение народа, к которому единство веры и положительные условия договоров утверждали постоянный и искренний интерес императора»¹.

16 июня 1821 г. последовала инструкция русскому послу в Константинополе Строганову: он должен был обратиться к турецкому правительству с протестом против насилий над православными подданными султана и нарушений свободы навигации в проливах. В ней указывалось: «Если насилия, которым предаются турки, будут продолжаться, если в ее провинциях наша святая религия будет подвергаться новым оскорблениям, если они

желают уничтожить греческую нацию, то легко догадаться, что Россия... не может остаться хладнокровной наблюдательницей этих осквернений и этих жестокостей»¹.

В депеше впервые выражена мысль, которая после длительной дипломатической борьбы была в конце концов проведена в жизнь: «Россия, преисполненная доброго чувства к грекам и желая доставить им мирное пользование необходимыми уступками в их гражданском существовании и их благополучии, Россия, говорим мы, будет искренне добиваться этого полезного результата...»²

Строганову предписывалось в случае, если султанское правительство будет продолжать насилия, покинуть вместе со своей миссией турецкую столицу

Султанское правительство, имея за спиной мощную поддержку всех без исключения западноевропейских держав во главе с Великобританией и Австрийской империей, ответило на русский ультиматум полным и категорическим отказом. Мало того, оно демонстративно смотрело сквозь пальцы на действия местных властей и чиновников, которые всевозможными способами притесняли русских подданных, живших на территории Османской империи, чинили препятствия торговле русских купцов, производили насильственный осмотр русских торговых судов и даже убивали матросов, оказывавших им сопротивление. После получения ультиматума русская дипломатическая миссия в Константинополе находилась в тревожном ожидании. Каждую минуту за ними мог явиться вооруженный отряд янычар и проводить их

¹ A. Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls., B. III, S. 87.

¹ A. Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls., B. III, S. 91.

² Там же, стр. 93.

в Семибашенный замок, выход откуда был весьма проблематичным. Султан был до такой степени взбешен вмешательством России в его отношения с греками, что непременно прибег бы к этой мере, если бы русское правительство не сочло за благо послать на константинопольский рейд военный пакебот для охраны своих дипломатов.

В конце июня 1821 г. русское посольство покинуло турецкую столицу. Дипломатические отношения были прерваны. Но действовать единолично Россия не имела возможности. Ей прогивостоял единый фронт держав. Поэтому в дальнейшем русская дипломатия делала целый ряд попыток, направленных на то, чтобы получить поддержку своих «союзников» в греческом вопросе.

В марте 1822 г. в Вену был направлен русский дипломат Татищев с заданием вести переговоры с австрийским канцлером о восточных делах. В отчете личного секретаря Меттерниха Фридриха Генца о его беседах с Татищевым есть следующее место: «Он мне сделал... заявление, которое меня поразило. Он мне сказал, что изменение режима во всех греческих областях является, по мнению русского кабинета, с самого начала главным условием сохранения мира... что Россия намеревалась требовать этими пунктами [ультиматума.— *О. Ш.*] изменения системы в пользу всей греческой нации. Я ему ответил, что ни в Константинополе, ни в Вене, ни в Берлине, ни в Лондоне не смогут присоединиться к этим предложениям России и что русский кабинет должен высказаться более ясно. Он заметил тогда (с небольшой долей сарказма), что все ясно и так.. В сущности дело идет к тому, чтобы пустить в ход этот пункт и не восстанавливать прямых отношений с Портой, не взяв с нее

обязательства без промедления начать переговоры с Россией и союзными дворами по поводу будущей судьбы греков»¹.

В этом высказывании Татищева выражена вся суть русской политики в вопросе о Греции: Россия твердо заявляла, что не восстановит своих дипломатических отношений с Турцией и не оставит вопроса до тех пор, пока он не будет разрешен путем изменения системы «в пользу всей греческой нации», т. е. путем освобождения Греции из-под власти султана.

Миссия Татищева не имела успеха: царь не получил, конечно, санкции венского двора на единоличное выступление России против Турции. Но русская дипломатия не прекращала настаивать на своей точке зрения. Даже в период 1822—1823 гг., когда Меттерних и его верный слуга Генц на весь мир трубили о своей «полной победе» над Александром I и о его «окончательном» отказе от поддержки «греческих мятежников», буквально ни одна депеша России иностранным дворам не обходилась без заявлений на эту тему².

¹ А. Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls., В. III, S. 314.

² АВПР, Канцелярия, 1823, д. 6922, л. 120—122, 174, 176, 252—259; 1824, д. 6939, л. 16—17, 139, 265, 267, 268.

Власть султана над народами Балкан, или, как тогда любили выражаться, «неделимость Оттоманской империи», самым ревностным образом поддерживалась не только Австрийской империей, но и Великобританией, а за ней и Францией.

Английский министр иностранных дел сэр Роберт Стюарт Кестльри, он же лорд Лондондерри, крайне правый тори и один из столпов европейской реакции, в проведении такой политики чуть ли не превзошел самого Меттерниха. Хотя Англия и не участвовала в Священном Союзе и отказалась санкционировать решения Троппау-Лейбахского и Веронского конгрессов, она в общем не оказала ровно никакого противодействия вторжению австрийских войск в пределы революционной Италии и подавлению испанской революции силами Франции, а в Восточном вопросе встала на крайне правые позиции.

Возможность усиления какой-либо из континентальных держав, а тем более выход ее на морские просторы воспринимались английской буржуазией прямо-таки как национальная катастрофа. Освобождение народов Балкан и Греции от иностранной зависимости и образование самостоятельных государств, которые в силу старинных экономических, политических и духовных связей с

территориально близкой к ним Россией неизбежно попали бы в сферу ее влияния, могли ослабить позиции Англии в этом районе, а выход России в Средиземное море мог положить конец ее безраздельному господству там. Наоборот, целостность Османской империи была надежной охраной английских интересов как в пределах самой империи (включая все зависимые от султана территории), так и на торговых путях к средиземноморским и азиатским рынкам.

Полное единство английских политических партий в этом вопросе определялось именно этими соображениями. По этому поводу русский посол в Лондоне граф Ливен в своем донесении от 10 января 1822 г. писал: «Все партии сходятся в том, что, согласно интересам английского народа, сохранение Оттоманской державы будет успехом, а ее падение — поражением. Вот почему и те и другие сходятся в общих опасениях насчет русской политики, хотя они основываются на различных соображениях»¹.

Все эти соображения и явились основой ближневосточной политики нескольких поколений английских министров иностранных дел. Высшей доблестью дипломата считалась охрана статус-кво и равновесия сил в Европе, одним из главных элементов которых была «неделимость» султанских владений (т. е. извечное рабство балканских народов).

В полном соответствии с этими принципами действовал в греческом вопросе лорд Кестльри-Лондондерри, их же все время имел в виду и его преемник Джордж Кан-

¹ Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. XI. Спб., 1895, стр. 324 (далее — «Собрание трактатов...»).

нинг, ставший британским министром иностранных дел в сентябре 1822 г.

История дипломатической борьбы вокруг вопроса об освобождении Греции самым решительным образом опрокидывает миф о Каннинге как о «покровителе» и «освободителе» угнетенных народов. Его политика отражала все те опасения и колебания, которые уже тогда вызывал в Англии вопрос о начавшемся разложении Османской империи и дележе ее богатейшего наследства. Чтобы обеспечить интересы британской буржуазии, Каннингу пришлось вести сложную и искусную игру.

Руководящей нитью английской дипломатии в этой игре было стремление укрепить позиции Англии в районе восточного Средиземноморья, беспредельно расширять торговлю, захватить новые базы и стратегические пункты на этих важных морских путях и, как справедливо заметил французский посол в Петербурге Ла Ферроне, «распространить свое господство на единственное море, где оно еще не установлено» (т. е. на Черное). «Великобритания, — сказал он, — кажется, хочет превратить Грецию в Ионические острова, послать туда губернатора и постоянный флот»¹. Чтобы никто не мешал осуществлению этих целей, ставилась задача устранить всех возможных соперников. В данном случае таким соперником могла явиться Россия. Было совершенно очевидно, что ее война с Турцией, слабость которой была всем широко известна, кончится поражением Турции и необычайным усилением России. Поэтому английская дипломатия, хорошо зная, что стоявший за ее спиной «средний класс» не желает воевать за целостность Османской

империи, употребляла все свои усилия для предотвращения войны России с Турцией.

Судьба греков, собственно, нисколько не волновала Каннинга. Самым желательным, с его точки зрения, было бы быстрее подавление восстания силами самих ту-рок, тогда все снова вошло бы в свою колею и «интересам» Англии в Средиземном море уже никто бы не угрожал. В первые годы своего управления министерством иностранных дел Каннинг, так же как и ортодоксальный тори протуркист Кестльри, стремился только к такому исходу и нисколько этого не скрывал. В конце 1823 г. он так писал послу Англии в Константинополе лорду Странгфорду: «Ваше сиятельство желает знать, чувствуется ли необходимость прийти к умиротворению внутри турецкой империи сейчас сильнее, чем в эпоху Веронского конгресса; я, не колеблясь, могу вам сказать... что Турция не имеет возможности терять времени и что спокойствие ее империи внутри будет лучшим и наиболее прочным средством для сохранения ее от внешних атак»¹. Проще говоря, султан, не теряя времени, должен утопить греческих повстанцев в их собственной крови и восстановить свою империю в полном и нерушимом единстве. Чтобы создать султану наиболее благоприятные условия для этого, английская дипломатия в полном согласии с австрийской и французской намеренно в течение нескольких лет затягивала переговоры в Константинополе по греческому вопросу.

Легитимист и яростный противник греков, английский посол в Турции лорд Странгфорд делал в этом направлении невероятные усилия. Подавляя в себе нена-

¹ E. Driault et M. Leritier. Histoire diplomatique de la Grèce, v. I, p. 208.

¹ Цит. по кн: E. Driault et M. Leritier. Histoire diplomatique de la Grèce, v. I, p. 204.

висть к «греческим мятежникам» и глубокую неприязнь к России, он вместе с австрийским послом Лютцовом, а затем Оттенфельсом на многочисленных конференциях и аудиенциях старался убедить турецких министров и их высокого повелителя в необходимости уступить России и выполнить требования русского ультиматума¹.

Однако султан наотрез отказывался от всяких уступок, надеясь, что при помощи англо-австрийской дипломатии, удерживавшей Россию от решительных действий, ему удастся выиграть время для подавления греческого восстания.

Лишь изредка под давлением английского общественного мнения, возмущенного константинопольским и хиосским побоями, Странгфорд заводил с султанским правительством разговор о прекращении зверств над греческим населением. В ответ на это умный и наиболее просвещенный из турецких министров реис-эфенди (первый министр) Джаниб резонно спрашивал британского посла, чем, собственно, отличается английский способ угнетения индусов от турецкого способа угнетения греков? И действительно, лорду Странгфорду трудно было что-либо говорить в пользу греков, так как Англия была в сущности солидарна с султаном: его методы подчинения «взбунтовавшихся райя» мало чем отличались от «исторически сложившихся» колониальных методов английского капитализма. Это чувство солидарности особенно усиливалось страхом Англии перед реальной угрозой того, что восстание перекинется на подвластные ей Ионические острова.

¹ Отчеты об этих переговорах см. *A. Prokesch-Osten Geschichte des Abfalls*. В III, S. 265—278, 410—414, АВПР, Канцелярия, 1822, д. 6916, 1823, л. 6992.

Англо-французско-австрийская кампания по принуждению турок и России, а затем турок и греков велась самым интенсивным образом на протяжении всего греческого восстания вплоть до русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Вопрос о необходимости предоставить Греции независимость или хотя бы автономию не ставился английской дипломатией до самого 1826 г., когда было подписано первое русско-английское соглашение по греческому вопросу — Петербургский протокол.

Однако со времени выработки греческим Национальным собранием республиканской конституции и образования временного правительства надежды реакционеров всего мира на быстрое подавление восстания сильно поколебались. Военные успехи греческих повстанцев на суше и на море сделали Грецию настолько сильным политическим фактором, что с ней уже невозможно было не считаться.

В марте 1822 г. временное правительство Греции объявило блокаду всех портов от Эпира, Пелопоннеса, Фессалии и Эвбеи до Салоник. Все корабли иностранных держав, заходящие в эти порты и груженные боеприпасами, подлежали захвату.

Морская война, охватившая Эгейское и Ионическое моря, подвергла опасности средиземноморские торговые пути европейских держав, и главным образом, конечно, Англии. Это вызывало серьезные опасения английского коммерческого мира. В газетах и в парламенте был поднят шум по поводу «греческого пиратства» в водах Леванта.

Вопрос о «пиратстве» — вопрос непосредственного интереса — гораздо больше волновал ливерпульских купцов и лондонское Сити, чем вопрос о будущем политическом устройстве Греции. Первой и непосредственной

задачей английского министра иностранных дел поэтому была охрана средиземноморского торгового судоходства, установление на путях к азиатским рынкам такого положения, которое гарантировало бы спокойствие морской торговли. Когда надежды английской дипломатии на быстрое подавление греческого восстания не оправдались — восстание разрасталось, а турецких сил оказывалось явно недостаточно для его подавления, — Каннинг резко изменил свою политику в отношении греков. Было объявлено о нейтралитете Англии в греко-турецкой войне. В особых инструкциях капитанам английских кораблей в Средиземном море Каннинг предписал строгое соблюдение этого нейтралитета между двумя воюющими сторонами и вслед за этим 24 марта 1823 г. официально признал блокаду, объявленную греками год назад. Это было равносильно признанию греков воюющей стороной и всех их прав как воюющей нации.

Поднялась целая буря возмущения не только в среде сторонников легитимизма и Священного Союза во главе с Меттернихом, но также и в среде английских тори, верных сторонников «неделимости» Турции.

Этой скромной меры оказалось достаточно, чтобы Каннинг был немедленно назван «революционером» и «пособником греков». Однако от признания греков воюющей стороной до какого-либо желания признать их независимость было еще очень далеко. Признание греческой блокады явилось лишь необходимой мерой для защиты английского торгового судоходства и ни в коей мере не предназначалось для поощрения греческого революционного движения. Каннинг в инструкции английскому послу очень ясно и просто объяснил это: «Характер воюющей стороны есть дело не столько принципа, сколько факта. Известная степень силы и стабиль-

ности, достигнутая массой населения, участвующей в войне, дает ей право называться воюющей стороной, и если даже это название является спорным, то для всех цивилизованных наций все-таки представляет вполне понятный интерес именно так называть их: ибо какова альтернатива? Государство или общество (как бы оно ни было названо), находящееся в войне с другим, которое покрывает море своими крейсерами, может быть признано или как воюющая сторона, или как пираты»¹.

Далее в инструкции говорится о том, что считать пиратами население в миллионы человек чрезвычайно невыгодно с «точки зрения естественного закона самозащиты», так как, не имея с этим населением официальных отношений, к нему нельзя применить никаких эффективных репрессий за ущерб, наносимый его кораблями навигации иностранных держав.

Каннинг оказался гораздо дальновиднее любого английского буржуазного политического лидера своего времени. Когда надежда на скорое и полное подавление греческого восстания не оправдалась, он стал быстро перестраиваться, чтобы в случае возможной победы греков завоевать их доверие, опутать их займами, связать финансовыми, политическими и моральными обязательствами, свести на нет влияние России и сделать Великобританию «державой-покровительницей», которая затем могла бы превратить независимую Грецию в торговую, политическую и, если понадобится, в военно-стратегическую базу английского капитализма в Средиземном море. Стремясь заручиться симпатиями греков на случай их победы, Каннинг смотрел сквозь пальцы на развитие

¹ A. G. Stapleton. Political Life of George Canning, v. II, p. 410—411.

филэллинизма в своей стране и допускал частную помощь грекам. Но в то же время до апреля 1826 г. он не сделал ни одного решительного дипломатического шага, чтобы действительно именем британского правительства помочь грекам в их борьбе за независимость, и, наоборот, употреблял все усилия, чтобы помешать России оказать Греции необходимую ей военную помощь.

Принято считать особой заслугой английской буржуазии перед Грецией, что она дала неокрепшему греческому правительству два займа. Действительно, в июне 1823 г. греческое временное правительство послало в Лондон двух депутатов, Орландоса и Луриотиса, с просьбой от имени греческого правительства о займе. 21 января 1824 г. они заключили с банкирами Лугманом и О'Браеном договор о займе в 800 тыс. ф. ст. Через год, в марте 1825 г., греки получили заем от банкира Рикардо в сумме 3 млн. ф. ст. Оба займа были даны под залог национальных богатств будущего греческого государства и в 1826 г. признаны государственным долгом Греции, что поставило ее в прямую финансовую зависимость от Англии. Итак, займы были даны, и Англия получала какое-то основание для своего будущего влияния в Греции. Казалось бы, что и для греков было очень большой удачей получить крупные суммы денег в тот самый момент, когда они в них остро нуждались. Однако займы английской буржуазии принесли грекам очень мало пользы.

В исторической литературе мы не находим никаких подробностей о судьбе этих английских займов. Но на страницах газет того времени встречаются поразительные факты. Орландос и Луриотис, посланцы революционных греков, должны были употребить значительную часть английских займов на постройку новых кораблей,

закупку оружия, военного снаряжения и боеприпасов. При помощи Лондонского филэллинистического комитета, возглавлявшегося Стэнгопом, греческие депутаты заключили договоры с различными английскими фирмами на поставку оружия и постройку кораблей. Шесть кораблей должны были строиться в Англии на известных верфях Галловея, два заказаны в Америке. Летом 1825 г. греческие депутаты заключили договор с лордом Кохрэном о том, что он поедет в Грецию и в качестве адмирала возьмет на себя командование этими шестью кораблями, к которым в Греции присоединятся другие. На снаряжение и вооружение этой экспедиции было выделено из полученных по английскому займу денег 160 тыс. ф. ст. и лично Кохрэну выдано вперед 37 тыс.¹

Однако постройка кораблей для Греции производилась чрезвычайно медленно. Она не закончилась еще и к осени 1826 г., между тем как, по сообщениям газет, строившая их судостроительная компания продавала на сторону уже готовые новые корабли².

Посланный в Америку для покупки фрегатов генерал Лаллеман не купил их (хотя требовалась срочность), а заказал и настолько перерасходовал все суммы, что один фрегат пришлось продать, а другой после очень длительной задержки, лишь к началу 1827 г., был послан в Грецию. Лорд Кохрэн собирался в поход необычайно медленно. В Навплион он прибыл лишь 16 марта 1827 г. с весьма небольшими средствами и лишь с одним кораблем, что было до смешного недостаточно, чтобы оказать грекам действительно реальную помощь.

¹ «Journal des Debats», 1.VII.1826.

² «Journal des Debats», 6.IX.1826.

В начале сентября в Лондоне происходило заседание акционеров второго греческого займа под председательством Стэнгопа, где были подсчитаны расходы по займу. Оказалось, что из первой части (1200 тыс. ф. ст.) в Грецию пошло лишь 209 тыс., 155 тыс. было заплачено за два фрегата, заказанные в Америке, 160 тыс. пошло на экспедицию Кохрэна, 64 тыс. — на продовольствие для Греции. Куда пошла остальная сумма, выяснить не удалось. Английские банковские дельцы, пытаясь отвести от себя подозрение, обвинили в темных махинациях греческих депутатов. Никаких доказательств виновности последних найдено не было, и вся ответственность за растрату 600 тыс. ф. ст. пала главным образом на англичан. Однако доказать и их виновность не удалось, и дело было замято. Так или иначе, но реальной помощи от английских займов Греция в самый острый момент своей борьбы получила очень немного.

* *
*

Каннингу в проведении его нового курса сильно помог филэллизм.

Движение сочувствия и помощи Греции — родине европейской культуры, захватившее под названием филэллизма всю Европу, распространилось в значительной степени и в Англии. Оно началось, как мы видели, еще на Венском конгрессе, затем по инициативе Каподистрии и при ближайшем его участии был организован первый филэллистический комитет в Женеве, а за ним в Германии и Франции.

Весьма характерно, что в Англии это движение возникло значительно позднее, когда выяснилось, что правительству угодно «покровительствовать» грекам. Оно

дало ему возможность, не выходя за рамки пресловутого английского «нейтралитета», влезть в Грецию, посредством филэллинов проникнуть во все сферы — и в гражданское управление, и в армию, заручиться симпатиями греческих лидеров и оказывать на них свое влияние, а если удастся, то и попытаться заключить с ними известного рода соглашения.

В отличие от русского или французского филэллизма английский не был широким общественным движением, отражавшим социальный протест против существующего строя.

Заботы о сохранении британского господства на Ионических островах и страх перед тем, что Россия в качестве сильного конкурента может выйти на просторы Средиземного моря, заглушали у английской аристократии и буржуазии всякие симпатии к грекам. Почти все без исключения английские газеты долгое время жестко нападали на греческих повстанцев, злобно смеялись над их просчетами, громко радовались их неудачам и пророчили им неминуемую скорую гибель в таком тоне, который не позволяла себе даже австрийская пресса.

Только отдельные свободолюбиво настроенные люди с самого начала греческого восстания горячо приветствовали его, а некоторые даже отправились в Грецию сражаться в рядах повстанцев. Среди них оказался и великий английский поэт, романтик, мыслитель и бунтарь Джордж Гордон Байрон.

Со всей пылкостью своей души Байрон приветствовал греческое восстание. В июле 1823 г. он купил на собственные деньги военное судно — бриг, вооружил его, нанял отряд волонтеров и отплыл в Грецию, чтобы сражаться за свободу. Там, в осажденном турками Мессолонгионе, восторженно принятый греческими патриотами,

ми, он развил кипучую деятельность: участвовал в организации обороны города, заботился об обучении новобранцев, о снабжении армии и населения медикаментами и наряду с этим продолжал писать. Он посвятил грекам «Песнь к сулиогам» и свое последнее стихотворение «В день моего тридцатилетия».

Насколько велика была любовь к нему греческого народа, свидетельствует тот факт, что, когда 19 апреля 1824 г. он умер в осажденном турками Месолонгионе от лихорадки, греческое правительство объявило национальный траур. Было приказано произвести 36 выстрелов из пушек по числу лет покойного, на три дня были закрыты учреждения, магазины, лавки, отменены концерты, балы и другие увеселения. Гроб с телом Байрона, отправленный в Англию, был покрыт воинским плащом, на него возложили лавровый венок, шлем и меч — знак особых воинских почестей.

В рядах греческих повстанцев сражались и другие английские добровольцы, которые, так же как и добровольцы из Франции и других стран, были воодушевлены идеей национального освобождения и революционного протеста против социальной несправедливости. Многие из них из-за преступного легкомыслия Маврокордатоса погибли в битве при Пете. Известны имена нескольких англичан, руководивших греческими морскими и сухопутными соединениями. Среди них были друг Байрона лорд Гордон, будущий историк греческой революции, полковник Гейдек, капитаны Спенсер, Гастингс и другие.

Однако, говоря об английском филэллинизме, необходимо подчеркнуть, что он не отражал стремлений и требований какой-нибудь одной социальной силы, а был по существу движением благотворительности, сочувствия идее освобождения христианской Греции от мусуль-

манского гнета. Это было движение главным образом аристократической и буржуазной интеллигенции, увлеченной образами античной Греции и культом Байрона. Волонтерами же греческой армии и флота в значительном большинстве были профессиональные военные или моряки, отправлявшиеся в Грецию для того, чтобы применить свои силы на военной службе и заработать денег, подобно тому как многие европейские специалисты служили при дворах азиатских правителей в различные периоды истории.

Большинство из них, кроме упомянутых истинных друзей Греции, не вызывало симпатий греческого народа. Держались они заносчиво, вмешивались во все дела греческого правительства, интриговали и пытались поучать всех и вся. Совершенно незнакомые с характерными особенностями местности и вытекавшими из них методами ведения народной войны, они с поразительной беззащитностью становились во главе греческих воинских соединений и, как правило, за редкими исключениями, терпели поражения.

Особенно много таких поражений было на счету двух англичан, оказавшихся к 1827 г. на высших командных постах в Греции, — Рихарда Чорча, назначенного в этом году главнокомандующим греческих вооруженных сил, и уже упоминавшегося лорда Кохрэна, получившего тогда же пост главного адмирала греческого флота. Оба этих деятеля нанялись на греческую службу за огромные деньги, держались с греками приблизительно так же, как их соотечественники с индусами, и мало того, что не выиграли ни одного сражения с турками и египтянами, но в ряде случаев поступали прямо предательски (так, например, обстояло дело с преждевременной капитуляцией Афин 5 июня 1827 г., тогда как этот город мог

держаться в осаде еще несколько месяцев, что могло решить дело в пользу греков).

Если присоединить ко всем намеренным неудачам Чорча и Кохрэна ненамеренные неудачи и поражения честного и храброго, но не умевшего воевать в греческих условиях французского полковника Фавье, то можно смело сказать, что филэллины на греческой военной службе принесли повстанцам мало пользы, а иногда наносили прямой вред. Недаром замечательный полководец Караискакис так резко протестовал против нелепых планов Кохрэна во время обороны Афин¹

У греков были гораздо более сильные и опытные полководцы — Колокотронис, Караискакис, Константинос Бодарис и др. Если бы греческое правительство не капитулировало перед иностранцами и если бы последние не оттеснили этих народных полководцев на задний план в самый тяжелый период войны, то события могли принять совсем иной оборот.

В общем филэллины, теснившиеся главным образом вокруг греческого буржуазного правительства, которое само-то не пользовалось особой популярностью, вызывали лишь подозрения и неприязнь греческого народа и его вождей. Эти подозрения особенно ярко выразил Колокотронис. Посетивший его английский путешественник Ваддингтон писал, что он был полон ненависти к англичанам и непрестанно обвинял английское правительство в замыслах овладеть Мореей². Опасения были не напрасны, так как в Грецию под видом филэллинов проникло большое количество шпионов. Так, еще в 1822 г. Морейский сенат выслал из страны 27 иностранцев, ко-

торые служили лазутчиками турок. Двое из них, изобличенные в шпионаже, были повешены в Месолонгионе¹. Позднее, когда Каннинг решил извлечь пользу из греческого восстания, в Грецию стали приезжать, так же под видом филэллинов, агенты английского правительства, которые снимали планы местности и предлагали греческому правительству или правительственным лицам на островах крупные займы под залог греческих островов Крит, Родос и др.²

Сама деятельность Кохрэна и Чорча во время осады Афин настолько подозрительна, что возникает естественный вопрос, не являлись ли они также агентами английского правительства.

В общем филэллизм помогал Каннингу заручиться доверием греков и в то же время, как движение частного порядка, позволял перед лицом Европы и Турции изображать Англию как страну, соблюдающую строгий нейтралитет в греко-турецкой войне.

Апологет английской внешней политики Гарольд Темперлей, стремясь доказать, что Англия была единственной покровительницей и спасительницей Греции, в своей книге «Внешняя политика Джорджа Каннинга» весьма ловко «обыграл» один документ, направленный греками Каннингу 20 июля 1825 г. В нем греки просили Великобританию взять «свободу, независимость и политическое существование» Греции под свою «неограниченную защиту»³. Этот документ незамедлительно был взят на вооружение британской националистической историо-

¹ «Сын Отечества» № 36, ч. 80, 1822, стр. 139.

² «Сын Отечества» № 8, ч. 92, 1825, стр. 94—95, № 15, ч. 93, 1825, стр. 44.

³ Документ напечатан в кн. *A. Prokesch Osten Geschichte des Abfalls*, В IV, S 175—176.

¹ Об этом подробнее см. гл. VI, стр. 191.

² «Северная пчела» № 90, 1825.

графией и трактовался таким образом, что греческое правительство от имени всего народа просило Великобританию взять Грецию под свой протекторат. Было ли так в действительности?

Прежде всего неизвестно, исходило ли это послание от греческого правительства, так как его текст, найденный в Венском архиве Прокеш-Остеном и использованный Темперлеем, вообще никем не подписан. Чтобы судить о значении этого документа, который западноевропейские историки без каких-либо веских доказательств объявили «актом» греческого правительства, необходимо посмотреть, что же происходило в это время в Греции.

К лету 1823 г. выяснилась слабость буржуазного временного правительства Греции.

Летом 1824 г. Греция вступила в полосу новых тяжелых испытаний. По приказу султана после длительных намеренных проволочек в войну вступил его могущественный вассал египетский паша Мухаммед-Али.

Обладая неумным честолюбием и желанием сделать Египет независимой великой державой, паша ухитрился скопить в своей казне несметные богатства и бросить огромные капиталы на строительство армии и флота.

Военные и морские силы Египта росли с небывалой быстротой. Для обучения личного состава армии и флота был нанят целый штат иностранных, главным образом французских, офицеров во главе с французским полковником Сэвом, который, кстати сказать, принял мусульманство и имя Сулейман-бея специально для того, чтобы быть произведенным в генералы. Мухаммед-Али построил себе прекрасную военно-морскую эскадру. Его заказы на строительство кораблей выполнялись во многих доках Европы и даже Америки: в Марселе, Ливерпуле и Детройте. Могущественный египетский паша вел свою

собственную политику и мало обращал внимания на султана.

В качестве платы за участие Египта в войне против Греции султан обещал назначить приемного сына Мухаммеда-Али Ибрагим-пашу главнокомандующим сухопутными силами Османской империи в Греции и передать в его руки управление Мореей, если он ее завоюет. Соглашение состоялось в июле 1824 г. Из Александрии вышла сильная египетская эскадра в составе 25 судов и 100 транспортов с 8 тыс. войска и 1000 лошадей¹ и направилась к Криту. Революционный остров подвергся зверскому разгрому и наподобие Хиоса был омыт кровью своих жителей.

Та же участь постигла небольшой остров Казос. Главнокомандующий морскими силами капитан-паша Хосрев, не желая отставать от своего ненавистного соперника Ибрагим-паши, летом 1824 г. направился с сильной эскадрой к Псаре, высадил там войска, которые кровавым смерчем прошли по некогда цветущему острову.

Ибрагим-паша, пылкий и честолюбивый наследник египетской державы, стремясь как можно скорее овладеть своей будущей «вотчиной» Грецией, не хотел ждать окончания зимы. Он сформировал многочисленную хорошо обученную и прекрасно вооруженную армию, посадил ее на военные суда и в феврале 1825 г. осадил Наварин.

Греческое правительство было застигнуто врасплох. Корабли спокойно стояли в гаванях. Армия не готовилась к боевым действиям. Правительство Кондуриотиса не предприняло никаких мер, чтобы подготовит крепост-

сти к обороне: Наварин, Метони, Корони, Патрас и Лепанто остались почти без защиты. Колокотронис и 13 лучших полководцев Греции продолжали находиться в заточении.

Оставшиеся на свободе капитаны Каранскакис, Константинос Боцарис, сыновья Петро-бея и другие, по собственной инициативе стянувшие свои отряды к крепости, имели слишком слабые и разрозненные силы. 18 мая Наварин пал. После взятия Наварина египетская армия быстрым маршем отправилась в центр Пелопоннеса. Все сжигая и уничтожая на своем пути, она с ходу вторглась в Каламы, а затем в Триполис и в конце июня подошла к резиденции греческого правительства Навплиону.

Одновременно активизировались турецкие войска в Западной и Восточной Элладе. Во главе их был поставлен один из самых могущественных министров Порты, победитель греков и филэллинов при Пете Решид-Мухаммед-паша. В апреле во главе огромной армии он двинулся из Лариссы в Янину, а затем по направлению к Месолонгиону.

25 апреля 1825 г. турецкие войска осадили Месолонгион. Началась одиннадцатимесячная оборона героического города — одна из самых потрясающих страниц не только греческой, но и всей мировой истории.

Простой народ — жители города, рыбаки лагун, крестьяне окрестных деревень — проявил не только великий массовый героизм, невиданную стойкость и самоотверженность, но и высшую степень организованности и искусство активной обороны. При приближении неприятеля все, кто мог держать в руках кирки и лопаты, принялись укреплять город. В течение короткого времени он был опоясан траншеями, рвами и батареями. Все способные владеть оружием считали себя бойцами и

вместе с немногочисленным гарнизоном делали беспрестанные смелые вылазки в стан осаждающего врага.

В августе 1825 г., когда враг находился уже неподалеку от резиденции греческого правительства, в Навплионскую гавань вошла эскадра из двух английских фрегатов и одного корвета. На борту одного из этих кораблей был поднят флаг английского командора Гамильтона. Этот капитан, официальным назначением которого было командовать английскими сторожевыми кораблями в водах Леванта, привез грекам в счет английского займа 200 тыс. ф. ст. Он высидился в Навплионе и развил там деятельность, далеко выходящую за рамки его официально объявленных обязанностей. Как сообщал своему правительству французский посол в Константинополе Гильемино, Гамильтон объявил, что выступит против всех происков французов, что помощь англичан грекам предназначена не для того, чтобы установить французское господство в Греции, и что он силой будет отражать всякую попытку высадки в Греции французского претендента на греческий престол¹. Вслед за тем командор связался с некоторыми близкими к правительству лицами и усиленно уговаривал их подписать письмо английскому правительству, в котором объявлялось о том, что Греция отдает себя под покровительство Великобритании.

По сведениям историка Г. Гервинуса, текст этого письма был составлен на Ионических островах при ближайшем участии нового генерал-губернатора Фридерика Адамса, сменившего на этом посту печально знаменито-

¹ Документ из архива французского министерства иностранных дел. *E. Driault et M. Lericier. Histoire diplomatique de la Grèce, v. I, p. 294.*

го Томаса Мейтленда По всей видимости, Гамильтону удалось убедить некоторых людей, растерявшихся в обстановке наступления врага, подписать это письмо, которое английские газеты проканнинговского направления объявили «актом греческого правительства» Любопытно, что в печати других держав в общем никто серьезно к этому документу не отнесся Так, французская газета «Журналь де Деба» в номере от 26 сентября писала «Так называемый акт подчинения (Англии), в котором, однако же, не говорится именно о подчинении, есть не что иное, как проект некоторых частных граждан. Другие с тем же правом подали против него протест». Далее автор корреспонденции заявляет, что это письмо было написано под влиянием панических настроений среди правящей верхушки в связи с тяжелым положением на фронтах Как только, пишет он, было одержано несколько внушительных побед под стенами Месолонгиона, всякие разговоры по этому поводу прекратились¹.

Агенты Англии и Франции под маской филэллинов в это время развили бурную деятельность Французы стремились набрать среди греков сторонников и убеждали их отдать корону будущего греческого государства герцогу Орлеанскому или Шартрскому. В этом направлении особенно активно действовал французский филэллин генерал Рош. Без разрешения греческого правительства он устроил даже собрание в Мегаре, основал нечто вроде «французской партии» и перетянул на свою сторону одного из членов Исполнительного совета — Иоанниса Колетиса, рассчитывавшего стать опекуном малолетнего герцога Шартрского

¹ «Journal des Debats», 26 IX 1825

С другой стороны, англичане усиленно агитировали членов правительства и влиятельных буржуазных лидеров отдать свои голоса другому претенденту на греческий престол — родственнику английского короля герцогу Леопольду Саксен-Кобургскому.

Чтобы укрепить свое влияние в Греции, англичане сколотили там свою «партию» и отчаянно враждовали с французами.

Наиболее рьяными сторонниками «английской партии» среди греков были некоторые богатые фанариоты и их сынки, воспитанные в Англии, во главе с Александром Маврокордатосом и Спиридоном Трикуписом — будущим государственным деятелем и первым историком новой Греции, занимавшим в том и в другом качестве резко проанглийскую позицию.

Партии «английская» и «французская» были партии самих филэллинов, к которым примыкали лишь некоторые богатые греки, готовые отдать Грецию в руки иностранных держав, лишь бы самим удержаться у власти. Часть их, связанная с южнорусской торговлей, вероятно, примкнула бы и к «партии» русских филэллинов, если бы таковая там существовала. Но такой «партии» там не было, так как русское правительство запретило выезд в Грецию русских добровольцев и никакой открытой агентурной деятельности там не проводило. Это, однако, не помешало впоследствии историкам греческой революции утверждать, будто сами греки создали у себя партии, различавшиеся между собой по иностранной ориентации, — проанглийскую, профранцузскую и прорусскую.

В действительности никаких таких партий среди греков не было. Феодороса Колокотрониса обвиняли в том, что он ненавидел англичан, придерживался прорус-

ской ориентации и даже возглавлял «русскую партию». А на самом деле он был горячим, самоотверженным патриотом, народным вождем, по собственным его словам, другом друзей его родины и врагом ее врагов. Александра Маврокордатоса историки сделали главой «английской партии» и врагом России, а на самом деле он являлся ярким представителем богатой греческой знати, группировавшим вокруг себя аристократов, купцов и судовладельцев. Он и несколько его сторонников действительно ориентировались на Англию и стремились отдать Грецию под протекторат этой державы, но это была ничтожная кучка, которую ни в какой мере считать партией нельзя.

Собственно партий в Греции того времени не было вообще, а существовало два ярко выраженных течения — народное, возглавляемое Ф. Колокотронисом и другими военными вождями, и помещичье-буржуазное под руководством А. Маврокордатоса, Г. Кондуриотиса и других представителей буржуазии. Стремление опереться на одну из иностранных держав исходило только от этих людей, испытывавших постоянный страх, что народ обратит свое оружие против них самих — отнимет у них землю, суда и верфи, мануфактуры, стада и сокровища. Именно страхом было продиктовано их нежелание вести войну с турками решительно и до полной победы.

Широкие массы греческого народа глубоко ненавидели англичан, и никакие агенты не могли их заставить изменить это годами вкоренившееся чувство. Нельзя забывать, что их кровные братья на Ионических островах в полной мере вкусили «прелести» английского колониального режима.

Еще в 1821 г. внимательный и тонкий наблюдатель Павел Пестель, собравший, как мы видели, обширный

материал о начале греческого восстания и беседовавший со многими греками, составил себе твердое мнение о том, что Англии не придется ожидать от греков никаких симпатий или хотя бы просто доверия. В своем письме П. Д. Киселеву от 25 мая 1821 г. он писал: «Что касается англичан, то греки не только не рассчитывают на них, но ожидают найти в них подлинных врагов, которые поистине рады были бы видеть истребленной без остатка всю греческую нацию, чтобы сорвать в своей морской торговле несколько лишних гиней с народа невежественного и варварского (т. е. с турок. — *О. Ш.*) и чтобы возможно более уменьшить конкуренцию со стороны греков, так как они могут мешать их ненасытной жадности. Разорение других представляется им источником богатства для них самих. Их правительство, обычно столь много прославляемое, ни в чем другом не видит величия, как в уничтожении других. Им все мало золота, и лишь бы захватить его, а там для них не важно, если все погибнет, даже и христианство»¹.

В течение восстания англичане сделали все от них зависящее, чтобы укрепить в греках это мнение. Ведь народ выносил свои суждения о политике Англии не из тех громких фраз, которые произносил в палате общин Каннинг, и даже не из действий дружественных им филэллинов (хотя некоторых из них он искренне любил и чтил), а из того, что он сам непосредственно наблюдал.

А наблюдал он следующее: до 1825 г., в течение почти всего греческого национально-освободительного движения, на Ионических островах, находившихся в непосредственной близости к районам восстания, безраз-

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 473, л. 476.

дельно царствовал уже знакомый нам Томас Мейтленд, проводивший жесточайшую карательную политику в отношении всех сочувствовавших грекам или делавших попытки следовать их примеру. С самого начала восстания жителям островов было объявлено о запрещении служить в греческих войсках под страхом ссылки и лишения имущества. Затем началось массовое насильственное разоружение ионийцев, причем, по свидетельству очевидцев, происходили повсеместные кровавые стычки населения с английской полицией. «Многие крестьяне, не желая отдавать оружие, удалились в горы и там защищают свою независимость»¹, — писал один из них.

В корреспонденции с о Зант (Закинф), напечатанной в «Сыне Отечества» в январе 1822 г., положение на Ионических островах описывается следующим образом: «Спокойствие на Ионийском острове Зант еще не восстановлено. Большая часть отличнейших жителей сего острова посажена под арест, многие крестьяне казнены по приговору военного суда. Приказано обезоруживать всех жителей острова. Обыватели главного города на это согласились, но поселяне никак не отдают оружия, почитая сие оскорблением. Новые английские войска прибыли на сей остров. Английская эскадра, состоящая из линейных кораблей и фрегатов, держит оный в блокаде. Многие жители города выехали»².

Жители Ионических островов, горячо ненавидевшие англичан, с огромным волнением, надеждой и верой следили за борьбой своих братьев в Греции. Многие согнали тысячи их тайно бежали в лагеря повстанцев и сражались вместе с ними. Чтобы прекратить всякие «беспо-

рядки» и выступления жителей островов в защиту греческих повстанцев, Англия объявила на Ионических островах военное положение. Ей удалось удержать в колониальном рабстве жителей своей Ионической колонии, только вооружившись до зубов.

«Нейтралитет» Англии в греко-турецкой войне очень ярко проявлялся еще и в том, что английские купеческие корабли усиленно снабжали турецкие гарнизоны осажденных греками городов продовольствием и другими жизненно необходимыми товарами.

Какие же чувства вся эта политика могла вызвать в греческом народе, кроме глубокой ненависти? Англичан ненавидели, им не доверяли, их протектората не желали. Таким образом, хвастливая шумиха, созданная английской прессой, а затем и английской историографией вокруг никем не подписанного документа с просьбой о покровительстве Великобритании грекам, не имела под собой никакой более или менее солидной почвы.

¹ «Сын Отечества» № 52, ч 74, 1821, стр 282

² «Сын Отечества» № 2 ч 75 1822 стр 91

Получив согласие Вены, Парижа, Берлина на участие в Петербургской конференции и ожидая сильно задержавшегося ответа Каннинга, Александр I написал и разослал всем союзным дворам свой знаменитый Мемуар от 9 января 1824 г., главные принципы которого легли в основу последующих соглашений относительно Греции¹.

Согласно этому Мемуару, Греция должна была быть разделена на три самоуправляющиеся княжества при сохранении сюзеренитета Порты с уплатой ей ежегодной дани, соответствующей размерам и ресурсам каждого княжества. Княжества и греческие острова получали право пользоваться полной свободой торговли и иметь свой флаг, все общественные должности замещались греками.

Мемуар Александра I об «умиротворении» Греции ясно свидетельствовал о желании русской дипломатии создать из Греции фактически самостоятельные княжества, не зависящие от власти султана в своей коммерческой деятельности и внутреннем самоуправлении.

Предполагалось обсудить этот Мемуар на предстоящей конференции в Петербурге. Но Каннинг не дал полномочий своему послу участвовать в ней. В ответ на это русское правительство отправило Каннингу 18 декабря 1824 г. краткую, но весьма многозначительную ноту. Выражая удивление по поводу неучастия Англии в Петербургской конференции, оно заявляло: «Лондонский кабинет должен ясно понять, что Его Императорское Величество рассматривает со своей стороны все дальнейшие переговоры между Россией и Англией в отношении Турции и по вопросу умиротворения Греции окончательно прекращенными»¹.

Это по существу означало полное отстранение Англии от участия в разрешении греческого вопроса. Неудачными были переговоры и с европейскими союзниками России. После ряда многомесячных и совершенно бесплодных переговоров в Петербурге русская сторона убедилась, что послы Австрии, Франции и Пруссии получили инструкции лишь затягивать конференцию, чтобы дать время султану окончательно подавить греческое восстание. В результате Александр I в последние месяцы своей жизни разорвал русско-австрийский союз и отказался от «общевропейской» политики, которой сам руководил в течение десяти лет. В начале августа 1825 г. он разослал послам в Вене, Париже и Берлине инструкции прекратить обсуждения с правительствами этих стран восточных дел. Он объявил, что отныне не станет больше обращаться к совету Европы и будет действовать только в соответствии с интересами России². Новый русский поверенный в делах в Константи-

¹ АВПР, Канцелярия, 1824, д. 6939, л. 24—47, *A. Prokesch-Osten* Geschichte des Abfalls, B. IV, S. 62—73.

¹ АВПР, Канцелярия, 1825, д. 6942, л. 382.

² Там же, л. 137—139.

нополе Минчиаки получил инструкции вести переговоры с Портой самостоятельно, безотносительно к действиям послов других держав.

Вслед за тем в Европу стали все время доходить слухи о начавшейся в России деятельной подготовке к войне: о совещаниях с вызванным в столицу командующим Южной армией Витгенштейном и возвращенным из опалы адмиралом Сенявиным, о ремонте военных судов в Архангельске и Кронштадте, о намерениях царя покинуть Царское Село и отправиться в далекое путешествие, чтобы произвести смотр войскам, расположенным на юге страны.

Но, разорвав узы Священного Союза, Россия не могла действовать самостоятельно: этому противостоял «единый фронт» ее бывших союзников. Фронт этот можно было ослабить, только привлекая на свою сторону державы, интересы которых могли в каком-то пункте совпадать с ее собственными. Первой такой державой была Англия. Ее деятельное участие в переговорах с Турцией и необычайная активность англичан в Греции явно показывали, что в случае войны без самого энергичного вмешательства этой державы дело не обойдется. С другой стороны, было совершенно ясно, что если бы удалось заключить с ней союз на приемлемых для России условиях, то этот союз оказался бы непобедимым для других заинтересованных держав, могущественным перед лицом Турции и явился бы единственной возможной политической комбинацией, способной разрешить греческую проблему.

Со своей стороны и Каннинг понимал это. Уж если политика переговоров, затягивания и примирения не удалась, то единственным выходом ему стало представляться вовлечение России в сепаратное соглашение,

дающее возможность Англии контролировать действия русского правительства. Лорд Странфорд, отправлявшийся в Петербург занять пост английского посла, был уполномочен сказать русскому императору, что его правительство готово «встретить доверие доверием и вновь обсудить с самым искренним желанием прийти к общему и дружескому взаимопониманию положение дел, которое является само по себе наиболее бедственным для человечества и угрожает установленному спокойствию Европы»¹.

Самыми ревностными сторонниками русско-английского сближения были в это время супруги Ливен. С лета 1825 г в донесениях Ливена русскому двору все чаще и чаще появляются замечания о том, что Каннинг дает ясно понять свое «искреннее» и «дружеское» расположение к России и что последней не следует проходить мимо этих соблазнительных авансов².

Д. Х. Ливен, родная сестра печально знаменитого Бенкендорфа, умная и образованная, весьма умело руководившая дипломатической деятельностью своего мужа, в конце июня 1825 г выехала из Лондона в Петербург. Остановившись в Павловском дворце, она вела переговоры с Нессельроде, который передал ей, что царь поручает Ливену проводить политику сближения с Англией³.

Через несколько дней после отъезда княгини Ливен император Александр I отправился в свое фатальное путешествие в Таганрог.

¹ A. G. Stapleton Political Life of George Canning, V II, p. 447.

² АВПР, Канцелярия, 1825, д. 6942; 1826, д. 6958.

³ «The Unpublished Diary and Political Sketches of Princess Lieven» London, 1825, p. 95—97 (далее — «The Unpublished Diary. »).

После смерти Александра I разрешение Восточного вопроса сразу подвинулось вперед благодаря решительной политике Николая I. Этот реакционнейший монарх, ознаменовавший свое воцарение казнями и ссылками лучших людей России и установлением жестокого полицейского режима внутри страны, не мог, конечно, лично сочувствовать в какой бы то ни было степени революционной борьбе греков и не раз заявлял, что считает их мятежниками. Он ясно заявил дипломатическим представителям о своей готовности в случае надобности оказать помощь европейским монархам в подавлении революционных движений², что и доказал в 1848 г. Однако, выполняя требования военно-феодално-купеческой верхушки, заинтересованной в расширении торговли и завоевании опорных пунктов на Балканах и в Средиземном море, Николай I вынужден был вопреки своим реакционным взглядам выступить в защиту повстанцев и способствовать освобождению Греции. В его решительном стремлении развязать войну против Турции значительную роль играло также желание разрядить революционную атмосферу внутри страны, отвлечь русский народ от внутренних проблем взрывом патриотизма, сознанием, что Россия воюет за национальное освобождение единоверного греческого народа.

Немедленно по вступлении на престол Николай I в беседах с эрцгерцогом Фердинандом и принцем Вильгельмом Прусским — представителями Австрии и Пруссии на церемонии его коронации, а также с послами Англии и Франции дал ясно понять, что будет следовать политике своего в бозе почившего августейшего брата

и намерен покончить с греческим вопросом в возможно короткий срок. «Я не желаю ничего лучшего, как действовать вместе с моими союзниками в этом вопросе, имеющем такую глубокую важность и для них, и для России, но я не могу входить в старую систему аргументации; все уже сказано с обеих сторон, вопрос исчерпан. Если они не могут или не хотят действовать в согласии со мной и если они меня к тому принудят, то моя позиция, достаточно отличная от позиций покойного императора, предпишет мне с этим покончить»¹.

Царь откликнулся на заигрывания Каннинга быстрее, чем ожидали в Лондоне.

Буквально на второй день после своего восшествия на престол он дал согласие на переговоры с представителем Англии. Там не заставили себя долго ждать.

В начале января 1826 г. в Петербург был направлен крайне правый тори, герой битвы под Ватерлоо отставной маршал герцог Веллингтон. Официально он должен был присутствовать на коронации нового русского императора и приветствовать его от имени английского короля, неофициально — достичь соглашения по Восточному вопросу. Каннинг надеялся, что широко известные протуркистские настроения герцога и его легитимистская ненависть к революционным грекам заставят его добиваться сужения рамок греческих свобод, о которых будут вестись переговоры с русским правительством, и предоставления Порте более широкого сюзеренитета над Грецией. Несмотря на это, в Петербурге были удовлетворены тем, что Англия направила на коронацию британского «военного корифея», пользовавшегося

¹ Делеша Зичи Меттерниху от 24 апреля 1828 г. — *A. Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls..*, В. V, S. 207.

¹ Донесение Леббельтерна Меттерниху от 11 февраля 1826 г. — *A. Prokesch-Osten, Geschichte des Abfalls..*, В. IV, S. 216.

доверием короля Императору Николаю герцог Веллингтон вполне импонировал как своей военной славой, так и своими всем известными монархическими принципами.

В русской столице постарались устроить герцогу блестящий прием. Толпы народа собирались у дома, где он остановился, чтобы посмотреть на знаменитого «фельд-маршала». На первой же аудиенции во дворце, куда герцог явился с орденом Подвязки и большим крестом Святого Георгия, император был так любезен с ним, что надолго завоевал его симпатии. «Обработка» герцога началась. Она стала еще более интенсивной, когда в Петербург в начале марта явился по требованию Нессельроде князь Ливен.

Перед отъездом из Англии Ливен имел с Каннингом ряд свиданий в Сиффорде и в Лондоне. В Петербурге хорошо было известно, что там вырабатывались основы будущего Греческого протокола. Еще задолго до этого Ливен получил инструкции, суть которых заключалась в следующем: чем больше английское правительство будет считать нас готовыми решить вопрос самостоятельно, тем внимательнее оно будет прислушиваться к нашим пожеланиям. Мы должны настаивать на применении к Порте в случае крайней необходимости «принудительных мер» (что значило в устах России военные действия), и, если Англия не согласится с этим, надо дать ей понять, что мы пойдем на них без ее согласия¹. Со своей стороны Каннинг стремился подчинить действия России контролю Англии, связать ее обязательством не добиваться никаких территориальных приобретений и никакого исключительного влияния в пределах Ос-

манской империи и в будущем греческом государстве. В инструкциях, данных Веллингтону, такая позиция Англии выступает очень отчетливо.

Но прежде чем начать переговоры с английским представителем, русская дипломатия решила лишить Англию возможности вмешиваться в русско-турецкие разногласия, не имеющие отношения к Греции. Поэтому вопрос был разделен на две части: 1) русско-турецкие разногласия, касающиеся проливов и судьбы балканских народов, и 2) греческий вопрос. Веллингтону объявили, что первое касается только России и она будет разрешать его сама, без какого-либо участия держав, и в частности Англии.

17 марта 1826 г. русский поверенный в делах в Константинополе Минчиаки вручил Дивану ультиматум, в котором излагались все претензии России к Турции. Русское правительство требовало, чтобы Турция очистила Княжества от стоявших там войск, восстановила все права судоходства в проливах, освободила заключенных сербских депутатов и вернула все привилегии, данные сербской нации. Турецкое правительство, согласно ультиматуму, должно было послать на границу с Россией представителей для переговоров, во время которых предполагалось урегулировать все вопросы, касавшиеся интересов Русской империи, главным образом жизненные вопросы южнорусской торговли и навигации. Переговоры эти должны были также сыграть большую роль в судьбе народов Сербии, Молдавии и Валахии, так как Россия требовала их полной автономии.

В день отправления Порте ультиматума Нессельроде отослал русским послам при иностранных дворах депешу, в которой прямо заявлял, что в случае непринятия ультиматума русский поверенный в делах Турции Мин-

¹ См. Ф. Мартенс. Собрание трактатов., т. XI, стр. 335.

чиаки немедленно покинет Константинополь. «С этого времени,—пишет Нессельроде,—принудительные меры будут непременно и немедленно приняты его императорским величеством»¹.

Направив Турции ультиматум и заявив тем самым, что не допустит вмешательства Англии в свои «личные дела» с восточным соседом, царь выслушал предложения Веллингтона. Подобно тому как Каннинг хотел подчинить действия России английскому контролю, русская дипломатия во время переговоров стремилась связать Англию обязательством о «бескорыстии» и не допустить распространения ее исключительного влияния в Греции.

С помощью Ливенов переговоры с герцогом прошли чрезвычайно успешно. Очарованный Николаем, его решительностью в деле подавления декабристского восстания, его резкими высказываниями против греческих «мятежников», Веллингтон счел, что русский император придерживается его собственных взглядов на весь греческий вопрос. Ливены, зная сокровенные мысли и чувства герцога, изобразили все в приемлемом для него свете: речь идет, убеждали они его, не о покровительстве революции, а лишь о том, чтобы остановить ее, контролировать ее и установить в Греции монархический порядок². Подобная «обработка» завела герцога дальше, чем этого желал Каннинг.

4 апреля 1826 г. в Петербурге был подписан англо-русский протокол. Он гласил, что обе договорившиеся державы, «стремясь положить конец борьбе, происходящей ныне в Греции и Архипелаге, установлением

порядка, отвечающего требованиям религии, справедливости и человеколюбия», решили совместно добиваться от Порты установления в Греции следующего режима:

«§ 1 Греки будут находиться в зависимости от этой Империи и платить ей ежегодную дань, размер которой будет с общего согласия определен единожды навсегда; они будут управляться властями, ими самими избранными и назначенными, но в назначении которых Порта будет иметь известное участие;

занимая такое положение, они будут пользоваться полной свободой совести и сношений и будут исключительно сами заведовать внутренним своим управлением; для полного отделения друг от друга людей двух наций и предупреждения столкновений между ними, как неизбежного следствия столь продолжительной между ними борьбы, Грекам предоставляется приобрести в собственность турецкие имения, находящиеся на материке и на островах Греческих».

В § 2 Россия признавала за Великобританией право посредничества между Турцией и Грецией на этой основе. Впрочем, в Петербурге пошли на это лишь потому, что были уверены в отказе султана принять это посредничество.

§ 3, 4 и 5 имели для греков, равно как и для договорившихся сторон, весьма большое значение. Они заключались в следующем:

«§ 3. В случае, если предложенное Его Британским Величеством Оттоманской Порте посредничество не будет принято этой державой, то, каковы бы ни были отношения Его Императорского Величества с Турецким правительством, Россия и Великобритания тем не менее будут считать упомянутые в § 1 настоящего Протокола условия за основные для примирения, имеющего совер-

¹ Текст ультиматума см.: A. Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls..., B. IV, S. 246—254.

² «The Unpublished Diary...», p. 112.

шиться при их участии, общем или единичном, между Портой и Греками, и воспользуются всеми благоприятными обстоятельствами для воздействия своего влияния на обе стороны с целью привести их к примирению на упомянутых основаниях.

§ 4. Россия и Великобритания предоставляют себе принять впоследствии необходимые меры для определения подробностей настоящего соглашения, равно как границ территории и названий Архипелажских островов, к которым оно будет применено и которые будут предложено Порте соединить под наименованием Греции.

§ 5. В этом соглашении ни Его Императорское Величество, ни Его Британское Величество не будут искать никакого увеличения своих владений, никакого исключительного влияния и никаких торговых выгод для своих подданных, которые не могли бы принадлежать подданным каждого другого государства.

В § 6 и последнем дворя Венский, Парижский и Берлинский приглашались принять участие в окончательных соглашениях, «коих первое начертание заключается в настоящем Протоколе, и гарантировать эти соглашения».

Протокол был подписан Нессельроде, Ливелем и Веллингтоном¹.

Русская сторона была вполне довольна этим документом: он ничем не «связывал» свободы действий России (чего бы так хотел Каннинг!) и предусматривал для Греции устройство, мало отличавшееся от устройства, предложенного в Мемуаре Александра I от 9 января 1824 г. Для России, конечно, было не менее вы-

годно установление полной независимости Греции, где она всегда имела огромное моральное влияние. Но в тот период времени ни одна из держав, в том числе и Англия, ни за что не согласилась бы предоставить Греции полную независимость. Наоборот, английская дипломатия стремилась дать Греции как можно меньше свободы. Она не могла надеяться на симпатии греческого народа и рассчитывала распространить влияние Великобритании в этой стране через посредство зависимого от англичан султана.

Статья 3 Протокола была прямой победой русской дипломатии. Слова о том, что примирение между Портой и греками может совершиться при «общем или единичном» участии сторон, по существу развязывали руки России для единоличного воздействия на Турцию в случае «благоприятных обстоятельств».

В откровенном разговоре с австрийским послом в Константинополе Оттенфельсом Рибоьер, вновь назначенный посол России в Турции, сказал: «Исследуйте хорошо третью статью: *«умиротворение осуществить при их посредничестве или общем или единичном и т. д.»*; слово *единичном* русское. Оно не английское, потому что только мы имеем намерение идти на это одни, тогда как Англия этого не хочет»¹.

Статья 5 Протокола, как увидим ниже, тоже не противоречила стремлениям России и, как показали дальнейшие события, не помешала ей действовать в полном соответствии с высказанными намерениями.

Итак, Каннингу не удалось «связать» Россию в такой мере, как он того желал. Этим соглашением он достиг, конечно, известного контроля Англии над дейст-

¹ Протокол полностью опубликован в кн. *Ф. Мартенс. Собрание трактатов.*, т. XI, стр. 341—343.

¹ *A. Prokesch-Osten Geschichte des Abfalls*, B. I, S 35.

виями России, но в гораздо большей степени сама Англия оказалась связанной с русской политикой.

«Когда Каннинг получил этот документ,— пишет княгиня Ливен,— он не был достаточно уверен, следует ли поздравить себя с успехом или же признать себя попавшим в ловушку, потому что документ содержал в себе многое, что было за пределами его инструкций и желаний. Англия оказалась окончательно связанной. Он показывал мне довольно просто свои колебания и даже сожаления»¹. Каннинг считал, что Веллингтон в Петербурге был просто введен в заблуждение. «Если бы герцог был более тонок,— сказал он княгине Ливен,— он сыграл бы свою партию лучше хотя бы настолько, чтобы не быть одураченным»².

Даже Меттерних, узнав о Протоколе, писал, что «господин Веллингтон... благоразумно покинул свою позицию и добровольно поставил себя на почву, выбранную императором»³.

А между тем русский ультиматум Турции возымел свое действие. В сентябре 1826 г. султан направил своих представителей в местечко Аккерман на русско-турецкой границе для переговоров с представителями России. Переговоры длились на редкость не долго. 25 сентября была подписана конвенция, которая удовлетворяла все требования, предъявленные Россией Турции⁴.

В ней в сущности не было ничего нового по сравнению с русско-турецкими договорами от Кючук-Кайнарджийского до Бухарестского. Она лишь уточняла и

вновь подтверждала те пункты договоров, которые в последние годы нарушались турецким правительством. В первую очередь это касалось устранения всех и всяческих препятствий для русской навигации в Черном море и проливах, свободного прохода торговых судов под русским флагом через проливы и «полной свободы торговли во всех областях Высокой Порты как на суше, так и на море». С другой стороны, конвенция еще раз подтвердила все привилегии княжеств Молдавии, Валахии и самоуправление Сербии.

Аккерманская конвенция давала России все, что она рассчитывала в то время получить в европейской части Турции. Оценивая значение этого договора, Ливен писал Каннингу 19 ноября 1826 г.: «Благодаря счастливому исходу переговоров в Аккермане Россия достигла удовлетворения по всем частным требованиям, предъявленным Порте...» Далее Ливен подчеркивает, что Россия не имеет ни малейшего желания воевать и вынуждена будет взяться за оружие лишь в том случае, если Порта откажется от выполнения аккерманских обязательств и не пожелает принять условий Греческого протокола¹.

Эта же мысль ярко выражена в инструкциях Рибопьеру от 23 января 1826 г. «Нам известно,— пишет Нессельроде,— что имеется довольно распространенное мнение, что Россия желает уничтожить Оттоманскую империю. Вы, как русский посол в Константинополе, должны знать все наши мысли по этому поводу. Никакая держава не может удивляться тому, что Россия в своих отношениях с Диваном целиком стоит за свои интересы от начала до конца. Никакая держава не

¹ «The Unpublished Diary . », p. 133.

² Там же, стр. 134.

³ А. Prokesch-Osten, Geschichte des Abfalls... В IV, S. 241

⁴ Там же, стр. 290—299.

¹ АВПР, Канцелярия, 1826, д. 6958, л. 61—63.

может¹ просить нас жертвовать ими... Единственной целью Петербургского кабинета должно быть отныне при настоящем положении дел добиться необходимого ей влияния, спасти от неизбежного истребления народ, гибель которого оскорбляет Россию в ее религиозных чувствах и наносит вред ее торговому процветанию — иными словами, видеть, что Аккерманская конвенция точно исполняется турками и что Греции обеспечено благополучное и спокойное существование во исполнении Протокола 23 марта (4 апреля)»¹.

В своих беседах с дипломатическими представителями иностранных держав Николай I несколько раз и очень упорно подчеркивал, что статья 5 Протокола вполне соответствует желаниям России. Так, в беседе с Лебцельтерном в начале июня 1826 г. он заявил, что считает своей особой заслугой заключение с Англией договора, в котором она впервые в истории дает обязательство не добиваться для себя исключительных привилегий. Он вполне официально заявлял также, что статья 5 Протокола составлена и включена в него исключительно по инициативе русской стороны и что Веллингтону было довольно трудно с ней согласиться.

Как писал своему правительству новый посол Австрии в России Зичи 12 апреля 1828 г., Николай I сказал ему по этому поводу следующее: «Я должен вам заметить, что статья 5 Протокола была составлена и внесена по моей настоятельной просьбе — статья, гласящая, что никакая из двух договаривающихся держав не будет искать увеличения территории, никакого исключительного влияния, ни каких-либо торговых выгод для

своих подданных, кроме тех, которые другие нации могли бы достичь в равной степени. После нескольких дней размышления со стороны герцога Веллингтона он принял это мое предложение и эта статья была внесена в Протокол. Я думаю,—прибавил Его Величество,—что от Англии впервые добились бескорыстного обязательства участвовать в деле, сулившем ей лишь издержки и опасности и не дававшим приобретений или преимуществ в торговых интересах. Так как я очень далек от мысли о каком-либо увеличении территории, этот пункт меня удовлетворял, и я смело сделал это предложение, чтобы быть уверенным со своей стороны в том, что Англия не извлечет ни торговых преимуществ, ни влияния, которых она часто добивается»¹.

И действительно, для России, значительно более слабой в экономическом смысле, чем Англия, это обязательство последней, противоречившее всем стремлениям британской буржуазии на Ближнем Востоке, явилось большим дипломатическим успехом. Сама же Россия в то время в действительности не имела тех планов полного разрушения и раздела Османской империи, которые приписывались ей европейской дипломатией и позднее на разные лады повторялись в исторической литературе. Это было доказано Адрианопольским миром, утвердившим за Россией после победоносной войны по существу лишь то, чего она добивалась Аккерманским соглашением и Греческим протоколом.

Считая Протокол своей дипломатической победой, царь поспешил сообщить его содержание послам иностранных держав. Этим он отнял у Каннинга всякую возможность отречься от каких-либо пунктов, если он

¹ A. Prokesch Osten Geschichte des Abfalls., B. V, S 19—20.

¹ A. Prokesch-Osten Geschichte des Abfalls, B. V, S 206

найдет, что Веллингтон превысил свои полномочия. Каннинг был возмущен. Веллингтон ведь договорился, пишет он в своем послании Ливену от 5 мая 1826 г., что содержание этого документа будет сообщено лишь по его прибытии в Лондон и прямо союзным дворам, а не их послам. «Столь неожиданное нарушение этих двух условий поставило нас в крайне неприятное положение, потому что мы намерены были держать в секрете то, что Россия была расположена сообщить»¹.

Англия оказалась связанной, пути отступления отрезаны. Она заключила это соглашение с Россией единственно только для того, чтобы иметь возможность контролировать ее действия на Востоке и удерживать от войны с Турцией, а судьба Греции ее мало волновала. Поэтому после подписания Греческого протокола все заботы Каннинга были направлены на то, чтобы затормозить проведение в жизнь его условий. Он отчаянно сопротивлялся включению в будущий договор статьи о применении по отношению к Турции «принудительных мер», стремился максимально сузить территориальные рамки будущего греческого государства, расширить сюзеренные права Порты над греками и соответственно уменьшить права и свободы последних. Снова и снова применялись всевозможные ухищрения для затягивания переговоров в надежде на то, что непрерывные поражения греков в период 1826—1827 гг. решат дело в пользу султана и без вмешательства союзников.

Соглашение России с Англией в самом главном политическом вопросе того времени означало крах политики Меттерниха. Его роль в Восточном вопросе была сведена к нулю.

Как справедливо писал берлинский корреспондент «Журналь де Деба», «англо-русское соглашение привело к полной изоляции Австрии, а также к отстранению Франции от разрешения очень важного для нее вопроса — вопроса преобладания в Леванте. Итак, господич Виллель и господин Меттерних извлекают из их извилистой политики и жестокого равнодушия к Греции лишь бесславный результат — быть сброшенными со счетов в настоящих переговорах»¹.

В соответствии со статьей 6 Протокола Ливен послал в ноябре 1826 г. циркуляр союзным дворам с приглашением присоединиться к Протоколу и к общим демаршам в Константинополе². Пруссия отказалась. Как указывалось в ответной ноте прусского министра иностранных дел Бернсдорфа, она не имела тогда «никакого непосредственного контакта с Оттоманской империей; волнения в Леванте не затрагивали ни ее интересов, ни ее прав», но она обещала поддерживать демарши России и Англии в Константинополе, касающиеся умиротворения Греции³.

22 декабря был получен также категорический отказ Австрии: позиция Австрийской империи оставалась от начала до конца реакционной, «легитимистской», во всем дружественной Турции и резко враждебной грекам.

Иной позиции придерживалась Франция. Эта молодая капиталистическая держава была крайне заинтересована во всем, что творилось в Средиземном море и странах, им омываемых. Она имела в этом районе не

¹ «Journal des Debats», 15.IV 1826.

² АВПР, Канцелярия, 1826, д. 6958, л. 76

³ A Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls., В. IV, р. 321—323.

менее острые торговые и политические интересы, чем интересы Англии, которые по своему содержанию мало отличались от последних. Но положение французской буржуазии, требовавшей места под средиземноморским солнцем, было значительно труднее положения ее английских братьев по классу. Во время французской буржуазной революции конца XVIII в., наполеоновских войн и реставрации Бурбонов Франция потеряла все свое влияние в Османской империи и Средиземном море, приобретенное ею еще в середине XVI в. установлением режима капитуляции и постоянно укреплявшееся благодаря займам султанскому правительству и экономическому проникновению. Ультрамонархические правительства бурбонского дома, занятые уничтожением остатков революции внутри своей страны, возвращением и вознаграждением эмигрантов и насаждением самой жестокой реакции, не имели ни сил, ни политического веса для восстановления утраченных позиций Франции на Востоке.

Чтобы как-то поправить свои восточные дела, французское правительство вело довольно сложную и противоречивую игру. С одной стороны, оно старалось завоевать симпатии египетского паши, рассчитывая на то, что он скоро станет независимым от власти турецкого султана, а влияние Франции в этой стране даст ей возможность восстановить свои торговые и политические привилегии в Средиземном море. В 20-х годах XIX в. французы активизировали свою деятельность в Египте. Французские сухопутные и морские офицеры массами отправлялись ко двору паши формировать и обучать по европейскому образцу египетскую армию и флот. Франция поставляла оружие, боеприпасы и амуницию для этой армии. В Марселе и других южных портах Фран-

ции строились и снаряжались корабли новых образцов для флота Мухаммеда-Али. Молодые египтяне учились во французских морских и артиллерийских военных училищах новейшей технике военного дела.

С другой стороны, правительство Франции через своего посла в Константинополе старалось внушить турецкому султану, что оно является единственным истинным другом Порты, якобы не заинтересованным в освобождении Греции. По данным французского архива министерства иностранных дел, французский посол в Константинополе Гильемино с 1824 г. вплоть до самой Наваринской битвы пытался занять нейтральную позицию, выполнять роль посредника, примирителя Турции и России, вытеснив из этой роли нового английского посла в Турции Стратфорда Каннинга, который после заключения Греческого протокола перестал пользоваться каким-либо доверием султанского правительства.

Сложность этой позиции Франции, объявлявшей себя дружественной державой по отношению к Порте и в то же время помогавшей египетскому паше добиться независимости от власти султана, усугублялась политикой ее правительства в отношении Греции. Реакционное правительство Франции до 1827 г. (а по существу и после) не смогло точно определить, какой курс оно должно проводить в отношении греческого восстания. Французская буржуазия, уже окрепшая экономически после поражения революции, толкала его на путь поддержки греческих повстанцев, требовала завоевания азиатских рынков и политических позиций в Средиземном море.

Филэллинистическое движение, сильнее всего захватившее Францию, имело здесь гораздо более глубокие социальные корни, чем в Англии. Французские

Филэллинистические комитеты во главе с Парижским развили необычайную активность. Они собирали большие суммы денег в пользу восставших греков среди самых различных слоев населения, начиная от высоких аристократов королевской крови до ремесленников и мастеровых, отчислявших в пользу греков свой недельный заработок. Молодые французы уезжали в Грецию служить в сухопутной армии французского генерала Фавье, руководили фортификационными работами, принимали весьма деятельное участие в боевых операциях греческого флота. Филэллинистические комитеты имели отделения в различных пунктах Греции, и через них шло в Грецию военное снаряжение и продовольствие. Французские газеты, особенно газеты оппозиции, были наполнены отчетами этих комитетов, письмами из Греции, информацией о ходе военных действий между турками и греками, а также различными сообщениями о суммах подписки, о концертах и спектаклях, даваемых в пользу греков, и пр.

Французский филэллизм сильно вырос, получил большое материальное подкрепление особенно после того, как он стал орудием политической борьбы. С одной стороны, в фонд Парижского комитета стали поступать крупные суммы от многих знатных и известных фамилий Франции — сторонников оппозиции, с другой — от членов королевской фамилии и знати, близкой к герцогу Орлеанскому, сына которого герцога Немура они мечтали посадить на трон будущей независимой Греции.

Однако эти «высокие пожертвования» не определяли общего характера французского филэллизма. Он был гораздо более массовым движением, чем английский. Можно смело сказать, что во Франции 1825—1827 гг.

филэллизм был одним из проявлений начавшегося общественного возбуждения перед революцией 1830 г. Активная помощь революционной Греции, красочные описания в газетах героической борьбы греков за свободу, кампании и сборы, проводимые по всей стране, — это увлечение идеей национального освобождения было одной из форм протеста против разгула монархической реакции внутри страны. Поэтому ко времени подписания Греческого протокола французское правительство не могло уже больше открыто проводить свою старую политику дружбы с Турцией и помощи египетскому папе. Неучастие правительства в деле освобождения Греции или помощь ее врагам воспринимались французским народом как продажа кровных интересов их страны и как унижение ее дипломатического престижа. Либеральная оппозиция, возглавляемая Полиньяком, стремилась использовать это общественное настроение в своих интересах. Стоявшая за ее спиной французская буржуазия требовала от правительства немедленных активных действий в отношении Греции. Этим настроением воспользовался Каннинг. Учитывая крайнюю реакционность правительства Франции и его дружескую позицию в отношении Османской империи и египетского паши, он правильно рассчитывал, что политика затягивания и отвлечения России от решительных действий найдет весьма ревностную поддержку у французской дипломатии.

В сентябре 1826 г. он отправился в Париж и добился согласия французского правительства на присоединение к Греческому протоколу. Внутриполитическое положение страны было в это время настолько напряженным, что правительство Виллеля вынуждено было побороть лигитимистские чувства своего короля и свои собствен-

ные монархические убеждения и объявить о том, что Франция выступает в защиту греков. Этим актом оно хотело разрядить раскаленную атмосферу внутри Франции и, удовлетворив требование передового общественного мнения страны, сохранить за собой власть на возможно более длительное время.

8 декабря 1826 г. министр иностранных дел Франции Дамà представил английскому послу в Париже Гренвиллю ноту, в которой выражал удовлетворение Протоколом, заявлял о присоединении к нему Франции и предлагал превратить его в договор пяти держав¹.

Однако слабость и неустойчивость французского правительства, напряженное внутреннее положение страны и боязнь усиления русского влияния в Греции приводили к той нерешительности, которая чувствовалась во всех действиях Дамà и Полиньяка (тогда французского посла в Лондоне) во время переговоров о Тройственном соглашении 1827 г. Как и предполагал Каннинг, французская дипломатия считала, что политика затягивания переговоров наиболее удачно выражает интересы представляемой ею державы.

¹ А. Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls., B. IV, S. 318.

6 ЛОНДОНСКИЙ ДОГОВОР 1827 ГОДА

Россия подписала с Англией Греческий протокол не для того, чтобы отложить его в долгий ящик. Ее интересы настоятельно требовали быстрее осуществления апрельских решений. Аккерманская конвенция, и особенно ее пункты о свободе морской торговли, не могла быть полностью выполнена в условиях продолжавшейся войны в водах Леванта. Как показали дальнейшие события, Турция, поглощенная войной с греками, не намерена была осуществлять аккерманские обязательства и продолжала чинить всяческие пренятствия русской торговой деятельности. К началу 1828 г. убытки, нанесенные торговле Одессы таким положением вещей, достигли около 3 млн. руб.¹

14 ноября 1826 г. граф П. Д. Киселев, тогда начальник штаба 2-й Южной армии, писал А. А. Закревскому, что на юге «дела совсем плохи». «Торговли вовсе нет. Мука здесь подражается по 3 руб. 15-ть за четверть. Пшеница 5 руб., и в деньгах недостаток величайший. В Одессе сложено пшеницы более миллиона четвертей, а кораблей пришло 80, т. е. для нагрузки 160 тысяч, остальной хлеб без цены и без покупателей»².

¹ А. Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls., B. V, S. 210.

² «Сборник Русского исторического общества», т. 78, 1891, стр. 145.

Без окончания войны Турции с греками и урегулирования всех спорных вопросов такое положение вещей не могло быть устранено. Русской дипломатии не удалось включить в Протокол пункт о применении к Турции «принудительных мер». Но и во время переговоров, и после них она все время настаивала на точном определении действенных средств, которые должны были заставить султана дать Греции автономию в соответствии с условиями Протокола. По мере того как греки терпели все новые и новые поражения, Россия все настойчивее требовала решительных и быстрых действий.

В начале 1827 г. в Лондоне начались переговоры России, Англии и Франции о заключении Тройственного соглашения на основе Греческого протокола. Искусно используя статью 3 Греческого протокола, предоставлявшую ей возможность в «крайнем случае» действовать единолично, Россия оказывала постоянное давление на Англию и Францию. Англо-французская политика намеренного затягивания переговоров приводила к тому, что активность, инициатива и по существу руководство в союзе принадлежали России.

Русское правительство не считало целесообразным превращение Протокола в договор без определения мер, которые могли бы принудить султана принять его условия. В ответ на запрос Ливена, что думает английское правительство относительно мер, которые необходимо предпринять, чтобы заставить Турцию выполнить условия Протокола, Каннинг 4 сентября 1826 г. направил ему ноту¹. В ней он предлагал лишь пригрозить султану, что, если он будет упрямыться, союзники отзовут из Константинополя своих послов. При дальнейших пере-

говорах английская и французская стороны намеренно так затягивали дело, что становилось ясным их желание превратить Протокол в мертвую букву.

А тем временем Ливен получил приказание действовать самым решительным образом. Россия предложила включить в договор статью о соединении трех военноморских эскадр в Эгейском море и применении силы в случае, если турецко-египетский флот будет высаживать десанты на берегах Греции. Как только Каннинг вернулся из Парижа, Ливен потребовал аудиенции. Сопровожая русского посла с английским министром иностранных дел длились 15 дней¹. Ливену было поручено выяснить, насколько Россия может рассчитывать на сотрудничество английского правительства, «в какой степени и в каких границах». Ливен заявил Каннингу, что представляемое им правительство придает очень большое значение дальнейшим шагам Англии и ждет немедленно категорического ответа. «Если мы не получим моральной уверенности,— продолжал он,— что при любом положении дела английский кабинет последует вместе с нами до конечной реализации плана умиротворения Греции, и до тех пор, пока не будет дано русскому двору формального уверения в этом, я не имею полномочий продолжать переговоры»².

Англия оказалась перед угрозой немедленных односторонних действий России. Это произвело магическое действие. После 15-дневной дискуссии Каннинг наконец сдался и признал право русского кабинета настаивать на своей точке зрения. Он попросил Ливена пред-

¹ Отчет о них дан в секретной депеше Ливена от 15 (27) ноября 1826 г., АВГР, Канцелярия, 1826, д. 6958, л. 55—59

² Там же

¹ АВГР, Канцелярия, 1826, д. 6958, л. 177—194.

ставить ему официальную ноту, каковая немедленно была ему направлена (17 ноября 1826 г.)¹. Она содержала в себе все те аргументы и требования, которые русский посол излагал английскому правительству со времени подписания Протокола. В ноте официально заявлялось, что Россия намерена, не теряя времени, осуществить план «умиротворения» Греции, даже если надо будет применить крайние меры.

Ответ Каннинга на эту ноту, данный 20 ноября², был чрезвычайно характерен для всей английской политики в этом вопросе. Он был составлен витиевато и туманно, совершенно в стиле классической британской дипломатической школы. «Мы применяем все усилия, чтобы повести за собой другие державы,—говорилось в нем,—но, если они не согласятся с условиями Протокола, это отнюдь не будет означать, что он перестанет существовать. В этом случае мы готовы идти с одной Россией в деле умиротворения Греции, ибо чувствуем себя взаимно обязанными не пренебрегать никакими усилиями, чтобы привести это дело к удовлетворительному исходу»³.

Более ясно Каннинг выражаться не смел. Он находился в весьма затруднительном положении: с одной стороны, он не мог предоставить России право действовать самостоятельно, с другой—над ним все время висела угроза того, что его политические противники (правые тори и вся вигская оппозиция) объявят его политику «пособничеством России» и, поведя за собой значительную часть буржуазии, вынудят его уйти в от-

ставку. Но, несмотря на туманность указанной ноты, русская дипломатия хорошо поняла, что одержала крупную победу над английской нерешительностью. «Один факт принятия моей ноты от 17 ноября,—писал Ливен,—с условием применения крайних мер, которому наш двор подчиняет все дальнейшие шаги, представляет собой молчаливое согласие с точкой зрения нашего двора»¹.

* *
*

Уступчивость Каннинга объяснялась не только болезнью единоличных действий России, но также и весьма заметным ростом русского влияния в Греции.

Во второй половине 1825 г. начался наиболее трагический период в истории греческого восстания. Войска Ибрагим-паши и Решид-паши совершали невиданные опустошения. Ибрагим спешил огнем и мечом завоевать свою будущую вотчину. Наварин, Корони, Метони, Каламы—один за другим эти города подвергались бомбардировкам, штурмам и разграблению. Осажденный Месолонгион был маленьким пылающим островом среди разоренной и выжженной пустыни. Безудержной лавине турок противостояли лишь немногочисленные воинские отряды греков. Они вели неутомимую, изумительную по смелости, изобретательности и героизму партизанскую войну, но на военные действия более широкого масштаба не хватало ни людей, ни вооружения.

В то время как враг почти безнаказанно покорял все новые и новые области, греческое правительство продолжало держать лучших военачальников под семью

¹ АВПР, Канцелярия, 1826, д. 6958, л. 60—63.

² Там же.

³ Там же, л. 57.

¹ АВПР, Канцелярия, 1826, д. 6958, л. 63.

зámками в монастыре св. Илиаса на Идре. Народ громко возмущался и требовал их освобождения. В знак протеста во время осады Наварина 3 тыс. румелиотов ушли из греческой армии в родные места для борьбы с турками, наступавшими с востока и запада¹. Пелопоннесцы заявили правительству, что до тех пор, пока не будет объявлено об освобождении Колокотрониса и других военных вождей, никто из них не явится в войска, собираемые Кондуриотисом. Армия правительства, вместо того чтобы увеличиваться за счет притока в нее свежих сил, таяла день ото дня. Положение стало настолько критическим, что правительство было вынуждено в июне 1825 г. объявить об амнистии всех выступивших против него и вслед за тем назначить Колокотрониса главнокомандующим вооруженными силами Пелопоннеса.

Колокотронис, братья Делианисы, Сессинис и бежавшие ранее из заключения два Андреаса, Лонтос и Заимис, явились в Навплион. Здесь Колокотронис выступил перед огромным стечением народа и поклялся до конца своих дней верно и преданно служить отечеству. Два дня спустя он выехал из города, сопровождаемый только шестью офицерами, но едва прибыл к Триполису, как имел уже под своими знаменами 6 тыс. человек.

Как писал с Закинфа в одну из лондонских газет очевидец, лично встречавшийся в Триполисе с Колокотронисом, к концу июля в его войсках насчитывалось уже от 20 тыс. до 30 тыс. человек. «Жители выходили целыми деревнями для умножения числа его солдат»², — замечает этот очевидец.

¹ Г. Гервинус. История девятнадцатого века, т. VI, стр. 72.

² «Северная пчела» № 90, 1825 г

Прибыв к Триполису, которому угрожали войска Ибрагима, Колокотронис предложил немедленно уничтожить все, что находилось на пути врага, и голодом принудить его уйти из занятых им областей. Но правительство, испугавшееся огромной популярности Колокотрониса, не одобрило этого плана и послало против Ибрагима в Аркадию лишь небольшие отряды войск под командованием Петро-бея и Дикеоса. На пути египетских войск из Калам в Триполис на них неожиданно напал отряд Дикеоса, состоявший всего из 300 воинов, который в течение 9 часов выдерживал рукопашный бой. Греки уничтожили в этом бою 600 египтян, но потеряли своего отважного вождя — одного из активнейших организаторов Гетерии, пламенного пропагандиста революционных идей среди греков и неутомимого воина Дикеоса. Несмотря на беспрецедентный героизм, маленькие отряды Петро-бея и Дикеоса не смогли удержать лавины египетских войск. Последние с ходу взяли Каламы, а затем Триполис. Армия Ибрагима подошла к столице революционной Греции Навплиону, которую охранял небольшой отряд греков под командованием Деметриуса Ипсиланти и Константиноса Мавромихалиса. Горсть храбрцев численностью не более 300 человек сражалась с передовыми отрядами египтян с такой яростью, что отбила атаку трех колонн с конницей и артиллерией. Египетская армия отступила в Аргос, затем в Триполис.

Прежде чем покорить остальную часть Пелопоннеса, Ибрагим решил покончить с Месолонгионом, который с апреля 1825 г. безуспешно осаждался армией Решид-паши. В течение всей зимы 1825/26 г. «будущий наместник Мореи» готовился к новой кампании. В начале февраля 1826 г., не встречая на своем пути ника-

ких более или менее серьезных препятствий, Ибрагим повел свою армию из Наварина к Месолонгиону. Соединившись с пополнением, прибывшим из Египта в Коринфский залив, египетские войска подошли к героическому городу и встали лагерем рядом с войсками Решид-паши. Турецкий военачальник был крайне недоволен вмешательством египтян в дело его воинской чести. Ибрагим вел себя крайне высокомерно, и дело дошло до формального разрыва. При первом же свидании паша спросил сераскира, почему он целые восемь месяцев не может взять «этого плетня», тогда как он сам взял Наварин в течение нескольких дней? Он предложил Решиду или самому взять город в течение месяца, или предоставить это сделать ему одному в течение 14 дней. Решид предоставил ему поле деятельности, а сам отвел свои войска на дальние позиции¹.

Месолонгион был полностью блокирован. 24 февраля Ибрагим начал штурм города одновременно с суши и с моря, но трехдневная бомбардировка не дала успеха. Все атаки были отбиты. Мало того, осажденные под командованием Макрианиса, Кицо Цавеласа и старого Нотиса Боцариса ухитрились делать смелые вылазки, нанося противнику большой урон. Кроме того, с тыла турецко-египетскую армию постоянно беспокоили сокрушительные налеты греческих отрядов под командованием Караискакиса. Последние, к сожалению, были слишком немногочисленны, чтобы нанести врагу более серьезное поражение. К тому же вся область вокруг Месолонгиона до самого Амбракийского залива представляла собой лишь выжженную, безлюдную пустыню, а морские берега были блокированы египетским

флотом. Так что греческие войска могли действовать только налетами, уходя затем на дальние подступы.

Однако город не сдавался. Сераскир, злорадствуя, спросил Ибрагима: «Думаешь ли ты и теперь об этом «плетне» то же самое, что прежде?» Вместо ответа Ибрагим был вынужден просить содействия своего лично врага и соперника¹.

Героический город мог бы держаться еще много месяцев, если бы члены греческого правительства были заняты вопросами обороны, а не спорами о том, какой из западных держав отдать Грецию на откуп. Они не снабдили Месолонгион вовремя продовольствием, и в городе начался голод. Несмотря на это, осажденные продолжали беззаветно сражаться и отвергали все предложения врага о капитуляции. Сам Решид позднее в беседе с адмиралом французской военно-морской эскадры в Эгейском море Де Реньи признавался: «Видишь ли, как тает снег вон там, на горах? Так растаяли бы и мы, если бы в Месолонгион был доставлен провиант еще на три недели!»²

Наконец силы осажденных были сломлены. 20 марта 1826 г. все жители, которые могли еще держаться на ногах, в том числе женщины, старики и дети, под прикрытием 2500 вооруженных воинов тайно вышли из города и попытались прорваться к своим через расположение противника. Их выдали предатели. Обнаруживший их отряд египтян устроил над ними дикую кровавую расправу. Из всех ушедших из города только 1300 воинов добрались до отрядов Караискакиса. Остальные погибли от рук врага или умерли по пути от истощения и усталости.

¹ Г. Гервинус История девятнадцатого века, т VI, стр. 181, 182

² Там же, стр. 186.

¹ Г. Гервинус. История девятнадцатого века, т. VI, стр. 178.

Египетские и турецкие солдаты, ворвавшиеся в город, без разбора убивали всех, кто там остался. Остатки гарнизона и жители, способные держать в руках оружие, еще долго сражались за каждую улицу, за каждый дом, проявив при этом невиданные чудеса мужества и самоотверженности. Но и их силы были сломлены. Грабеж, убийства, разрушения, а затем даже открытая резня между египтянами и турками за дележ добычи — вот что творилось на улицах легендарного города в конце апреля 1826 г.

Падение Месолонгиона произвело потрясающее впечатление не только на Грецию, но и на всю Европу. Кучка крупной буржуазии, стоявшая у власти, продолжала уповать на иностранную помощь и ждала, когда придут на их землю весьма дорого стоившие «ангелы-хранители» и «освободители» — английские военные авантюристы — Чорч и Кохрэн.

А тем временем свои собственные высокоодаренные военачальники, блестящие мастера народной войны Колокотронис, Караискакис (назначенный главнокомандующим войск Восточной Эллады) и другие военные вожди греков действовали на свой собственный страх и риск. Они не получали от правительства ни оружия, ни боеприпасов, ни продовольствия, пополняли сами свои войска за счет местного населения и не имели ни общего командования, ни единого плана действий. Тем не менее их армии нанесли врагу ряд весьма ощутимых ударов и сорвали план Ибрагима завоевать Пелопоннес в 1826 году.

Летом 1826 г. войска Решида осадили Афины и 16 августа овладели ими. Но афинский гарнизон и часть жителей заперлись в Акрополе, который надолго приковал к себе внимание и силы турок. В то время как

французский генерал Фавье, сформировавший так называемый тактический корпус из греков, безрезультатно пытался освободить афинский Акрополь прямым штурмом турецких позиций, Караискакис действовал более дальновидно. Он решил завоевать все близлежащие от Афин области, отрезать турок от баз снабжения и этим заставить их снять осаду с афинского Акрополя.

Собрав большую армию, Караискакис двинулся к Коринфскому заливу и, изматывая силы врага постоянными налетами на его гарнизоны, занял Солону и Левадию. К началу нового 1827 г. весь греческий материк, за исключением Месолонгиона, Анатоликона, Воничы и Лепанто, оказался вновь в руках греков.

Тем не менее английский посол в Константинополе Стратфорд Каннинг, по свидетельству историка Гервинуса, велел передать Караискакису, что если турки возьмут афинский Акрополь, то при переговорах держав о границах свободной Греции греческий материк не будет включен в состав нового государства¹. Это заявление сильно обеспокоило военных вождей повстанцев. Оно означало, что Англия стремится ограничить будущее греческое государство только Пелопоннесом (Мореей) и островами, а всю территорию греческого материка, населенную исключительно греками, снова отдать в рабство турецкому султану. Оно значило также, что эта держава явно рассчитывает воздвигнуть между Грецией и Россией огромный массив, подвластный Турции, что при отсутствии у России флота на Черном море дало бы Англии возможность оторвать Морею и острова от собственно Греции и в будущем превра-

¹ См. Г. Гервинус. История девятнадцатого века, т. VI, стр. 213.

тить их в свою колонию на манер Ионических островов.

Избранное в апреле 1826 г. новое правительство Греции, так же как и предыдущее, все свои надежды возлагало на поддержку Англии. Оно опасалось, что расширение и углубление революции приведет к его падению и захвату власти народными вождями. Пытаясь удержаться у власти, оно готово было добровольно отказаться от материка и требовало от Караяскакиса и Колокотрониса очищения всех завоеванных ими областей в континентальной Греции. Эта позиция вызвала бурю негодования среди всех греческих патриотов, и военные вожди, группировавшиеся вокруг Колокотрониса, снова пошли на разрыв с правительством.

В конце 1826 г. правительство решило созвать в Эгионе новый Национальный конгресс, но Колокотронис и его сторонники потребовали, чтобы он заседал на материке. Этим они хотели подчеркнуть, что никогда не откажутся от континентальной Греции. Заимис отверг их требования и собрал конгресс в Эгионе. Тогда сторонники Колокотрониса созвали свой собственный конгресс в Эрмиони.

Испытанным воинам, собравшимся в Эрмиони, было ясно, что в сложившейся обстановке противостоять прояскам Англии без могущественной военной помощи извне невозможно. Им было хорошо известно, что единственной державой, которая стремилась к максимальному расширению границ свободной Греции, была Россия.

Надежды греков на помощь России еще более усилились после того, как им стало известно о Греческом протоколе и Аккерманской конвенции. Та решительность, с которой Россия настояла на подписании Ак-

керманской конвенции, утвердившей автономию Сербии и привилегии Дунайских княжеств, и Греческого протокола о фактической независимости Греции, ясно показала, что великая северная держава не даст погибнуть делу греческой независимости. От греков не могла быть также полностью скрыта дипломатическая борьба русского правительства за быстрое подписание договора трех держав и за определение мер для проведения в жизнь условий Протокола. Несмотря на то что содержание Протокола было сообщено греческому правительству Стратфордом Каннингом, который пытался выступить в качестве «посредника» между греками и турками и изобразить Англию главным покровителем Греции, повстанцы хорошо знали о ведущей роли России в этом деле.

Россия всей своей политикой еще со времени правления Александра I доказала, что главной силой, способной разрешить греческий вопрос, является именно она и от ее позиции зависят в значительной степени позиции других держав, и в частности Англии. Греки это понимали и без особой агентурной работы со стороны русского правительства. В отличие от Великобритании, которая, как мы видели, проводила такую работу в Греции и через посредство своего посла в Турции и его агентов, и через Гамильтона, и, наконец, через различных английских филэллинов, Россия не могла рассчитывать на рост своего влияния в Греции подобным путем. На протяжении нескольких лет она не имела посла в Константинополе и ее связь с Грецией была почти полностью прервана вследствие морской войны и политики Турции в отношении греческой и русской навигации. Тем не менее ее влияние росло, и именно за счет ее решительной политики. Ярким доказатель-

ством этому могут служить хотя бы два документа, обнаруженные в Архиве внешней политики России.

В начале декабря 1826 г. военные вожди греческого народа направили в Константинополь к Рибопьеру специального посланца Панаиотиса Анагнастопулоса с письмами на имя Николая I, великого князя Константина, генерала Куруты и Каподистрии. С этим же посланцем было отправлено письмо от греческих женщин русской императрице¹.

В этих письмах составленных в патетическом духе того времени, вожди греческого народа и их жены обращаются к русскому правительству за помощью и покровительством. В первом, датированном 6 декабря 1826 г., руководители повстанцев писали:

«Вот уже в течение нескольких лет мы сражаемся за веру и родину. Наша борьба только усиливала бы наше рвение, если бы мы не встретили в великом океане политики неожиданные подводные камни и препятствия, которые очень трудно преодолеть.

Несмотря на трудные обстоятельства, греки не теряют мужества, но, выбирая нас в нынешнее тяжелое время вождями вооруженных сил, они вверили в наши руки судьбу родины, земля которой уже в течение пяти месяцев пропитывается кровью, особенно обильно пролитой на равнинах Афин, Элевенны, Платей, Фив. Сражаясь у подножия Геликона и Парнаса с именем родины на устах, мы добиваемся новых успехов и надеемся очистить нашу родную землю от жестоких врагов».

¹ О получении этих писем пишет в донесении от 6 сентября 1827 г. Рибопьер (АВПР, Канцелярия, д. 2363, л. 320—321). Греческий текст этого письма см там же, л. 324—325, французский перевод — л. 322—323; греческий текст второго письма — там же, л. 328—329, французский перевод — л. 326—327.

Далее авторы послания пишут о том, что греческий народ, решившийся «пролить за родину всю свою кровь до последней капли», поручил им представить русскому правительству отчет о тяжелом положении Греции и обратиться к нему с горячей просьбой о помощи.

Письмо подписано всеми военными вождями революционной Греции во главе со знаменитыми греческими полководцами главнокомандующим войсками Пелопоннеса Феодориосом Колокотронисом и главнокомандующим войсками Восточной Эллады Караискакисом. Среди 22 имен, подписавших письмо, мы находим имена таких замечательных греческих патриотов, как Кицо Цавелас, Плипутас, Димитрианис и др.

В письме греческих женщин так же описывается тяжелое положение страны и героическая борьба народа и опять же содержится просьба поддержать эту борьбу и помочь грекам обрести наконец свободу и независимость.

Анагнастопулос не смог доставить письма в Россию в короткий срок. Он, по свидетельству Рибопьера, смог добраться до Константинополя и вручить письмо русскому послу только к началу сентября 1827 г., уже после заключения Тройственного соглашения, как раз в то время, когда готовились решающие события. Поэтому ответ на письма был излишним. Однако сам факт отправки писем с просьбой о покровительстве и военной помощи России не от лица какой-нибудь одной партии, а от имени командующих всеми военными силами борющейся Греции достаточно ярко характеризовал отношение греков к России. Доказательством того, что эти письма не написаны под непосредственным влиянием русских агентов (как под влиянием Гамильтона был написан «акт о протекторате» Великобритании),

служит хотя бы тот факт, что в России о них ничего не было известно в течение нескольких месяцев, пока они не попали в руки Рибоьера. В русской печати о них вообще не упоминалось.

С помощью России греческие патриоты надеялись не только отстоять свою независимость, но и сохранить за греческим государством всю континентальную Грецию и наибольшее число островов.

Национальный конгресс в Эрмиони потребовал, чтобы на пост президента Греции был избран опытный государственный деятель, истинный греческий патриот, который стал бы проводить независимую национальную политику, энергично бороться за полную независимость Греции и максимальное расширение ее границ, а также противостоять захватническим планам иностранных держав.

Греки знали, что только с помощью России можно было освободить значительно более обширную территорию и добиться больше прав и свобод для будущей автономной Греции. В создавшейся тогда обстановке только Россия, по мнению греческих военных вождей, могла действительно противостоять проiscaм англо-французской дипломатии, ведущей весьма подозрительную двусмысленную политику, стремившейся как можно более ограничить территорию нового греческого государства, лишить его ряда свобод и привилегий в пользу султана.

Именно поэтому выбор греческих вождей пал на Каподистрию, пользовавшегося поддержкой России. Его-то кандидатуру они и выставили на пост президента Греции. Это предложение, однако, было принято очень холодно в Эгионе. Англофильски настроенное правительство весной 1827 г. полностью подчинило военные

сухопутные и морские силы двум английским авантюристам — Чорчу и Кохрэн.

Оба эти «деятели» прибыли в Грецию в марте 1827 г. Они были взяты на греческую службу за большое жалованье в надежде на то, что их участие в войне за свободу Греции повлечет за собой практическую помощь Англии. Однако получилось нечто совсем противоположное Чорч и Кохрэн действительно являлись самыми ревностными проводниками английского влияния, но, хорошо выполняя указания английской дипломатии, они против ожидания греческого правительства не помогали, а всеми силами вредили делу греков. Оба они презирали греков и ненавидели революционные идеалы, за которые те боролись. В Греции они стремились в одно и то же время делать два взаимоисключающих дела: с одной стороны, заработать на греческой войне состояние и славу и, с другой — выполнить тайное задание Каннинга, а именно провалить оборону Афин и сдать город туркам, чтобы греческий материк мог не приниматься во внимание при дальнейших переговорах о судьбе Греции. Делая вид, что они деятельно участвуют в освобождении древней греческой столицы, Чорч и Кохрэн делали все от них зависящее, чтобы Афины как можно скорее оказались в руках турок.

Чорч начал свою карьеру главнокомандующего сухопутными силами с того, что учредил свою ставку на легко вооруженной яхте, где проводил почти все свое время. Он ни разу не делал даже смотра войскам и управлял военными действиями со своего удобного, но далеко не военного обиталища.

Кохрэн, не в меру прославленный за свои «подвиги» в Бразилии во время войны за независимость (хотя никому не было доподлинно известно, в чем они, собствен-

но, заключались), явился в Грецию несколько месяцев спустя после условленного срока. Парижский филэллинистический комитет купил ему за 260 тыс. фр. военный 18-пушечный бриг и выдал 355 тыс. фр. в счет жалования. Однако лорд подобно Чорчу провёл почти все свое время на английской яхте, где под покровительством британского флага держал свои богатства. Даже английский буржуазно-националистический историк Джордж Финлей, прославлявший английскую политику в Греции, писал о нем в весьма нелестных выражениях: «К сожалению, он проявлял свое рвение по преимуществу в таких предприятиях, которые сулили ему не столько славу, сколько деньги — предел его стремлений»¹. Этому безмерно хвастливому и надменному человеку, который не дал себе ни малейшего труда разобраться в существе происходивших в Греции событий и в военно-стратегической обстановке, было поручено командование всеми морскими силами страны. Оба англичанина держали себя в Греции как в завоеванной колонии. Они явились поучать и властвовать, разговаривали с греческим правительством только в высокомерном тоне и не принимали в расчет никаких советов опытных греческих полководцев и моряков. В высокопарных воззваниях Кохрэн хвастал перед греками, что он одним мановением руки восстановит Византийскую империю и водрузит греческий флаг на храме св. Софии.

Полностью игнорируя мнение Караискакиса и других греческих военачальников, предлагавших для освобождения Афин более широкие и осторожные военные

действия, Кохрэн настоял на прямом наступлении на расположение противника, осаждающего город. Первые же атаки привели лишь к напрасному кровопролитию и не дали никаких положительных результатов. Тем не менее 4 мая 1827 г. Кохрэн и Чорч дали команду начать общее наступление. Оно заранее было обречено на провал, так как греческие войска должны были наступать по открытой, безлесной равнине на виду у неприятеля, не имея достаточного вооружения, снарядов и конницы. Взаимодействия сухопутных войск и флота устроено не было. Полное безрассудство, неподготовленность и авантюристичность всей этой предательской затеи были налицо.

Караискакис считал это наступление безумием, но вынужден был подчиниться. 4 мая в первом же сражении с турками между Фалетской гаванью и мысом Колпа он был смертельно ранен и умер на следующее утро. Для Греции это была значительно более тяжелая потеря, чем даже падение афинского Акрополя. Несмотря на мрачное уныние, овладевшее греками при известии о смерти любимого полководца, сулиоты выдержали две первые атаки турок. Но третья принесла им сокрушительное поражение. Греки, не доверявшие своим новоиспеченным командирам, спешно отступили к морю, понеся колоссальные потери. Чорч и Кохрэн, соизволившие сойти наконец со своих яхт на берег, бросились к лодкам и оставили поле сражения.

Это было самое тяжелое поражение греческих войск за все время войны за независимость. Это поражение дало возможность Чорчу и Кохрэну требовать от афинского гарнизона капитуляции (заметим: не турки, а именно англичане требовали добровольной сдачи Акрополя!). Два раза осажденные отказывались принять это

¹ G Finlay History of Greece, v VI, p. 420

позорное предложение. Тогда Чорч увел войска из Фалетской гавани, оставив афинский гарнизон на произвол судьбы. 5 июля Акрополь капитулировал, хотя запасов хлеба в городе было еще на 4—5 месяцев.

Падение Афин дало возможность Решид-паше закончить завоевание той части континентальной Греции, которую очистил от турок Караискакис. Но, к счастью для греков, Решид не предпринял дальнейшего наступления, не желая идти на соединение с войсками Ибрагима. Для английской дипломатии, впрочем, это не имело значения, так как с падением Афин она считала свои руки развязанными и готовилась бороться против русской дипломатии за ограничение территории свободной Греции Мореей и островами.

Однако позиции Англии в Греции с весны 1827 г. сильно пошатнулись.

При известии о готовящемся Тройственном договоре держав по греческому вопросу оба враждующих между собой конгресса — в Эгионе и Эрмиони — соединились в общий Национальный конгресс. Он открылся 1 апреля 1827 г. в Трезене. Сторонники Колокотрониса добились очень важного решения — на пост президента Греции был избран на семь лет Каподистрия. К этому времени греческий народ настолько разочаровался в английском и французском филэллинизме, что ни о каких ставленниках западных держав никто и слышать не хотел. С другой стороны, имя России, стоявшее за спиной Каподистрии, становилось все более и более популярным.

В то время как Национальный конгресс в Трезене выносил свои решения, в Порос явился на военном фрегате командор Гамильтон, а затем туда прибыли и корабли Чорча и Кохрэна. Все эти «деятели» оказывали

самое недвусмысленное давление на депутатов конгресса, в частности на Маврокордатоса, Трикуписа и других сторонников английской ориентации. Последние усилили свои доводы в пользу англичан жерлами пушек стоящего за их спинами британского военно-морского флота (заметим, что никаких русских представителей в Трезене тогда не было).

В результате конгресс назначил Кохрэна главным адмиралом греческого флота, а Чорча — главнокомандующим сухопутными силами, отстранив с этих постов замечательных патриотов Миаулиса и Колокотрониса, которым греческий флот и армия обязаны были чуть ли не всей своей славой.

Избрание Каподистрии, в течение двадцати лет служившего в русском министерстве иностранных дел, явилось яркой иллюстрацией того доверия, которое оказывал России греческий народ. Не подлежит сомнению, что, избирая Каподистирию, греки надеялись на особое покровительство России и помощь русского оружия.

В Англии были очень взволнованы избранием Каподистрии на пост греческого президента. В этом избрании видели чрезвычайное усиление русского влияния в Греции. Сообщение Рибоьера о назначении Каподистрии произвело довольно мрачное впечатление на Стратфорда Каннинга. «Мои коллеги, — писал русский посол, — приняли это мое сообщение с весьма заметной холодностью, а господин Каннинг предпочел даже хранить по этому поводу абсолютное молчание... и я имел возможность убедиться, что этот посол видит всю важность назначения Каподистрии, которого он считает очень преданным России и способным утвердить среди греков чувство доверия и преданности к император-

скому двору, к чему господин Стратфорд Каннинг относится, по-видимому, крайне ревниво»¹.

* *
*

В такой обстановке Каннинг прекрасно понимал, что должен идти на все необходимые уступки, чтобы не дать России повода в последнюю минуту отказаться от сотрудничества союзников и начать действовать самостоятельно. Поэтому он соглашался на все требования русской дипломатии и с весны 1827 г. повел дело прямо к подписанию договора.

Получив принципиальное согласие британского, а затем и французского кабинетов на выработку секретной статьи, определяющей «принудительные меры», русское правительство стало торопить союзников с окончательной формулировкой пунктов договора и его подписанием.

В феврале 1827 г. в Англии начался министерский кризис. Премьер-министр лорд Ливерпуль, пораженный апоплексическим ударом, ушел в отставку; началась борьба между Каннингом и Веллингтоном за пост премьер-министра. Победу одержал Каннинг. Этого и следовало ожидать, так как он был в то время наиболее могущественным человеком в Англии. За шесть лет своего управления министерством иностранных дел он сделал для английской буржуазии очень много: без единого выстрела завоевал рынки Южной Америки, поддерживал выгодную систему «свободной торговли» и успешно боролся за кровные интересы буржуазии в Средиземном море и в Греции. Широкие слои буржуа-

зии это хорошо понимали, и поэтому его поддерживала почти вся пресса, а умеренная оппозиция неизменно шла за ним в обеих палатах.

Став премьер-министром, Каннинг повел дело прямо к подписанию Тройственного договора. Министром иностранных дел он назначил своего друга лорда Дедли, который стал покорным орудием политики нового премьер-министра.

Теперь главным препятствием к окончательному подписанию договора стала позиция французов.

Реакционное правительство Франции, вынужденное присоединиться к англо-русскому союзу под напором требований французской буржуазии и либерального общественного мнения своей страны, долго не могло победить в себе ненависти к «революции» в лице восставших греков.

В беседе с австрийским послом в Париже Аппоньи в июне 1827 г. Виллель прямо заявил, что его самым горячим желанием было бы сохранение неделимой Османской империи и подавление греческого восстания¹. Традиционная ненависть к Англии, как мы уже указывали, не могла в какой-либо степени вдохновить французское правительство на союз, главные выгоды которого, без сомнения, достались бы англичанам. Как передает Аппоньи Меттерниху, Виллель сказал ему следующее: «Не желая оставаться в бездействии и не будучи в состоянии противостоять англо-русскому союзу, мы решили присоединиться к нему; мы считаем, что единственное эффективное средство, которое еще осталось у нас для предупреждения и уменьшения опасности этого союза, для того, чтобы парализовать его и, может

¹ АВПР, Канцелярия, 1827, д. 2363, л. 622—623.

¹ A. Prokesch Osten Geschichte des Abfalls, B. V, S. 82

быть, нейтрализовать, наблюдать за его гибельными действиями и сдерживать их, тайно работать для его развала, используя для этого подходящие случаи, и пр. и пр.,— это присоединиться к ним на время, быть все время рядом с ними, поставить себя, так сказать, между Россией и Англией, чтобы выждать и использовать момент, когда действительные интересы этих двух держав, столь резко противоречащие союзу между ними, придут в столкновение»¹.

Стремясь осуществить эту сложную политику, Виллель и французский посол в Англии Полиньяк, работавший в Лондоне над проектом Тройственного договора, невероятно затягивали и усложняли переговоры.

Теряя терпение, Николай I велел направить в Лондон инструкцию (депеша Нессельроде от 6 и 9 июня 1827 г.). Ввиду воздвигаемых Францией затруднений, указывалось в ней, Россия решила заключить договор только с одной Англией. Если же и последняя не будет идти навстречу желаниям русского двора, то он будет действовать один и примет «на пользу греков все меры, которые он считает полезными»². Только после этого Ливену удалось ускорить дело и, главное, включить в договор самую действенную его часть — секретную статью.

Основа секретной статьи была сообщена Ливену еще в январе 1827 г. (депеша Нессельроде от 21 января 1827 г.)³. Россия предлагала следующие принудительные меры в случае отказа Порты от посредничества держав: а) угроза сближения с Грецией и посылка туда

консулов; б) одновременный отзыв послов договаривающихся держав из Константинополя; в) если отзыв послов не приведет к согласию Турции, следует соединить эскадры договаривающихся держав «с целью предупредить военные действия между двумя сторонами и установить перемирие между ними, помешать прибытию в Грецию и на Архипелаг всякого подкрепления людьми, оружием или египетских и турецких кораблей. Эти эскадры с этого времени будут считать греков своими друзьями»; г) «если, сверх ожидания, эта мера еще будет недостаточной, то будет вынесено решение, что договаривающиеся державы будут продолжать преследовать свою цель и наметят в этом случае применение крайних мер...»

Указанные в этой депеше последовательные меры принуждения были представлены на рассмотрение английской и французской сторон и после длительной борьбы и дискуссий в том же порядке оформлены в секретную статью Лондонского договора.

Договор трех держав был наконец подписан 6 июля 1827 года¹.

Открытая часть договора лишь с незначительными изменениями повторяла условия англо-русского Протокола от 4 апреля 1826 г., который в свою очередь почти полностью был основан на русском Мемуаре от 9 января 1824 г.

Интересно отметить, что Мемуар утверждал за греками большую свободу, чем это делал договор трех держав. Так, в нем провозглашалось, что наряду с вполне свободным внутренним самоуправлением греческие княжества должны пользоваться полной свободой религии,

¹ А. Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls., В. V, S. 81—82.

² Ф. Мартенс. Собрание трактатов..., т. XI, стр. 355.

³ А. Prokesch-Osten, Geschichte des Abfalls., В. V, S. 9—18.

¹ АВГР, Канцелярия, 1827, д. 2363, л. 201.

свободой торговли и получить право иметь свой флаг. В Греческом протоколе от 4 апреля 1826 г. говорилось, что греки «будут пользоваться полной свободой совести и сношений» (формулировка значительно более суженная и неясная). Наконец, в договоре от 6 июля 1827 г. о «свободах» не упоминается, хотя и говорится о самостоятельном внутреннем управлении.

Вообще договор был чрезвычайно лаконичен. О греках в нем говорилось лишь следующее:

1) они будут зависеть от сюзеренитета султана и платить ему дань;

2) будут управляться собственными властями, в назначении которых Порты будет принимать известное участие;

3) будут иметь право выкупить всю турецкую собственность на их территории, чтобы полностью разделить греческую национальность с турецкой.

Религиозная, торговая и гражданская свободы договором подразумевались. Позднее Нессельроде писал русскому агенту в Смирне Тимони для сообщения грекам: «Вы им сообщите, что договор, заключенный между Россией, Англией и Францией, утверждает за ними под сюзеренитетом Порты и под условием дани и некоторых других денежных жертв национальную администрацию, полное отделение от турок и совершенную религиозную, торговую и гражданскую свободы»¹.

Так трактовала договор русская сторона.

Но краткость и суженность формулировок договора, явившаяся следствием участия в нем Англии и Франции, могла привести к различной их оценке в будущем. В лю-

¹ АВПР, Канцелярия, 1827, д. 2363, л. 201.

бой момент они могли быть истолкованы в пользу более широкого «сюзеренитета» Турции, и только под постоянным вооруженным нажимом России Веллингтон и Полиньяк не смогли этого сделать в течение 1828 г.

Что же касается статьи договора об определении размеров греческой территории, которое должно произойти после особых переговоров союзников и воюющих сторон, то Каннинг высказал свои мысли по этому вопросу еще в январе 1827 г., говоря об аналогичной, 4-й статье Греческого протокола. В своей беседе с Эстергази, австрийским послом в Лондоне, он вполне откровенно заявил: «По соображениям гуманности было бы желательно, насколько возможно, расширить границы территории, к которой эти условия будут применены. Но на практике другое дело. Мы не будем требовательны на этот счет, и мне, в частности, кажется более предпочтительной территория даже очень ограниченная... нежели очень расширенная»¹.

На это Эстергази в своей депеше Меттерниху сделал следующее совершенно справедливое замечание: «Ясно, что это основа мыслей господина Каннинга. Он не только не стремится расширить сферу распространения до очень больших масштабов, но желает, быть может еще более горячо, ее урезать и ограничить такими рамками, которые он только что назвал минимальными... Если могло еще оставаться сомнение, то оно исчезнет перед той очевидностью, что здесь речь идет не о страдающем человечестве в Греции, а о прямом интересе Англии»².

Через константинопольских послов должны были быть посланы инструкции адмиралам союзных эскадр,

¹ A. Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls., B. IV, S. 313.

² Там же, стр. 315.

крейсировавших в восточной части Средиземного моря, которых непосредственно касалась секретная статья договора о принудительных мерах в отношении Турции. Ко времени подписания договора там уже находились французская эскадра под командованием адмирала Де Риньи и английская под командованием героя Трафальгарского сражения адмирала Эдуарда Кодрингтона.

До прибытия в Средиземное море русской эскадры в Смирну был направлен представитель России Тимони для совместных демаршей с адмиралами перед греками и командующим турецкими вооруженными силами в Греции. В середине сентября, как доносил Тимони Рибопьеру, состоялась беседа его и представителей союзных адмиралов с греческим правительством. Греки согласились на перемирие на основе июльского трактата¹. Но султан остался непреклонным.

16 августа конференция держав-союзниц в Лондоне направила Дивану ноту с официальным сообщением о договоре. Державы предлагали турецкому правительству посредничество на основе договора и требовали немедленного заключения перемирия с греками. Если по истечении 15-дневного срока, говорилось в ноте, Порты даст отрицательный ответ, то державы примут для выполнения условий договора наиболее эффективные меры².

Ответ на эту ноту был предопределен. Великий визи́рь от имени турецкого правительства заявил послам: «Враждебные намерения России, Франции и Англии налицо: эти державы соединяют свои флоты, чтобы принять сторону греков против нас, они делают нам угрожающие заявления, называемые ими дружескими. Мы

дадим приказ представителям этих трех дворов удалиться из нашего государства, мы сохраним неприкосновенными наши права, мы постараемся защитить себя, и бог сделает остальное»¹.

Вслед за этим турецкое правительство объявило, что не станет выполнять условий Аккерманского договора. На вторичный запрос послов от 31 августа султан снова категорически отказался даже обсуждать греческий вопрос.

Такое смелое поведение Турции объяснялось двумя факторами, укреплявшими султана в его твердом намерении не сдаваться. Первым и главным были успехи турецко-египетского оружия в войне с греками. После взятия афинского Акрополя сухопутная война была по существу решена в пользу турецко-египетских войск. Опорой греков оставался Пелопоннес и еще не покоренные острова. Главное внимание должно было быть перенесено на морские операции. Ибрагим отправился в Александрию формировать новый флот. По плану Махмуда II и Мухаммеда-Али соединенный флот должен был осадить и взять Идру, что решило бы участь других островов, и затем высадкой десантов в помощь сухопутной армии докончить покорение всей остальной Греции. Султан намеревался быстрым и сильным ударом уничтожить греческую революцию еще до того, как Европа смогла бы что-нибудь предпринять. Рибопьер писал 9 августа 1827 г.: «Порта желает использовать промедление, которое будет длиться в течение нескольких недель, прежде чем будет приступлено к выполнению договора, чтобы бросить как можно больше войск в Морею. Этим способом она надеется достигнуть своей

¹ АВПР, Канцелярия, 1827, д. 2363, л. 581—582.

² Там же, л. 178—179.

¹ АВПР, Канцелярия, 1827, д. 2363, л. 7—8.

цели — подчинить греков и расстроить все планы союзников; и если принять во внимание тяжелое положение Греции, то значительное подкрепление, которое скоро будет получено от египетской экспедиции, только что вышедшей из Александрии, и крайнее ожесточение султана, решившего не приступать ни к чему, прежде чем он не завоюет Греции путем истребления всех ее жителей,— если принять это во внимание, то нельзя не питать самые печальные опасения по поводу катастрофы, угрожающей сейчас этим несчастным областям»¹.

Махмуд II имел все основания быть крайне раздраженным вмешательством держав в греческий вопрос. Он возлагал большие надежды не только на помощь египетской армии и флота, но и на свою новую армию, уже частично сформированную и обученную арабскими командирами — учениками французских офицеров — и самими французами. Истребив в июне 1826 г. старое турецкое войско янычар, Махмуд II с необычайной энергией принялся за организацию и вооружение новой армии. Уже к осени 1826 г. она доходила до 40 тыс. человек, была вооружена по-европейски и снабжена вполне современной артиллерией.

По сообщению Рибоьера, 1 августа из Александрии вышла эскадра. По сводке, приложенной к депеше русского посла, она состояла из 89 судов — турецких, тунисских и египетских, а также из пяти австрийских транспортов. Из них египетскому паше принадлежали три фрегата, девять корветов, три брига и одна гозлета самой новейшей конструкции. На этих судах находились 4 тыс. человек пехоты и 500 кавалерии. «Ваша светлость заметит, что в числе этих судов имеется пять

австрийских кораблей. Многие французские офицеры, а среди них Летелье, контр-адмирал в отставке, находятся на этой эскадре, чтобы управлять маневрами. Я поспешил это заметить господину Гильемино, который мне ответил, что господин Летелье так же мало француз, как лорд Кохрэн англичанин»¹.

Итак, морская экспедиция Ибрагима должна была покончить с греками. На это султан надеялся в первую очередь, когда отказывался разговаривать с союзниками. С другой стороны, его непреклонность поддерживалась и двуличной политикой австрийского правительства. Австрия в лице Меттерниха все это время упорно противодействовала планам союзников. Вся ее политика помощи турецким и египетским войскам и особенно флоту, громко выражаемая ненависть к грекам и открытая поддержка султана внушали турецкому правительству мысль о том, что Меттерних путем дипломатических проволок еще раз поможет ему выиграть время.

Кроме того, султан и его министры мало верили в единодушные Англии и России, Франции и России, Франции и Англии, а тем более всех их трех между собой.

Они не учли только одного: в союзе дело решалось по существу одной Россией, другие же две державы следовали за ней.

А Россия прямо и решительно шла к намеченной цели — освобождению Греции от султанского деспотизма.

¹ АВПР, Канцелярия, 1827, д. 2363, л. 239—242.

¹ АВПР, Канцелярия, 1827, д. 2363, л. 149

Русское правительство делало из создавшейся политической ситуации вполне реальные выводы. Прежде всего началась подготовка к формированию военно-морской эскадры для крейсирования в греческих водах. Так как в Черном море были лишь весьма незначительные русские военно-морские силы, да к тому же Турция в любой момент могла заблокировать проливы, то приходилось следовать примеру Алексея Орлова и посылать корабли из Кронштадта вокруг Европы.

Еще летом 1826 г. в Кронштадтском и Архангельском портах под общим руководством адмирала Д. Н. Сенявина начали строить новые и ремонтировать старые суда. По приказу царя к лету 1827 г. должно было быть подготовлено «к дальним плаваниям 12 кораблей и пристойное число фрегатов и других судов»¹. В Архангельске строились новые линейные корабли «Азов» и «Иезекииль», а в Кронштадте — корабли «Александр Невский», «Гангут» и фрегат «Елена»².

¹ Приказ начальника морского штаба Моллера второго. Центральный государственный архив военно-морского флота (ЦГА ВМФ), ф. 203, оп. 1, д. 1316, л. 2—3.

² «М. П. Лазарев». Документы, т. I, М., 1952, стр. 278, 281, 282, 288.

Командиром строившегося в Архангельске «Азова» 27 февраля 1826 г. был назначен будущий знаменитый русский флотоводец тогда капитан 1-го ранга М. П. Лазарев. На этом корабле в младших чинах служили будущие герои Севастопольской обороны ученики Лазарева лейтенант П. С. Нахимов, мичман В. А. Корнилов, гардемарин В. И. Истомин.

К маю 1827 г. суда, получившие назначение идти в Средиземное море, были готовы. Адмиралу Сенявину поручалось командование эскадрой, состоявшей из девяти линейных кораблей, семи фрегатов и нескольких мелких судов, которая должна была следовать из Кронштадта в Портсмут. Инструкция адмиралу Сенявину, подписанная Николаем I 30 мая 1827 г., гласила, что по прибытии в Англию и после совещания с русским послом в Лондоне князем Ливеном адмирал должен выделить особую эскадру из четырех линейных кораблей, четырех фрегатов и двух бригов под командованием контр-адмирала Логина Петровича Гейдена, которая отправится в Средиземное море, как только Ливен даст ей распоряжение¹. Официально было объявлено, что эта эскадра предназначена для охраны русской торговли в Средиземном море.

Отличительной чертой средиземноморской экспедиции была высокая воодушевленность передовой части рядового и командного состава русского флота. На кораблях эскадры Сенявина, особенно на тех, которые получили назначение идти под командованием адмирала Гейдена в Средиземное море, служило много молодежи, тесно связанной с прогрессивными кругами русского дворянства. В списке раненых и отличившихся

¹ ЦГА ВМФ, ф. 170, д. 114, л. 3, 4 об.

в Наваринском сражении мы находим имена Павла Нахимова, Николая и Владимира Корниловых, Константина и Владимира Истоминых, Ивана Бутенева, Александра и Дмитрия Рыкачевых, Михаила Анненкова, Василия Бартенева¹.

Молодые моряки, идейно близкие к тем, кто всего лишь за полтора года до этого выступал на Сенатской площади против самодержавия, или сочувствовавшие им, вместе со всеми лучшими людьми России тяжело переживали поражение декабристов. В обстановке жестокой реакции и горького разочарования, царивших в стране после декабристского восстания, экспедиция в Грецию для спасения революции представлялась им «лучом света в темном царстве».

В представлении передового общественного мнения России русский флот шел в воды Архипелага с целью помочь грекам, сражающимся за свою свободу и независимость против темных сил султанского деспотизма. Моряки горели желанием вступить в бой с турками и отомстить за прекрасную Грецию — родину величайших творений человеческого гения, колыбель европейской культуры, страну беззаветных героев, которые на мрачном поле монархической реакции зажгли факел свободы и ценою неисчислимых жертв продолжали поддерживать его священное пламя.

Общее настроение той части русских моряков, которая была воодушевлена идеями национального освобождения и ненавистью ко всем и всяким поработителям — в данном случае к туркам, выразил лейтенант с корабля «Гангут» А. П. Рыкачев. В своем дневнике, интересном, живом документе той эпохи, в записи от

¹ См. «М. П. Лазарев». Документы, т. I, стр. 325, 329—334.

8 июня (когда эскадра была еще в Кронштадте) он писал: «Все рады идти далеко и за делом. Так как каждому из нас хочется помочь грекам, то понятно, что мы более всего мечтаем о Средиземном море. Это было бы верхом счастья, и вся наша молодежь со времени экспедиции адмирала Сенявина постоянно мечтает об этой прекрасной кампании»¹. П. С. Нахимов, в чине лейтенанта служивший на «Азове», писал своему другу М. Ф. Рейнике: «Ты можешь вообразить, каким нетерпением горели мы выйти скорее в море»².

Историограф русской средиземноморской эскадры капитан-лейтенант И. Кадьян в своем «Историческом журнале плавания эскадры из Кронштадта в Архипелаг» прямо заявляет, что целью экспедиции было «восстановление Греции». По его мнению, моряки должны были «снять со страны той ярмо азиатского деспотизма», «поднять во прах поверженную Грецию»³.

Точно такое же воодушевление царило и среди передовой части солдат и офицеров южных армий, готовившихся к походу против угнетателей братских народов Балкан и Греции. Войну с Турцией они собирались вести за независимость Греции, Сербии, Дунайских княжеств. Так же представляли себе цели войны греки и балканские народы, которые ожидали только сигнала, чтобы снова вливаться в русскую армию, когда она перейдет границы Молдавии.

¹ А. П. Рыкачев. Год Наваринской кампании. Кронштадт, 1877, стр. 4.

² «П. С. Нахимов». Документы и материалы. М., 1954, стр. 68—69.

³ ЦГА ВМФ, ф. 315, оп. 2, д. 64; «Исторический журнал плавания эскадры из Кронштадта в Архипелаг, веденный капитан-лейтенантом Кадьяном», т. 1, л. 43, 44.

Вопреки корыстным замыслам царя и его ближайшего окружения народ считал войну справедливой и освободительной. Именно этим объясняется высокая организованность и героизм русских моряков в Наваринском сражении и русских солдат в войне 1828—1829 г.

Эскадра адмирала Сенявина, совершившая трудный переход из Кронштадта в Портсмут при постоянно дувших противных ветрах, явилась к берегам Англии в образцовом порядке. Историограф эскадры И. Кадьян, поествование которого выдержано в беспристрастном тоне, писал: «Старейшие и опытнейшие моряки Дании и Англии, посещавшие эскадру в Копенгагене и Портсмуте и видевшие ее в действии, единодушно отзывались, что столь примерной и отличной эскадры они никогда видеть не ожидали»¹.

Эскадра контр-адмирала Л. П. Гейдена, состоявшая из четырех линейных кораблей («Азов», «Гангут», «Иезекииль», «Александр Невский»), четырех фрегатов («Константин», «Проворный», «Елена», «Кастор») и одного корвета («Гремящий»), выделенных из состава эскадры Сенявина, вышла из Портсмута 20 августа. Русские корабли прибыли к берегам Греции в конце сентября 1827 г. 13 октября они встретились с английской эскадрой, а затем к ним присоединилась и французская. 14 октября русская эскадра вместе с английской уже крейсировала между островами Продано и крепостью Метони пролив входа в Наваринский залив. Контр-адмиралы Гейден и Де Риньи, согласно данным им инструкциям, признали главнокомандующим соединенными эскадрами вице-адмирала Эдуарда Кодрингтона как старшего в чине.

К немалому изумлению командования союзных эскадр, русские корабли, совершившие труднейшее трехмесячное плавание из Кронштадта в греческие воды, не нуждались ни в каких исправлениях. В письме жене от 15 октября 1827 г. адмирал Э. Кодрингтон писал: «Русские, кажется, в хорошей боевой готовности, хорошо управляемы и стремятся идти с нами вместе во всем»¹.

С самых же первых дней пребывания эскадры у берегов Греции русские моряки показали союзникам высокую организованность, дисциплину, глубокое знание военно-морского дела, мастерство и прекрасное владение воинским искусством. Один офицер с «Азова», приславший свою корреспонденцию в газету «Северная пчела», так описывал прибытие эскадры в воды Леванта: «Скорость и порядок, с коими совершен был маневр для следования за «Азией», возбудили удивление моряков французских и английских... Во время крейсерства нашего перед Наварином офицеры союзных эскадр внимательно наблюдали наши движения и, встречаясь с графом Гейденом или с которым-нибудь из наших капитанов, отзывались с великой похвалой о ходе наших кораблей и быстроте маневров»². И. П. Рыкачев в записи от 6/19 октября писал: «В 7 часов вечера все три эскадры вместе крепили паруса. Наш фрегат «Кастор» успел прежде других сделать маневр в одно время с английским фрегатом «Тальбот». Затем по порядку следовали наш корабль (т. е. «Гангут») и фрегат «Елена» вместе с английским кораблем «Азия» и т. д.

¹ «Memoire of Life of Admiral sir Edward Codrington» (далее — «Memoire of Life of E. Codrington»). London, 1873, v. II, p. 52.

² «Северная пчела» № 155, 1827 г.

¹ ЦГА ВМФ, ф. 315, оп. 2, д. 64, л. 64.

Вообще наши командиры очень мало уступают в проворстве англичанам, а от французов мы далеко ушли вперед».

В июле на Лондонской конференции послов союзных держав было определено, что союзный флот в греческих водах должен состоять из 12 линейных кораблей и 12 фрегатов под командованием старшего из адмиралов. В точном соответствии с этим решением русская эскадра состояла из четырех линейных кораблей, четырех фрегатов и одного корвета «Гремящего» (который в сражении не участвовал, так как был оставлен для крейсерования при входе в Наваринскую бухту). Три русских линейных корабля имели на борту по 74 пушки, один («Гангут») — 84 с командами 700—800 человек; фрегаты — по 44—36 пушек с командами по 350—400 человек. Такая же численность команд была и на союзных кораблях и фрегатах¹. Что же касается количества и размера судов, то в точности условие договора было исполнено только русским правительством. Английская эскадра состояла из трех линейных кораблей («Азия» — 84 пушки, остальные два — по 74), четырех фрегатов — по 44—50 пушек, одного шлюпа — 28 пушек и пяти бригов — по 12—16 пушек, а французская — из трех кораблей по 74 пушки, двух фрегатов — по 44 и двух бригов — по 18 пушек. У русской эскадры было всего 466 пушек, у английской — 472, у французской — 342².

¹ Данные официальных источников Военно-морского архива, опубликованные в «Морском сборнике» № 9, 1877, стр. 82—87.

² По данным «Записки о Наваринском сражении», составленной по указанию адмирала Л. П. Гейдена, по-видимому, тем же капитан-лейтенантом Кадьяном с личными пометками адмирала (ЦГА ВМФ, ф. 5, оп. 1, д. 88, л. 16—17).

При отправлении эскадры Сенявина в плавание адмирал Гейден получил особый секретный рескрипт, в котором содержалась инструкция о действиях вверенных ему кораблей в Средиземном море. Примечательно, что рескрипт был подписан царем 19 июня (1 июля) 1827 г., т. е. за несколько дней до подписания Лондонского договора 6 июля. Это ясно свидетельствовало о решимости России действовать независимо от того, будет ли этот договор подписан или нет. В этом документе не в пример до крайности туманным инструкциям, полученным союзными адмиралами, до предела ясно и четко указано, что целью экспедиции является не только «защита и покровительство российской торговли» в Средиземном море, как об этом объявлялось официально, но и «строгое крейсерование таким образом, чтобы силою воспрепятствовать всякому покушению выслать морем как из турецких владений, так и из Египта какое-либо вспомоществование войсками или судами, припасами противу греческих сил на море или мест, ими занимаемых»¹.

В том же рескрипте Гейдену вменялось в обязанность доставить грекам те «пособия», которые Россия специально для них выделила. В предписании говорилось, что они должны быть доставлены Гейденом немедленно, как только президент Греции граф Каподистрия «признает нужным просить содействия вашего к доставлению сих пособий по принадлежности»².

По всей видимости, эти «пособия» представляли собой оружие и боеприпасы, столь необходимые для

¹ Документ из ЦГА ВМФ, опубликованный в кн. «М. П. Лазарев». Документы, т. I, стр. 297.

² Там же, стр. 296—298

греческих повстанцев. Есть все основания предполагать, что именно эти «пособия» были отправлены на бриге «Ревель», конвоируемом бригами «Охта» и «Усердие», вслед за эскадрой Сенявина. Командир «Ревеля», груженного секретным грузом, капитан-лейтенант Селиванов получил предписание идти в Архипелаг для соединения с эскадрой Гейдена и сдать свой груз тому, кому прикажет адмирал. Кроме того, он получил сугубо секретные бумаги для Сенявина, которые должен был «содержать в великой тайне» и истребить немедленно, как только появится опасность, что они могут попасть в «сторонние руки»¹.

Можно предположить, что такая «сугубая секретность» необходима была потому, что, согласно Лондонскому договору, запрещалась военная помощь обоим воюющим сторонам.

Гейдену было предписано установить связь с греческими вождями. Для этого адмирала сопровождал работник министерства иностранных дел грек Катакази. Адмирал Сенявин получил указание по приходе эскадры к берегам Англии снарядить и отправить в Грецию бриг «Ахиллес», который предоставлялся в распоряжение графа Каподистрии. Указание было исполнено. Для того чтобы у контр-адмирала Гейдена не оставалось ни малейшего сомнения в действительном назначении его эскадры, Ливен перед уходом русских кораблей из Портсмута снабдил его новой инструкцией. Наряду с советами поддерживать доброе согласие с командованием союзных флотов он рекомендовал русскому адмиралу неуклонно стремиться к достижению цели, назначенной российским правительством. И добавил зна-

¹ ЦГА ВМФ, ф. 170, д. 114, без описи, л. 87—89.

менательную фразу: «Если в достижении ее союзные адмиралы будут отставать, ступайте вперед одни».

Далее Гейдену была направлена еще одна депеша от 3 (16) сентября, на сей раз от графа Нессельроде. Русский министр иностранных дел давал адмиралу подробные инструкции об установлении блокады и о помощи грекам, а затем прямо рекомендовал в случае необходимости действовать против турок без участия союзников¹.

Русская эскадра явилась в Средиземное море не для «мирного крейсирования» и «покровительства русской торговле», а для того, чтобы оказать грекам немедленную действительную помощь. Это было ясно и союзникам, которые до прихода русских кораблей в Эгейское море не проявляли особой активности.

Военные приготовления России и посылка русской эскадры в Средиземное море сильно испугали английскую буржуазию. Она больше всего опасалась, что Англия окажется втянутой в военные действия, которые могут губительно отразиться на ее средиземноморской торговле и процветании ряда отраслей промышленности, связанных с нею. Согласно правительству на объединенные действия трех военно-морских эскадр у берегов Греции было встречено с большим неудовольствием

¹ Г. Палеолог и М. Сивинис. Исторический очерк народной войны за независимость Греции, т. I. Спб., 1867, стр. 35—36 (далее — «Исторический очерк...»). Книга написана на материалах архива адмирала П. И. Рикорда, сменившего Л. П. Гейдена на посту командующего русской эскадрой в Средиземном море во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Она является ценным источником для изучения истории этого периода, так как содержит большое количество документов как в тексте, так и в приложении.

крайними тори во главе с Веллингтоном, а также оппозицией. Последняя клеймила Лондонское соглашение как обязательство Англии участвовать в войне против Турции ради интересов России.

Учитывая эти настроения, Каннинг в своем последнем письме английскому послу в Константинополе писал: «Существо этого соглашения, являющегося мирным вмешательством, подразумевает демонстрацию силы»¹. Очень возможно, что Каннинг, этот умный и смелый политик, придумал бы что-нибудь для спасения английского престижа, но он умер 8 августа 1827 г., не успев дать никаких конкретных инструкций адмиралу Кодрингтону или Стратфорду Каннингу.

Последователь Каннинга на посту премьер-министра лорд Годрич был совершенно беспомощен, так же как и министр иностранных дел лорд Дедли. Княгиня Ливен исключительно метко охарактеризовала английских правителей того времени как «бедных министров, которые не смели выстрелить из пушки по башням знаменитого Наварина и которые не находили для восхваления этого события других слов, кроме «досадное событие», произнесенных в королевской речи на открытии парламента»².

После смерти Каннинга руководство действиями союзников окончательно перешло в руки России. На совещаниях послов союзных держав в Лондоне главенствующее место занял Ливен. Он настоятельно требовал от союзников действий и к началу сентября 1827 г. с большим трудом добился их согласия на полную блокаду греческих берегов.

¹ *H. Temperley. The Foreign Policy of George Canning. London, 1925, p. 403.*

² «*The Unpublished Diary...*», p. 214.

Колебания союзной дипломатии перед Наваринским сражением объяснялись следующим: с одной стороны, было совершенно ясно, что ни Англия, ни Франция не имеют никакого желания действительными мерами помочь Греции и вступать в военный конфликт с Турцией; с другой — они не могли предоставить России возможность действовать единолично и силой оружия выступить в защиту греков, что, повторяем, могло сильно подорвать влияние этих держав в Греции и Средиземном море.

Все последующие действия послов в Константинополе, а за ними и адмиралов союзных эскадр определялись поведением России. Их задача по существу состояла в том, чтобы предотвращать военные действия не столько между турками и греками, сколько между русской эскадрой и турецко-египетскими морскими силами, а в случае неизбежности этих последних выступить вместе в Россию, постараться отеснить ее на второй план и приписать себе честь спасения греческой независимости.

Конкретного руководства к действию адмиралам союзных флотов дано не было. Лондонский договор предписывал добиваться перемирия и предотвращения столкновений между греками и турками, но о средствах к достижению этого там ничего не говорилось. Стратфорд Каннинг и французский посол в Турции Гильемино в своих инструкциях Кодрингтону и Де Риньи без конца повторяли, что их эскадры должны осуществлять блокаду «без применения силы».

Гильемино так писал Де Риньи: «Недостаток инструкций относительно способа, каким три флота будут выполнять те статьи договора, которые их касаются, делает до прибытия нового приказа невозможным их

материальное вмешательство между враждующими сторонами... Ваш демарш, господин адмирал, должен состоять в том, чтобы сообщить им (воюющим сторонам) о подписании трактата, убедить их прекратить всякие враждебные действия против противника и предупредить их категорически об определенных опасностях, ожидающих их в случае, если близкое прибытие приказов, которые предпишут вам, так же как и англичанам, и русским, применение материальных средств, застанет Оттоманскую и греческую эскадры действующими против условий этого договора»¹.

Инструкция аналогичного содержания была послана и Кодрингтону². Адмиралы прекрасно понимали, что все заявления послов об осуществлении блокады «без применения силы» обрекали их на бездействие, так как запрещение употреблять военную силу при блокаде означало фактическое отсутствие таковой.

Стараясь избежать личной ответственности, Кодрингтон в письмах к Стратфорду Каннингу и главе английского адмиралтейства герцогу Кларенскому требовал более ясного определения линии поведения. «Ни я, ни французский адмирал,— писал он,— не можем понять, каким образом мы должны заставить турок изменить их линию поведения без совершения военных действий. Если это должно быть что-то подобное блокаде, то всякой попытке прорвать ее можно противостоять только силой»³. Однако прямых официальных инструкций о необходимости перейти к военным действиям в случае, если турецко-египетский флот прорвет блокаду союзников и высадит новые десанты на греческую землю,

Кодрингтону и Де Риньи так и не было дано. В своих письмах к официальным лицам и друзьям Кодрингтон все время жаловался, что он не получает никаких более или менее ясных инструкций о способе действий вверенной ему эскадры¹.

4 сентября в Константинополе происходила конференция послов, на которой под сильным нажимом России были определены точные границы блокады (от залива Волос до залива Арта). В протоколе этой конференции, посланном адмиралам, было сказано, что целью блокады является предотвращение подвоза в Грецию оружия и войск для турок и египтян. Соединенные эскадры должны были заставить все военные корабли Турции, а также корабли нейтральных стран, помогающих ей, уйти обратно в Александрию или Константинополь².

Весной 1827 г. турецко-египетские войска владели уже почти всем греческим материком и значительной частью Пелопоннеса.

Как уже отмечалось, 1 августа египетская эскадра, состоящая из 89 судов, вышла из Александрии. Она должна была переправить в Грецию 4 тыс. человек пехоты и 500 кавалерии³. Согласно известиям, полученным командованием русской эскадры по прибытии ее в Закинф, Ибрагим имел к этому времени в

¹ «Memoire of Life of E. Codrington», p 398, 402, 408, 434.

² АВПР, Канцелярия, 1827, д. 2363, л. 338—340

³ Там же, л. 239—242 Адмирал Э. Кодрингтон сообщал французскому адмиралу Де Риньи 22 августа 1827 г., что от брига, отправленного им в Александрию, он получил сведения, что 5—6 августа из Александрии вышел флот, состоящий из 92 кораблей с 4500 солдатами на борту («Memoire of Life of E. Codrington», v. I, p. 426).

¹ АВПР, Канцелярия, 1827, д. 2363, л. 100—103.

² Там же, стр. 152—158.

³ «Memoire of Life of E. Codrington», v. II, p. 60.

Морею 20 тыс. регулярного египетского войска и 50 тыс. турецкого. Он владел всеми важными крепостями и надеялся путем взаимодействия сухопутных войск и флота нанести Греции последний и решительный удар¹. В начале 1827 г. султан назначил его также и главнокомандующим соединенным турецко-египетским флотом.

Однако, несмотря на все это, корабли Англии и Франции, крейсировавшие в Средиземном море с июня 1827 г., не сделали никаких попыток помешать египетскому флоту выйти из Александрии и соединиться с турецким флотом. В начале сентября египетская эскадра под командованием адмирала Мухарем-бея была пропущена в Наваринскую бухту, где уже находилась турецкая под командованием Тахир-паши. Согласно планам командования турецко-египетского флота, Наварин стал базой для действия в различных направлениях: оттуда должны были посылаться отдельные эскадры с подкреплениями, боевыми припасами как к греческим островам, так и к различным пунктам Пелопоннеса. Египетские суда беспрепятственно высадили в Наварине новые войска. В соединении с уже действовавшими там турецкой и египетской армиями они буквально на глазах союзных эскадр быстро уничтожали последние очаги греческого восстания. Многочисленные отряды армии Ибрагима направлялись во все стороны Западного Пелопоннеса, опустошали, разрушали и жгли греческие города и селения, уничтожали виноградники и пашни².

Но союзники бездействовали. По справедливому замечанию А. И. Рибопьера, «если бы союзные адми-

ралы принялись лучше за исполнение своих мер и были более осторожны в крейсировании, могли бы они воспрепятствовать прибытию турецко-египетского флота в Морею или по крайней мере заставить Тахир-пашу после его выхода из Наварина возвратиться в Дарданеллы»¹.

Не мешая египтянам опустошать Морею, Кодрингтон и Де Риньи, в обязанность которых, согласно договору, входило установление перемирия между турками и греками, направили 22 сентября Ибрагиму письмо с сообщением о назначении вверенных им эскадр², а затем потребовали личного свидания с ним. Оно состоялось в Наварине 25 сентября. Адмиралы прочли ему части своих инструкций, касавшиеся блокады. На это Ибрагим ответил, что он солдат, обязан повиноваться приказам и действовать, а не вести переговоры. Тогда адмиралы перешли к угрозам: если египетский главнокомандующий не прекратит военных действий и будет сопротивляться союзным кораблям силой, то это может привести к уничтожению его флота. Но, тут же прибавляли адмиралы, «так как союзники и Турция находятся в дружественных отношениях, то искренним желанием трех правительств является, если можно, избежать разрыва». Ибрагим вынужден был согласиться приостановить операции флота до получения ответных депеш из Константинополя и Александрии на его запросы по этому поводу³. Вслед за этим Кодрингтон и Де Риньи фактически сняли блокаду Наварина. Близ Наварина курсировали три-четыре английских судна,

¹ «М. П. Лазарев». Документы, т. I, стр. 303.

² АВПР, Канцелярия, 1827, д. 2363, л. 716—717.

³ Отчет Кодрингтона о переговорах с Ибрагимом (АВПР, Канцелярия, 1827, д. 2363, л. 705—707).

а французские корабли под командованием Де Риньи, который, по словам его английского коллеги, был «явно не расположен в пользу греков»¹, демонстративно не участвовали в блокаде и постоянно удалялись то к Милосу, то к другим островам под самыми различными предложениями².

Оценивая действия союзного флота в водах Архипелага до того, как там появились русские корабли, А. И. Рибопьер в своем письме Л. П. Гейдену писал: «Итак, действие или, скорее, появление союзных эскадр не произошло еще ни одного из тех благ, которых мы были вправе ожидать; но более всего достойно сожаления то, что недействительность их мер оправдала равнодушие Порты к этой мере и ее беспечность в тот момент, когда союзные морские силы собраны в Архипелаге»³.

Но вся политика союзного командования резко изменилась, как только стало известно о приходе в Средиземное море русской эскадры. Теперь речь шла уже единственно только о том, чтобы не дать этой последней начать боевые действия с турецко-египетским флотом без участия кораблей Англии и Франции. Немедленно в руках Кондрингтона появилась инструкция Стратфорда Каннинга, дающая санкцию на военные действия.

Гарольд Темперлей в своей книге о Каннинге сообщает факт, установленный им по материалам архива английского министерства иностранных дел, что Стратфорд Каннинг в письме к Кондрингтону от 1 сентября 1827 г. высказался якобы «более откровенно» о возмож-

ности применения английской эскадрой оружия. «Хотя вполне очевидно желание союзных правительств по возможности избежать всего, что могло бы привести к военным действиям, — писал он, — однако меры, направленные на то, чтобы помешать подвозу [военных подкреплений], как сказано в инструкциях к вам, определенно должны быть усилены в случае необходимости, и когда все другие средства будут исчерпаны, пушечными выстрелами»¹. По свидетельству Темперлея, Кондрингтон получил это письмо 8 сентября, причем, как подчеркивает автор, Стратфорд Каннинг впоследствии очень раскаивался в этих своих словах, так как он дал этим санкцию на Наваринское сражение, которое было крайне нежелательно для английского правительства.

Когда русская эскадра пришла к Закинфу, Ибрагим-паша опустошал Морею. Пламя пожаров было видно с палуб союзных кораблей. Это усиливало стремление команд союзных эскадр поскорее выступить в защиту греков. Капитан Гамильтон, командир фрегата «Камбрион», посланного вместе с русским фрегатом «Константин» к Каламам для наблюдения за действиями османского флота, доносил Кондрингтону: «Войдя в залив, мы узнали по клубам огня и дыма, что дело опустошения все время продолжается... Страдания населения, согнанного в равнину, ужасны! Женщины и дети питаются травой и умирают на каждом шагу от голода. Думают, что если Ибрагим останется в Морею, то от голода умрет более чем треть населения»².

Известие об этом заставило адмирала Гейдена настаивать на конкретных решениях. Присутствие русской

¹ «Memoire of Life of E. Codrington», v. I, p. 428.

² Там же.

³ «М. П. Лазарев». Документы, т. I, стр. 303.

¹ H. Temperley. The Foreign Policy of George Canning, p. 417.

² «Memoire of Life of E. Codrington», v. II, p. 60.

эскадры у берегов Греции и опасение, что она начнет действовать самостоятельно, без союзников, сразу подвинуло дело вперед.

17 октября на борту «Азии» происходило совещание трех адмиралов. Единодушие царило удивительное. Без каких-либо возражений решили, что продолжать всю зиму очень трудную и требующую больших затрат блокаду было бы бессмысленно. Ибрагим имел бы много удобных случаев получить нужные подкрепления и провиант от держав, не принявших участия в Лондонском договоре, пользуясь штормами, скрытно от союзников привести в гавань новые войска, высадить их на острова и завершить порабощение Греции.

Адмиралы приняли решение послать Ибрагиму новое, ультимативное требование прекратить истребительную войну на Пелопоннесе¹. 18 октября подполковник Крадок, находившийся на борту «Азии» для исполнения дипломатических поручений, отправился в ставку Ибрагима, чтобы вручить ему документ, подписанный тремя адмиралами. В ставке ему ответили, что главнокомандующий «отсутствует и находится неизвестно где». На требование Крадока дать ему лошадей и сопроводить его к Ибрагиму переводчик паши заявил, что не может этого сделать, так как «место его пребывания находится в глубокой тайне и никто не знает, где он»². Адмиралы приняли этот ответ как восточную хитрость весьма вызывающего характера и вынесли решение провести военную демонстрацию для подкреп-

ления своего нового демарша и ввести союзные эскадры в Наваринскую гавань.

Турецко-египетской эскадрой командовали в это время два адмирала: турецкой — Тахир-паша и египетской — Мухарем-бей. Османский флот был расположен в Наваринской бухте в боевом порядке в почти неприступном положении. Корабли были построены в виде подковы в две, а местами и в три линии: первая линия из линейных кораблей и больших фрегатов, вторая и третья — из корветов и других, более мелких судов. Таким образом, огонь второй линии мог действовать в интервалы первой. Левый фланг упирался в Наваринскую крепость, правый примыкал к береговым батареям Сфактерии. Орудия крепости, защищая вход в залив, могли действовать и вдоль линии турецко-египетского флота, батареи Сфактерии — также вдоль всей линии. У каждого фланга были расположены группы брандеров. Все пространство бухты простреливалось перекрестным огнем судовой артиллерии турецко-египетского флота и береговых укреплений.

План расположения турецко-египетской эскадры был выработан французским капитаном Летелье, находившимся на службе у египетского паши.

Численно турецко-египетский флот, находившийся в Наваринской бухте, намного превосходил флот союзников. Он состоял из 66 военных судов плюс 40 транспортов и пять австрийских кораблей, тогда как у союзников было всего 27 судов¹.

¹ Отчет о конференции адмиралов изложен в рапорте Л. П. Гейдена от 12 (24) октября 1827 г. (ЦГА ВМФ, ф. 170, без описи, д. 115, л. 1).

² См. донесение подполковника Крадока в кн.: «Memoire of Life of E. Codrington», v. II, p. 57.

¹ Анализируя данные отчетов адмиралов Кодрингтона и Гейдена, опубликованных во всех газетах того времени, и специальной «Записки», направленной Гейденом в морское министерство под названием «Список о турецком и египетском флотах, сколько можно было отобрать сведения» («М. П. Лазарев». Документы,

Имея перед собой противника с явным численным и позиционным превосходством, опытный моряк Эдуард Кодрингтон из-за двойственной политики своего правительства находился в весьма затруднительном положении. Он рассчитывал на то, что ввод союзного флота в Наваринскую бухту заставит Ибрагим-пашу вернуть войска, посланные им в глубь Греции, подчиниться требованиям держав, и «тем самым цели договора будут достигнуты без пролития крови»¹. В соответствии с этими соображениями и был составлен план входа союзных кораблей в бухту. Они были построены Кодрингтоном в две линии: английские и за ними французские корабли составляли правую, или наветренную, колонну, русские — левую, или подветренную. Правая колонна должна была встать против кораблей, стоящих на правой стороне полумесяца (египетские), а левая (русская) — пройти дальше и занять корабли на левой стороне полумесяца (турецкие).

Приказ Кодрингтона по союзной эскадре о порядке входа кораблей в бухту (19 октября) гласил, что союзный флот идет в Наваринскую гавань для мирной демонстрации и должен начать военные действия только в крайнем случае, если турки первые начнут стрелять по кораблям союзников². Вход в бухту был назначен

г. I, стр. 323—324), можно считать, что в бухте стояло три линейных корабля (по 90—84 пушки), четыре двухпалубных (двухдечных) египетских фрегата (по 64 пушки), 15 египетских и турецких фрегатов (по 56—48 пушек), три тунисских фрегата (по 38—22 пушки), 23 корвета (по 24—18 пушек), 12 бригов (по 19 пушек), шесть брандеров.

¹ «Memoire of Life of E. Codrington», v. VII, p. 64.

² Документ опубликован во многих газетах того времени, в частности в «Северной пчеле» № 144, 1828 г.

на 20 октября¹. Связанный дипломатической игрой английского правительства, Кодрингтон шел на большой риск, не выработав наиболее выгодного боевого порядка построения союзных кораблей в бухте.

«При таком расположении турецкого флота,— писал капитан-лейтенант Кадьян,— если бы союзные адмиралы имели намерение напасть на оный, то очевидно, что ордер атаки был бы другой и перерезать турецкую линию было бы первым оного действием, не было бы нужды становиться внутри полумесяца и подвергаться всему огню оного»².

То же самое писал и Кодрингтон в своем письме герцогу Кларенскому через шесть дней после Наваринского сражения: «Если бы мы могли идти открыто, как враги, мы могли бы легко пересечь головную линию, встать на якоря среди малых судов и держать их главную линию в резерве; но, будучи вынужденными и действительно желая избежать боевых действий, мы могли бросить якоря только в той части гавани, которая была по прекрасно составленному плану турок оставлена свободной для нас»³.

План Кодрингтона предусматривал один очень существенный момент, который издатели его писем попытались скрыть и который не отмечен никем из исследователей. Английский адмирал приказал поставить английские и французские корабли ближе к египетским, а русские — к турецким. Французская эскадра должна была занять позицию против четырех египетских двухдечных фрегатов — первых четырех кораблей правой части полумесяца. Далее в глубь полумесяца ставились

¹ 8 октября старого стиля по русским источникам.

² ЦГА ВМФ, ф. 5, оп. 1, д. 88, л. 5 об.

³ «Memoire of Life of E. Codrington», v. II, p. 93.

английские корабли, также сражавшиеся главным образом с египетскими судами.

Весь замысел Кодрингтона строился на расчете, что египетские суда вообще вступать в бой не станут. Со времени пребывания английской и французской эскадр в Средиземном море адмиралы через своих агентов вели сугубо секретные переговоры с пашой Египта, убеждая его не участвовать в военных действиях. В начале сентября 1827 г. Кодрингтон направил в Александрию корабль «Пелерус», капитан которого Петер Ричард имел связь с английским консулом в Каире Сальтом. Последнему было поручено употребить все свое влияние на египетского пашу Мухаммеда-Али, чтобы удержать его от высылки эскадры, а в случае если он все же будет вынужден это сделать, то не участвовать в сражении¹. В этом же направлении действовал английский агент подполковник Крадок. Паша Египта, имевший давние экономические связи с Англией и Францией, был заинтересован в сохранении самых дружественных отношений с этими странами. Но он продолжал оставаться подданным турецкого султана и мог быть в любой момент смещен и предан смертной казни как изменник, если бы осмелился открыто не подчиниться приказам своего сюзерена. Вследствие этого положение паши было очень затруднительным. Переговоры с агентами держав велись в строжайшем секрете. Никаких прямых обязательств паша давать союзникам не мог.

Представитель паши Богос сказал капитану Ричарду, что, «находясь между двух зол, он (паша) должен выбирать наименьшее и для него лучше пострадать от потери флота, чем навлечь на себя всю тяжесть отто-

манского гнева, ненависть всех мусульман и пожертвовать всем, что он создавал в течение столь долгого времени» Богос, как сообщал Кодрингтону капитан Ричард, затем «намекнул в весьма недвусмысленных выражениях, что, если паше будет обеспечена поддержка со стороны Англии, он может попытаться пойти на риск» и даже «готов услышать о разрушении некоторых из его кораблей», лишь бы эта «маленькая потеря» убедила Англию в его дружественных чувствах¹.

Таким образом, хитрый правитель Египта вел искусную двойную игру. С одной стороны, он не хотел отказываться от попытки покончить с греческими повстанцами, так как в таком случае, согласно обещанию султана, Греция переходила под управление его сына Ибрагима, но, с другой — и с союзниками ссориться не имело никакого смысла. Поэтому паша занял единственно возможную в его положении позицию: уверял союзников в своих дружеских чувствах и заявил, что готов пожертвовать несколькими кораблями, чтобы хоть как-нибудь им помочь. Единственно, в чем адмиралы могли быть уверены, это в том, что египетские суда не только первыми не начнут военных действий, но в случае сражения примут пассивную, оборонительную тактику.

Чтобы лишить египетский флот известной части его боеспособности, проводилась работа и в другом направлении. Было известно, что на египетском флоте служило большое число французских офицеров, составлявших наиболее выученную и боеспособную его часть. Перед самым сражением, 15 октября, по настоянию Кодрингтона Де Риньи направил им послание, в котором при-

¹ «Memoire of Life of E. Codrington», v. I, p. 443—444.

¹ «Memoire of Life of E. Codrington», v. II, p. 53.

звал оставить египетский флот, так как в противном случае им придется сражаться со своими соотечественниками¹ В письме к своей жене 19 октября Кодрингтон сообщал «Французские офицеры, служившие на египетских кораблях, подали в отставку соответственно с советом Де Риньи, исключая их главаря Летелье, и пересели на австрийское торговое судно»² В доказательство этому они послали Де Риньи соответствующее письмо с подписями всех ушедших с египетского флота³

Таким образом, перед сражением главнокомандующему союзного флота было ясно, что самой уязвимой частью флота противника являются египетские суда Ставя русскую эскадру против турецких кораблей, Кодрингтон явно рассчитывал на то, что вся тяжесть боя падет на русские корабли, тогда как английские и французские суда, стоящие против египетских, смогут не принимать участия в военных действиях

Перед самым входом союзных эскадр в Наваринскую бухту была сделана еще одна попытка избежать сражения Кодрингтон, по всей видимости, опасался, что, как только русские корабли, согласно его плану, займут свои позиции против турецких, немедленно начнутся военные действия, так как обе стороны рвались в бой Поэтому он решил задержать русскую эскадру, чтобы иметь время для переговоров с египетским командованием По видимому, расчет был сделан и на то, что если переговоры не увенчаются успехом и начнется сражение, то на русскую эскадру, позднее других входящую в гавань, обрушится вся сила огня с крепостей

¹ «Memoire of Life of E. Codrington» v II p 53

² Там же, стр 70

³ Там же, стр 86

по обе стороны узкого входа в Наваринскую бухту¹ и далее ей придется идти к назначенной позиции под обстрелом всей правой части позиции противника и принять бои с ходу Перед тем как союзные эскадры начали движение в Наваринскую гавань, был совершен маневр, по видимому тайно согласованный между двумя союзными адмиралами, поставивший русскую эскадру во время боя в крайне тяжелое положение.

В ночь с 19 на 20 октября, перед самым входом в Наваринскую бухту, эскадры Кодрингтона и Гейдена удержали свои позиции, с которых должны были начать движение, а французская эскадра передвинулась и оказалась к утру под ветром русской эскадры Рано утром 20 октября Кодрингтон дал приказ русскому командованию приостановить движение и пропустить мимо себя, через голову колонны, всю французскую эскадру, которая к тому же не отличалась быстротой и стройностью своего боевого порядка Вследствие таких явно предательских маневров русский флот вошел в Наваринскую гавань намного позднее других кораблей соединенной эскадры² В письме своему другу М Ф Рейнике, посвященному подробному описанию Наваринского боя, П С Нахимов писал «Но мы не

¹ По описанию П С Нахимова вход в Наваринскую бухту был «шириной менее мили, по обеим сторонам одного были устроены крепости, которые имели 125 больших орудий 30 из оных действовали в центр губы а остальные обращены на вход» — «П С Нахимов» Документы и материалы, стр 72

² Этот факт подробно описывается в «Записке участника Наваринского боя лейтенанта фрегата «Константин» Логина Логинovichа Гейдена» (ЦГА ВМФ ф 5 оп 1 д 88, л 6—6 об), в специальной «Справке», написанной по указанию адмирала Л П Гейдена (там же л 50), в «Историческом журнале» Кадыяна (там же, ф 315, оп 2, д 64, л 153—155)

могли хорошо построить сего ордера (т. е. войти в бухту одновременно с английскими и французскими кораблями. — *О. Ш.*), ибо французы, будучи под ветром нашей колонны, стали выстраиваться и входить в наветренную и тем задержали нас на очень много, отчего мы более прочих потерпели...»¹

Анализ отчетов адмиралов трех эскадр и планов сражения, представленных ими своим правительствам, а также записей в шканечных журналах русских и английских кораблей² и показаний участников сражения, опубликованных в печати того времени, разноречивых лишь в незначительных деталях, дает возможность нарисовать следующую картину Наваринского сражения.

20 октября в полдень английский адмиральский корабль «Азия», за которым следовали английская, а затем французская эскадры, прошел крепости, не поспавшие в них ни одного выстрела, и встал на якорь против флагмана египетской эскадры — двухдечного фрегата с флагом Мухарем-бея, зятя Ибрагим-паши. С другой стороны от него находился турецкий линейный корабль. Стремясь расколоть единый фронт турок и египтян, Кодрингтон, согласно задуманному плану, послал парламентаря на египетский корабль, вследствие чего тот, по свидетельству самого Кодрингтона, «не от-

крывал огня в течение по крайней мере трех четвертей часа», в то время как битва уже началась и сделалась всеобщей¹. Это в значительной степени облегчило положение английских кораблей. Упоминание некоторых источников о том, что первый пушечный выстрел был сделан с египетского фрегата (или корвета), лишено оснований. Ближе всего к истине следующее свидетельство Кодрингтона, высказанное им в письме к герцогу Кларенскому: «До сих пор ни я, ни капитан Гурзон (капитан «Азии») не можем сказать, откуда был дан первый выстрел. Но когда стали видны обе главные линии, мы обнаружили, что несколько корветов и бригов² обстреливают нас через промежутки между линиями; и я даже думаю, что они наносили нам больше ущерба, чем кто-либо из наших более крупных противников... Если бы Мухарем начал обстрел раньше, мы оказались бы в весьма опасном положении»³.

Таким образом, расчеты Кодрингтона в значительной степени оправдались. Главные египетские корабли вступили в бой вынужденно и заняли оборонительную позицию. Русским же судам пришлось иметь дело с турецкими кораблями, командование которых, рассчитывая на свою превосходящую силу и на двуличное поведение держав, стремилось уничтожить русскую эскадру и действовало самым энергичным образом.

Однако все хитросплетения англо-французского командования продолжались лишь до тех пор, пока не раздалась пушечные выстрелы. Участие русских кораблей в сражении заставило английского адмирала действовать быстро, решительно и пустить в ход все то

¹ «П. С. Нахимов». Документы и материалы, стр. 72.

² Отчеты Л. П. Гейдена и Э. Кодрингтона о сражении см. в кн.: «П. С. Нахимов». Документы и материалы, стр. 71—76; *A. Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls...*, B. V. S. 128—130; «Исторический журнал плавание эскадры И. И. Кадьяна» (ЦГА ВМФ, ф. 315, оп. 2, д. 64, л. 150—255); шканечные журналы кораблей «Азов» и «Гангут» (там же, ф. 870, оп. 1, д. 3857, 3858, 3860 и др.).

¹ «Memoire of Life of E. Codrington», v. II, p. 76.

² По-видимому, турецких.

³ «Memoire of Life of E. Codrington», v. II, p. 94.

военно-морское искусство, которым истари блестяще владели английские моряки. Кодрингтону как ученику Нельсона и одному из героев Трафальгара такая роль куда более подходила, чем мало свойственная ему роль дипломата. Теперь вся задача состояла в том, чтобы не ударить лицом в грязь и не отдать пальмы первенства в руки русских. К тому же, как только сражение началось, сама логика боя («если не будет уничтожен противник, то погибнешь ты сам») требовала от союзников максимальной энергии. Она же заставляла их оказывать друг другу всю ту помощь, на которую каждый из кораблей в тех обстоятельствах был способен.

Сражение началось в 2 часа 30 минут пополудни. Приказ Кодрингтона по соединенному флоту перед входом его в Наваринскую бухту гласил: ни одного пушечного выстрела не должно быть сделано, прежде чем не начнет стрелять противник, но, если хоть один выстрел последует с корабля противника, этот корабль должен быть немедленно пущен ко дну. В 2 часа дня, когда английские корабли встали на якорь, с английского фрегата «Дартмут» на турецкий брандер было послано гребное судно для того, чтобы принудить его отойти подальше от кораблей союзников. С брандера открыли ружейный огонь. «Дартмут» ответил. Тогда с турецкого корабля раздался первый пушечный выстрел по «Сирене», что и послужило началом сражения.

Три английских линейных корабля и французский флагман «Сирена» приняли на себя первый огонь неприятеля с правой линии. До прихода русских кораблей английский флагман «Азия», несмотря на то что корабль Мухарем-бея не вступал в бой, оказался в очень тяжелом положении, так как вынужден был одновременно сражаться с турецким линейным кораблем под

флагом капитан-бея и правым бортом помогать английским кораблям «Альбиону» и «Генуе» против двух других линейных кораблей, а также принимать на себя огонь с судов второй и третьей линии.

Когда раздался первый пушечный выстрел, русские корабли проходили в бухту через узкий пролив и приняли на себя весь перекрестный огонь батарей острова Сфактерия и береговых укреплений Наваринской крепости. Затем, выйдя из пролива, они подверглись обстрелу всех еще не занятых в бою неприятельских кораблей и действиям береговой артиллерии. Весь залп покрылся густым дымом, и в этом мраке под ядрами, сыпавшимися со всех сторон, эскадра почти осязательно шла на место, назначенное по диспозиции. Тем не менее все суда встали на якорь, согласно приказу, вблизи неприятельских кораблей. Этот маневр был выполнен блестяще и явился образцом военно-морского искусства того времени. Под непрерывным ураганным огнем русская эскадра встала в боевое положение, убрала паруса и только тогда вступила в сражение.

Особенно блестяще сражалась команда корабля «Азов», который вступил в бой одновременно с четырьмя вражескими судами: линейным кораблем, двухдечным фрегатом под флагом Тахир-паши и двумя другими турецкими фрегатами (с которыми затем сражались также и подошедшие «Гангут» и «Иезекииль») и с несколькими бригами и корветами второй и третьей линии. Одновременно «Азов» сумел помочь «Азии» в ее борьбе с 80-пушечным кораблем Мухарем-бея. Для обстрела этого корабля с «Азова» было выделено 14 орудий, разбивших ему всю корму и вызвавших пожар в констапельской каюте. Сильным картечным огнем моряки «Азова» помешали египетской команде погасить

пожар, и корабль противника, объятый пламенем, взорвался¹.

«О любезный друг! — писал П. С. Нахимов своему другу М. Ф. Рейнике, — казалось, весь ад разверзся перед нами! Не было места, куда бы ни сыпались картечи, ядра и картечь. И если бы турки не били нас очень много по рангоуту, а били все в корпус, то я смело уверен, что у нас не осталось бы и половины команды. Надо было драться истинно с особенным мужеством, чтобы выдержать весь этот огонь и разбить противников, стоящих вдоль правого нашего борта (в чем нам отдают справедливость наши союзники)... Кровавопролитнее и губительнее этого сражения едва ли когда флот имел. Сами англичане признаются, что ни при Абукире, ни при Трафальгаре ничего подобного не видали»².

В своем официальном отчете о Наваринском сражении адмирал Л. П. Гейден писал: «К чести капитана Лазарева должно присовокупить, что строгая дисциплина, ежедневное учение по пушкам и порядок, в коем служители всегда отличались, были причиной того, что корабль «Азов» действовал с таким успехом в поражении и истреблении неприятеля. Он сильным своим огнем потопил два огромных фрегата и корвет, сбил 80-пушечный корабль, который брошен на мель и напоследок был взорван, истребил двухдечный (двухпалубный) фрегат, на коем Тахир-паша имел свой флаг и который на другой день сгорел, имея, по признанию самого пашы, из 600 человек команды до 500 убитых и раненых»³.

¹ «М. П. Лазарев». Документы, т. I, стр. 326.

² «П. С. Нахимов». Документы и материалы, стр. 73-75.

³ «М. П. Лазарев». Документы, т. I, стр. 326.

Не менее славно действовали и команды других русских кораблей. Корабль «Гангут» под командованием капитана Авинова, встав на якорь в назначенном ему месте, действовал сразу против трех турецких фрегатов, из которых один был двухдечный (64-пушечный), и потопил их. Корабль «Александр Невский» под командованием капитана Богдановича сражался с несколькими судами противника и взял в плен и затем потопил турецкий 58-пушечный фрегат. Корабль «Иезекииль» (капитан И. И. Свинкин) помог «Гангуту» в сражении с фрегатом Тахир-пашы и одновременно потопил 54-пушечный фрегат и несколько мелких судов второй и третьей линии¹.

Русские фрегаты успешно громили правую сторону полумесяца, потопили несколько корветов и совместно с французским фрегатом «Армида» заставили замолчать береговые батареи острова Сфактерия. Кроме русских фрегатов на правой стороне полумесяца действовали английские фрегаты «Кембриан» и «Глазго». Французский фрегат «Армида» (капитан Югон) пришел на помощь английскому корвету «Тальбот», вступившему в бой с двумя большими фрегатами и корветом. Совместными усилиями они заставили сдаться два турецких фрегата².

При анализе схемы сражения, представленной Л. П. Гейденом в Адмиралтейство, и донесений о ходе боевых действий в Наваринской бухте прежде всего

¹ «Исторический журнал плавания» — ЦГА ВМФ, ф. 315, оп. 2, д. 64, л. 194.

² Характерно, что флаг одного из этих фрегатов был спущен греком, воспользовавшимся паникой, возникшей среди турецкой команды. Этого грека турецкие власти насильно заставили служить на корабле.

бросается в глаза то, что фактически с основными силами противника сражались все восемь русских кораблей (466 пушек), семь английских (три линейных корабля, три фрегата и один бриг «Тальбот» — всего 388 пушек), пять французских (три линейных корабля, два фрегата — всего 320 пушек). Английский фрегат «Дартмут» и четыре брига, а также два французских брига получили приказ наблюдать за брандерами, вначале находившимися у входа в бухту, и отводить их от сражающихся кораблей. Фактически они в сражении не участвовали.

Сражение кончилось в 4 часа дня полным поражением турецко-египетского флота. Из 66 военных судов, стоявших в бухте, остался лишь один фрегат и 18 мелких кораблей.

Лейтенант Рыкачев в своих «Записках» пишет, что, не считая более мелких судов (корветов и бригов), соединенному флоту сдались два линейных корабля и три больших фрегата; взорваны и потоплены один корабль и 11 фрегатов¹.

Сопоставляя различные показания участников Наваринского сражения и официальные данные отчета адмирала Гейдена, можно подсчитать, что из этого числа кораблей русская эскадра уничтожила совершенно самостоятельно: «Азов» — три фрегата и один 80-пушечный линейный корабль; «Гангут» — три фрегата; «Александр Невский» — один фрегат; «Иезекииль» — один фрегат (сюда не включаются суда, потопленные совместными действиями, а также корветы и бриги.

¹ А. П. Рыкачев Год Наваринской кампании, стр. 63. При мерно такие же цифры приводит П. С. Нахимов в своем письме М. Ф. Рейнике («П. С. Нахимов» Документы и материалы, стр. 74).

уничтоженные другими кораблями русской эскадры). Следовательно, из трех линейных кораблей и 14 фрегатов русская эскадра вывела из строя один линейный корабль и восемь фрегатов. На долю же английской и французской эскадр вместе пришлось два линейных корабля и шесть фрегатов, причем один из этих линейных кораблей, 80-пушечный корабль под флагом Мухарембея, как уже отмечалось, был потоплен совместными действиями «Азии» и «Азова».

Эти цифры являются прекрасным доказательством того, что ведущая роль в победе принадлежала русским морякам. Адмирал Кодрингтон вынужден был дать высокую оценку действиям русского флота. В письме на имя русского адмирала он поздравлял его и отмечал большое мастерство, прекрасное умение вести морской бой в самой сложной обстановке со значительно более сильным противником и особо подчеркнул замечательную храбрость и дисциплинированность русских моряков¹.

Тем не менее английская буржуазно-националистическая историография в дальнейшем всеми силами старалась умалить и свести на нет роль русского флота в Наваринском сражении. Стремясь утвердить мнение, что честь освобождения Греции принадлежит только Англии, она всячески пыталась изобразить дело так, будто главная и исключительная роль в Наваринской победе принадлежала английскому и отчасти французскому флоту, а русский флот лишь помогал им².

¹ «Северная пчела» № 12, 1828 г.

² В этом отношении очень характерна уже цитированная нами переписка адмирала Э. Кодрингтона — «Memoir of Life of Admiral Sir Edward Codrington», изданная его дочерью в 1873 г. При подборе писем для этой книги издатели намеренно изъяли всякое

На самом же деле французская эскадра действовала далеко не блестяще. Корабль «Сципион» при входе в бухту сошелся с брандером, увяз бушпритом в его вантах и, как писал Кадьян, «выпутываясь из сих сетей, упустил время быть полезным во всеобщей битве и надолго отвлек от оной фрегат «Дартмут», его спасавший»¹. Корабль «Тридент» также не занял назначенной ему позиции у фрегатов противника, а встал вблизи «Сирены», вследствие чего он не нанес врагу ожидаемого ущерба. Корабль «Бреславль» встал посредине гавани, откуда его выстрелы не достигали противника, и только в конце сражения переменял позиции, встал между «Азовом» и «Альбионом» и помог им потопить большой линейный корабль противника. Английские корабли «Азия», «Генуя» и «Альбион» действовали значительно активнее и потопили несколько судов противника (частично с помощью русских). Но, несмотря на то что они находились в более благоприятных условиях, чем русские корабли, «разрушение и истребление правого фланга неприятельского, русскими атакованного,— как писал Кадьян,— произошло гораздо скорее, нежели левого, занятого англичанами и французами»².

упоминание о русском флоте и его действиях во время Наваринского сражения. Такая же тенденция выражена и в других изданиях по истории военно-морского флота, например: *W. Z. Clowes. The Royal Navy. London, 1897—1907*; *M. Levis. The History of the British Navy. London, 1957*; *Ch. R. Low. The Great battles of the British Navy. London, 1895*; *Bretton. The naval History of Great Britain. London, 1837*.

¹ «П. С. Нахимов». Документы и материалы, стр. 80.

² «Исторический журнал плавания». Глава из журнала под заголовком «Взгляд на действие союзников» опубликована в кн.: «П. С. Нахимов». Документы и материалы, стр. 79—83.

«Трудно угадать, — писал далее историограф русской эскадры,— почему адмирал Кодрингтон, решившийся единодушно и нераздельно действовать с союзниками, не дождавшись левой колонны, пошел в порт с одной только правой, тогда когда бы ему надлежало вступить туда с обеими.

Английский адмирал, сего не соблюдавший, подверг российскую эскадру всему огню неприятельской канонады... Если бы по каким-либо обстоятельствам... адмирал гр. Гейден не успел вовремя атаковать правого крыла неприятельского, то г. Кодрингтон, ушедший вперед его с наветренную колонною, неминуемо подвергся бы сильному огню правого фланга, и тогда вместо столь блистательной победы он подвергся бы величайшей опасности и даже самой гибели»¹.

* *
*

Вынужденные участвовать в Наваринском сражении, правительства Англии и Франции спешили по возможности замаять это дело. На другой день после сражения, когда турки и египтяне жгли еще не потопленные корабли, опасаясь, что они будут взяты союзниками в приз, адмиралы послали Ибрагиму письмо, в котором советовали прекратить жечь свои суда и сохранить оставшуюся часть своего флота. Это мотивировалось тем, что эскадры союзных держав вошли в Наваринскую гавань «без неприятельских видов» и «не имеют намерения истреблять остальных судов турецкого флота, после того как получили столь полное удовлетворение

¹ «П. С. Нахимов». Документы и материалы, стр. 82—83.

за первый выстрел...»¹. Это явилось свидетельством желания союзного командования сохранить часть военно-морских сил Турции и продемонстрировать перед султаном свой отказ от дальнейших враждебных действий.

Немедленно после боя Кодрингтон дал приказ об уходе всего союзного флота из Наварина «для исправления». Не оставив близ Наварина ни одного блокирующего судна, он тем самым предоставил Ибрагиму неограниченную возможность продолжать опустошение Мореи. В результате этого, как писал Кадьян, «в начале декабря месяца (Ибрагим) на утлых и бранных остатках своего флота отослал несколько тысяч оных (греков) в Египет в неволю»².

Причины поражения османского флота в Наваринском сражении не занимали большого внимания авторов, писавших об этом событии. Большинство из них ограничивается лишь констатацией факта, что могущественный флот из 66 военных судов был потоплен 27 судами союзников, и восхвалением доблести моряков трех наций. Однако анализ этих причин представляет собой большой интерес.

Главной причиной победы союзных флотов, безусловно, являлось превосходство технического устройства и вооружения их кораблей, а также военно-морского искусства матросов и офицеров. Несмотря на отмеченные подозрительные действия английского и французского командования перед сражением и недостаточную активность французской эскадры, союзный флот проявил в разгаре боя оперативность, согласованность в

действиях, обеспечил взаимодействие судов и точность артиллерийской стрельбы. Присутствие в бухте русской эскадры заставляло союзников вести бой со всей решительностью. Матросы и офицеры трех эскадр сражались с беззаветным мужеством и истинным мастерством, достойным моряков трех великих морских держав.

Большую роль в Наваринской победе союзников сыграл моральный фактор. Вопреки политике кабинетов и планов командования матросы и часть прогрессивно настроенных офицеров английского и французского флота были воодушевлены свободолюбивыми идеями национального освобождения, сознанием, что они воюют за справедливое дело, против угнетения, тирании и бесправия,— теми же чувствами, какими были вдохновлены передовые матросы и офицеры русского флота. Война с отсталой феодально-деспотической Турцией за свободу Греции горячо одобрялась народами трех союзных держав. Единодушие, отвага и мужество моряков союзных флотов, их самоотверженная взаимопомощь были следствием сознания освободительных целей войны.

Другой причиной, в значительной степени облегчившей победу союзников, были фактическое отсутствие единого командования¹ и единодушие в действиях египетского и турецкого флотов, разногласия между Ибрагим-пашой и главнокомандующим турецкой сухопутной армией Решид-пашой, а также между Мухарембеем — командующим египетским флотом и Тахир-пашой — командующим турецким флотом.

В июле 1827 г. главнокомандующий турецкой армией Решид-паша был заменен Гусейн-пашой, так как не мог примириться с Ибрагимом. «Новый сераскир,— пишет

¹ Главнокомандующим соединенным флотом был Ибрагим-паша, но во время сражения он отсутствовал.

¹ «П. С. Нахимов». Документы и материалы, стр. 74.

² «Исторический журнал плавания». — ЦГА ВМФ, ф. 315, оп. 2, д. 64, л. 466—467.

Рибопьер в своем донесении от 26 июля 1827 г., — принял это командование с отвращением и должен был заявить, что ему будет так же трудно, как и его предшественнику, жить в согласии с египетским генералиссимусом»¹. Эти противоречия внутри командования османской армии и флота сильно ослабляли их боеспособность и создавали такое положение, что там по существу не было единого руководства военными действиями.

Паша Египта, как мы видели, вел искусную двойную игру. Он предпочел потерять в Наваринской бухте несколько своих кораблей и дать понять державам, что его участие в сражении было вынужденным и носило оборонительный характер. Эта позиция Мухаммеда-Али явилась также одной из причин поражения турецко-египетских сил в Наваринском сражении.

Известие о наваринской победе было принято передовым общественным мнением Европы с горячим одобрением, ибо эта победа рассматривалась как начало полного освобождения Греции. Вся передовая пресса была буквально наполнена сообщениями о сражении, печатались всевозможные подробности и описывались факты героизма моряков трех эскадр.

Особенно горячо приветствовало победу при Наварине русское передовое общественное мнение.

Вряд ли можно найти в истории России еще одно сражение, проведенное на чужой территории за интересы чужого народа, которое вызвало бы такое единодушное одобрение людей из самых различных слоев общества. По весьма своеобразному стечению обстоятельств их мнение совпадало, несмотря на то что каж-

дый исходил при этом из своих собственных интересов. К бурному восторгу передовой дворянской молодежи, хранившей воспоминания о декабристах и идеи национального освобождения, прибавлялось удовлетворение широких слоев дворянства, связанных с южнорусской торговлей, военных кругов, жаждущих славы и наград, высшего чиновничества, дипломатов и близких к царю аристократических семей, поддерживающих политику царизма на Балканах и в Средиземном море.

Наварин был еще одной весьма увесистой гирей на той чаше весов, где помещалась политика России. Участие в сражении связало союзные правительства по рукам и ногам. Им ровно ничего не оставалось делать, как идти по пути, намеченному Русской дипломатией. Уничтожив османский флот, они волей-неволей должны были добиваться полного выполнения Турцией условий Лондонского договора, во имя которого лилась кровь в Наварине.

Однако правящие круги Англии и Франции не спешили. В то время как в столицах обеих стран праздновалась победа отечественных флотов, в то время как газеты были наполнены всякого рода документами, корреспонденциями, письмами с красочным описанием военных действий и подвигов моряков, а поэты посвящали героям Наварина свои стихи и поэмы, мрачное уныние охватило тех, кто стоял у власти.

Под влиянием общественного возбуждения, вызванного Наваринским сражением, которое как-никак всплеснуло еще одну славную страницу в историю британского флота, английский король вынужден был по примеру русского и французского монархов наградить отличившихся. Но уже в январе 1828 г. он дал волю своим истинным чувствам и в тронной речи на открытии новой

¹ АВПР, Канцелярия, 1827, д. 2363, л. 73—74.

сессии парламента назвал Наваринское сражение «досадным событием». Подписывая приказ о награждении Кодрингтона, он написал на полях этого документа: «Я посылаю ему ленту, хотя он заслуживает веревки»¹. Все это говорилось и делалось королем под влиянием стоящей за его спиной правой части консервативной партии, защитницы интересов земельной аристократии и крупной буржуазии, нажившей несметные богатства на морской торговле и грабеже колоний.

Правые тори во главе с герцогом Веллингтоном обьявили премьер-министра Годрича и статс-секретаря Дедли неспособными защищать интересы Британской империи, ибо участие Англии в наваринском деле расценивалось как «вопиющее» нарушение традиционной британской политики на Ближнем Востоке.

Слабое и бездарное правительство Годрича не смогло удержаться под натиском столь мощной оппозиции. Вскоре после того как в Лондоне стало известно об этой победе, глава кабинета лорд Годрич, как пишет в своем дневнике княгиня Ливен, «внезапно исчез» и через неделю отсутствия написал прошение об отставке. Министрство пережило его лишь на три недели и пало, уступив место правым тори во главе с так долго жаждавшим власти герцогом Веллингтоном.

Дедли, удержавшийся у власти, старался убедить султана в том, что английское правительство не несет ответственности за события в Наварине. По существу он свалил всю вину на Кодрингтона. Немедленно по получении известия о сражении он отправил в Турцию со специальной миссией Джона Гора, который должен был как-нибудь замять это дело, извиниться перед султаном

и заверить его в «дружеских чувствах» английского правительства.

В официальном послании, отправленном с Джоном Гором Кодрингтону на Мальту, где тот находился после Наваринского сражения, Дедли писал: «Из мер, принятых для осуществления договора, совершенной неожиданностью для Его Величества было столкновение в Наваринском порту между флотами договорившихся держав и Оттоманской Порты.

Незирая на доблесть, проявленную соединенным флотом, Его Величеству прискорбно, что произошло такое столкновение с морской силой исконного союзника Англии; но Его Величество все же надеется, что это досадное событие не будет сопровождено дальнейшими враждебными действиями и не помешает несогласиям между Портой и Грецией уладиться миролюбиво»¹.

Одновременно Дедли направил Стратфорду Каннингу инструкции смягчить положение, созданное уничтожением турецко-египетского флота, сохранить дружбу султана, предупредить, что Великобритания ни в коем случае не намерена воевать².

Итак, всей своей дальнейшей политикой английское правительство сводило к нулю результаты, добытые тремя соединенными народами в борьбе за греческую независимость. Это внушало султану мысль, что союз держав крайне непрочен, что их дальнейшие шаги не будут столь единодушными, и что если уж Великобритания придется настаивать на выполнении требований Лондонского договора, то она будет это делать только для того, чтобы не уронить свой дипломатический престиж, и никогда не примет участия в войне.

¹ Е. В. Богданович. Наварин 1827—1877, М., 1877, стр. 61—62

² А. Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls., В V, S 126

^{1*} «The Unpublished Diary. .», p. 131.

В начале 1828 г. Кюдринтон был отозван и вскоре получил отставку, что было равносильно отречению от наваринского дела. 2 ноября 1828 г. английский и французский послы официально выразили султану сожаление своих правительств о сражении, последние не считают себя в состоянии войны с Портой и не намерены обострять отношения. Это еще более утвердило султана в мысли, что даже в случае разрыва дипломатических отношений ему придется иметь дело только с одной Россией. Он объявил Аккерманскую конвенцию расторгнутой, наложил эмбарго на грузы кораблей, идущих к Черному морю, закрыл проливы и стал готовиться к открытию военных действий на Дунае.

Однако правительства Англии и Франции перед лицом своих народов, несмотря на свое крайнее нежелание, не могли отречься полностью от подписанного ими Лондонского договора. 30 октября три посла отправили реис-эфенди коллективную ноту с предложением начать переговоры на основе условий договора¹. На эту ноту союзники получили полный отказ и требование возмещения убытков, понесенных Турцией в Наваринском сражении. Это был явный вызов, и достоинство великих держав требовало лишь одного ответа. 2 декабря султану была послана ультимативная нота: если Порта не заключит с греками немедленного перемирия по всему фронту на суше и на море и не примет немедленно требований союзников, то послы потребуют свои паспорта².

8 декабря послы трех держав выехали из Константинополя, причем английский и французский конфиденциально предупредили султана, что это не приведет к

дальнейшим осложнениям отношений с представляемыми ими державами.

Как и предполагалось, английское и французское правительства, отозвавшие своих послов из Константинополя, не желали делать никаких серьезных выводов из этого решения. Веллингтон снова и снова предлагал ограничиться «крейсерованием» и «убеждением» Ибрагима в необходимости уйти из Мореи. Как доносил Ливен, он «возмутился» таким поведением Веллингтона и заявил, что это означает отказ Англии от обязательств Лондонского трактата¹. Все дальнейшие переговоры ясно показали, что западноевропейские союзники России запутались в противоречиях. Они не могли денонсировать Лондонского договора, потому что интересы их буржуазии требовали проведения всех его условий в жизнь, но они не желали ни участвовать в войне против Турции, ни допустить единоличного выступления России. В результате они так ничего и не предприняли в этой весьма сложной для них ситуации.

Уверенность в том, что ни Англия, ни Франция не намерены воевать и будут всеми силами удерживать от этого Россию, обусловила упорное сопротивление и вызывающие действия турецкого правительства, что дало повод России объявить Турции войну 26 апреля 1828 г. Поскольку английское и французское правительства отказались от дальнейших решительных действий и довели дело до русско-турецкой войны, помощь грекам в освобождении их родины легла на плечи России. Дальнейший ход событий зависел только от успехов русских армий на Балканах и на Кавказе и самих греческих повстанцев на греческом материке.

¹ Ф. Мартенс. Собрание трактатов..., т. XI, стр. 369—370.

¹ A. Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls, B. V, S. 130.

² Там же, стр. 135.

В течение всего времени, когда происходили описанные выше события, греческие повстанцы не прекращали упорной борьбы, исполненной отчаянной отваги и героизма.

Перед лицом смертельной опасности все снова и снова выявлялся разительный контраст между трусливым поведением буржуазного правительства и примыкавших к нему богачей и решимостью народа отстаивать свои завоевания. В то время как правительство в состоянии полной бездеятельности ожидало прибытия Каподистрии, народные вожди, получившие свободу действий, продолжали вести широкую партизанскую войну. Феодорис Колокотронис вновь собрал армию повстанцев и организовал оборону пелопоннесских городов и крепостей, лежавших на пути следования армии Ибрагима, а сына и зятя отправил на север для руководства партизанскими действиями в тылу турецких войск.

Во время наваринских событий греки осадили город Трикерис в Восточной Элладе и образовали новые партизанские отряды в Акарнании. Под командованием Константиноса Боцариса они взяли несколько городов, а затем осадили крупный центр Западной Эллады Апатолон. В тылу турецких и египетских войск, там, где

после массового истребления жителей, разорения и пожаров оставалось хоть какое-либо население, вновь и вновь вспыхивала горная партизанская война. На островах, особенно на Крите (Кандии) и Самосе, шли непрерывающиеся военные действия между турецкими и греческими войсками.

Несмотря на блокаду, установленную эскадрами держав, греческий флот продолжал морскую войну. За несколько дней до Наваринского сражения эскадра греческих судов под командованием капитана Гастингса предприняла крупную операцию в Салоникской бухте. В результате этой операции греки сожгли семь стоявших там турецких кораблей и установили таким образом коммуникации между Пелопоннесом и Западной Элладой. Но действия греческого флота были парализованы блокадой, которую командование английской и французской эскадр гораздо энергичнее проводило в отношении греческого флота, чем в отношении турецкого.

В начале 1828 г в Грецию прибыл Каподистрия. Прежде чем занять свой президентский пост, он ездил по Европе в надежде получить новые займы для пополнения опустошенной греческой казны. Еще с конца 1827 г. Россия настойчиво предлагала Англии и Франции совместно поддерживать новое правительство Греции — назначить ему ежемесячную субсидию или дать заем. Она предлагала также подписать с греками соглашение о снабжении провиантом греческих крепостей, выработать совместные меры для быстрого очищения Пелопоннеса от египетских войск¹.

¹ Дешеш Нессельроде Ливену от 25 декабря 1827 г. *С Та-тищев*. Внешняя политика императора Николая Первого. Спб., 1887, стр. 176.

Однако кабинет Веллингтона меньше всего стремился давать деньги Каподистрии, ибо это значило своими собственными руками укреплять финансовое положение Греции и содействовать созданию греческой регулярной армии, которая могла в случае войны, с одной стороны, помочь России одержать победу над Турцией, с другой — очистить гораздо более значительную часть своей собственной территории, чем того хотела Англия.

На упорные и многократные официальные предложения России о совместной финансовой поддержке союзниками нового греческого правительства и назначении ему субсидии английское правительство отвечало категорическим отказом, причем Веллингтон в каждом ответе на русские депеши упорно подчеркивал, что задачей держав является «восстановление спокойствия» лишь в пределах Пелопоннеса и нескольких островов, непосредственно к нему прилегающих. В декабре 1827 г. в России был получен английский меморандум с протестом против готовящейся войны России с Турцией. В этом документе впервые совершенно официально заявлялось о том, что во избежание острых конфликтов с Турцией Англия совместно с Францией предлагает ограничить новое греческое государство одной лишь Мореей (Пелопоннесом).

В ответе на этот меморандум русское правительство выразило категорический протест против такого вопиюще несправедливого предложения, осуществление которого, по его мнению, нанесет колоссальный вред как населению северных областей Греции и островов, не включенных в состав греческого государства, так и самому этому государству¹.

¹ См. Г. Палеолог и М. Сивинис, Исторический очерк., т. I, стр. 85.

Связанность договором и обязательством действовать совместно с Англией и Францией мешала России активно помогать грекам. Всякая материальная и денежная помощь должна была производиться только от имени всех трех держав. Россия не могла дать больше других, чтобы не прослыть «покровительницей первого ранга». Но Англия помогать отказывалась, Франция пребывала в состоянии нерешительности, а Греция продолжала оставаться обескровленной и разоренной. В казне не сохранилось ни гроша, создавать армию и восстанавливать разрушенное хозяйство страны было решительно не на что. Каподистрия много раз тщетно зывал о помощи. Несмотря на наваринскую катастрофу, войска Ибрагима продолжали опустошать Пелопоннес, ибо блокада греческих берегов со стороны союзных эскадр, ушедших на Мальту, фактически была снята¹.

В такой обстановке России ничего не оставалось делать, как оказывать помощь Греции тайно. Прежде всего греческому правительству были тайно вручены те «пособия», которые привезли к берегам Греции бриги «Ревель», «Охта» и «Усердие». Затем адмирал Гейден направил Каподистрии денежные средства, переданные ему для греческого правительства еще во время отплытия эскадры Сенявина из Кронштадта. В своем письме Нессельрде от 28 февраля 1828 г. адмирал Л. П. Гейден писал: «Смею надеяться, что императорское министерство одобрит меня за посылку графу Каподистрии временного денежного пособия, отправленного мною

¹ Русские корабли очень сильно пострадали во время сражения и вынуждены были уйти на Мальту для ремонта, часть английских — также. Но у англичан и французов была полная возможность оставить часть кораблей для блокады или направить туда новые, однако они этого не сделали.

со всеми необходимыми предосторожностями для избежания огласки. Это пособие, разумеется, не в состоянии удовлетворить все нужды в это критическое время, когда Каподистрия вооружает эскадру греческого флота»¹.

17 марта греческий флот в составе восьми брига под командованием адмирала Сахтуриса был сформирован и направлен для блокирования греческих берегов. 19 марта Гейден сообщал Каподистрии о том, что ввиду полного опустошения, произведенного войсками Ибрагима в Морее, он направил к Навплиону транспортное судно «Пример» с грузом в «несколько сот пудов сухарей» для скорейшего снабжения крепости съестными припасами. Кроме того, он просил Кодрингтона послать греческому правительству на корабле «Варспайт» 100 бочонков пороха, которые Россия обязуется вернуть британскому флоту. При этом адмирал писал Каподистрии, что если указанного количества пороха окажется недостаточно, то он может взять еще у капитана русского фрегата «Елена» Епанчина². В письме от 18 апреля на имя Каподистрии Нессельроде объявлял наконец, что русское правительство направило греческому субсидию 1,5 млн. руб. «на самые неотложные нужды армии и на восстановление народа».

На Лондонской конференции послы 12 марта 1828 г. Ливен снова предложил державам дать Греции заем в 2 млн. ф. ст., одну треть которого Россия брала на себя. Представитель Англии резко протестовал против этого, но французское правительство на сей раз ока-

залось мудрее и вслед за Россией также обещало Греции ежемесячные субсидии в 500 тыс. фр. ежегодно.

Каподистрия тотчас же по приезде в Грецию наряду с усиленной работой по упорядочению внутригосударственных дел начал организацию и снабжение армии. Скоро была создана регулярная армия из 8 тыс. человек под командованием Деметриуса Ипсиланти. Нерегулярные части греческой армии под командованием Колокотрониса и других капитанов, действовавшие на Пелопоннесе и в Западной Греции, начали наконец получать от центрального правительства оружие, боеприпасы и даже некоторую долю продовольствия. Общим армиям предстояло вести активные действия, чтобы в то время, как силы Турции будут отвлечены русскими войсками на север, отвоевать как можно больше греческой территории.

Отъезд из Константинополя послы союзных держав, как и предполагалось, привел к усилению враждебной политики турецкого правительства лишь к одной из них — к России. Стеснения для русской торговли в проливах достигли небывалой степени. Торговые суда под русским флагом попросту задерживались в Босфоре, и купцов заставляли продавать их грузы турецким властям по цене, установленной турками. Проход через Дарданеллы фактически не допускался. Русские подданные и торговцы в противоположность таковым из западных стран подвергались всевозможным притеснениям, и многие из них без всяких на то оснований насильственно выселялись из пределов Османской империи.

20 декабря 1827 г. был опубликован знаменитый Байян-наме (манифест) султана, в котором провозглашалась священная война против «неверных».

¹ Г. Палеолог и М. Сивинис. Исторический очерк, т. I, стр. 87.

² См. там же, стр. 130.

Россия начала открыто готовиться к войне. Русское правительство в ряде депеш объявило Европе, что Россия, начиная войну, заранее отказывается от каких-либо территориальных приобретений в европейской части султанских владений и тем более не собирается разрушать Османскую империю или каким бы то ни было образом угрожать мусульманской вере¹. Еще раньше, в декабре 1827 г., пытаясь как-то успокоить союзников, Ливен убедил английское правительство подписать «Протокол о бескорыстии трех союзных держав», который в общем повторял параграф 5 Лондонского трактата. Там еще и еще раз было заявлено, что в случае войны с Турцией державы: 1) обязуются при заключении мира «держаться постановлений Лондонского договора»; 2) каков бы ни был исход войны, ни одна из них не будет искать никакой исключительной выгоды, ни торгового преимущества, ни территориального расширения².

В декларации, предшествовавшей объявлению войны, русское правительство снова повторяло все эти обещания.

14 (26) апреля 1828 г. царь подписал манифест об объявлении Турции войны. Так как, согласно Лондонскому договору, Россия была обязана выступать в греческом вопросе совместно с державами, а ее отдельные действия могли вызвать образование антирусской коалиции, то в царском манифесте ни слова не говорилось о греках. Однако всем было ясно, что именно греческая проблема явилась главной причиной войны. То, чего не сообщали в депешах европейским послам, откровенно высказывали в письмах Гейдену. Так, в одном

из них, от 17 апреля 1828 г., прямо говорилось: «Россия немедленно перестанет быть воюющей державой при исполнении мероприятий, требующихся выполнением трактата 6-го июля»¹.

Несколько ранее, в своем письме к Каподистрии от 21 марта 1828 г., Нессельроде выразил всю суть политики России в этот период. «Чем более обстоятельство нам показывают,— писал Нессельроде,— что Россия будет, вероятно, оставлена одна в своей войне с турками и что, может быть, даже ей придется действовать против коалиции, государь тем более считает себя обязанным выказать всю свою энергию в употреблении средств, которые могут привести к скорейшему исполнению Лондонского трактата... Мы будем вести эту войну с совершенно готовым трактатом, в коем будет заключаться между прочим: возобновление и дополнение привилегий Княжеств и Сербии, разрушение турецких крепостей на левом берегу Дуная, положительные обеспечения для свободной торговли Черного моря, уступка нам Анапы и Потти в Азии без увеличения наших территориальных владений в Европе и определение вознаграждения за убытки наших подданных и расходы, причиненные нам войной... Мы написали ему (Л. П. Гейдену), чтобы он объявил своим коллегам и грекам, что Россия будет стремиться только к исполнению Лондонского трактата и что она не ищет исключительного влияния на Грецию... Мы написали ему также, чтобы он доставлял грекам по вашему требованию пособие в съестных припасах, в военных снарядах и вообще все, что ему будет возможно дать. Наше положение воюющей державы дает нам право считать греков союзни-

¹ См. *Ф. Мартенс. Собрание трактатов.*, т. XI, стр. 371.

² См. там же, стр. 381—382.

¹ *Ф. Мартенс. Собрание трактатов.*, т. XI, стр. 377.

ками и помогать им всеми нашими силами, тем более что государь считает нужным, дабы в тот день, когда мы заключим мир с турками, Греция находилась в положении, которое дало бы нам право и средства, не смотря на виды Англии, Франции и Австрии, положить основы ее возрождения и установить границы будущих ее владений в соответствии с июльским трактатом.

Вы согласитесь с нами, граф, что теперь, больше чем когда-либо, судьба Греции заключается в руках самих греков, но только в таком случае, если им будет деятельно помогать Россия своей войной против Турции»¹.

Далее грекам давался совет немедленно на субсидии, которые им переданы, закончить набор войск, начать активные военные действия и занять всю Грецию до линии Арта — Волос, что даст России право «постановить для них условия на основании права владения».

14 (26) апреля русская 2-я армия под командованием Витгенштейна перешла Прут и без единого выстрела заняла Молдавию и Валахию при всеобщем ликовании славянского и греческого населения Княжеств. Затем в начале июня она перешла через Дунай и взяла почти без боя турецкие крепости Мачин Исака, Браилов, Гирсово, Тульча, Кюстендже. У трех сильнейших турецких крепостей — Силистрии, Шумлы и Варны — русские войска, численность которых была весьма незначительной, остановились. В конце 1828 г. сдалась и Варна, но Силистрия и Шумла оставались верными оплотами султана. Подошедшая зима заставила часть русской армии уйти на зимние квартиры за Дунай.

¹ Г. Палеолог и М. Сивинис. Исторический очерк, т. I стр. 108—109.

В это время греки также вели активные боевые действия. Главной задачей греческой армии было, несмотря на многочисленные протесты английской и французской дипломатии, занять как можно больше областей, особенно на континенте Греции, чтобы при заключении мира можно было на основании «права владения» настаивать на расширении границ будущего свободного греческого государства. Это было основной мыслью Каподистрии, Колокотрониса, Деметриуса, Ипсиланти и других вождей греческого народа в тот период времени. Русская дипломатия в своих депешах греческому правительству также делала упор именно на этот момент. В инструкции Гейдену от 14 августа 1828 г. Нессельроде писал о том, что греки должны приложить все усилия и «распространить свои границы на запад, восток, север и в Архипелаге настолько, сколько им необходимо для образования прочного и крепкого государства». Для осуществления этих планов Каподистрия получил от русского правительства совет немедленно предпринять наступление против Эвбеи, Кандии, в направлении Арты и Восточной Греции. Гейдену было отправлено предписание помогать грекам блокадой греческих берегов и крепостей¹.

В инструкциях русским послам в Париже и Лондоне, Рибоьеру, находившемуся на Мальте, и Булгарису — представителю России в Греции также ставился вопрос о необходимости освободить от турок и египтян как можно больше греческой земли. «Так как Греция будет обеспечена со стороны Пелопоннеса, — указывалось там, — то император желал бы, чтобы греческое

¹ См. Г. Палеолог и М. Сивинис. Исторический очерк., т. I, стр. 146.

правительство обратило свое внимание на расширение своих будущих границ. Поэтому не мешало бы греческим силам произвести нападение на крепости, лежащие в Аттике и северной Греции. В случае даже невозможности овладеть этими крепостями греки должны постараться занять как можно больше областей, чтобы по окончательном разграничении они могли опереться на принцип «права владения» и выговорить себе возможно большую территорию»¹.

Самая активная военная деятельность греков во время русско-турецкой войны была для них необходима тем более, что по мере продвижения русских войск по Балканскому полуострову английская и французская дипломатия все решительнее настаивала на ограничении будущей территории Греции одним лишь Пелопоннесом.

Еще летом 1828 г. обе греческие армии перешли в наступление на востоке на Аттику, на западе на Макронисос. Осенью 1828 г. греческие войска под командованием Деметриуса Ипсиланти вступили в Беотию и Фокиду, взяли Солону и Карпенисион и нанесли поражение туркам при Пете. Западная армия очистила от турок все области до Лепанто, взяла этот город и продолжала наступление в северо-западном направлении. Большое значение в этих победах греков сыграли успешные действия русской армии на Балканах, которые отвлекли из Греции значительные военные силы Турции. Войска Ибрагима из-за строгой морской блокады, установленной русскою эскадрой, не получали с моря подкреплений ни войсками, ни оружием, ни продовольствием и вынуждены были отсиживаться в приморских городах

¹ См. Г. Палеолог и М. Сивинис. Исторический очерк., т I, стр 147—148.

на западе Пелопоннеса, продолжая опустошать все вокруг.

В середине июня 1828 г. Ибрагим обратился к командирам союзных эскадр с просьбой о том, чтобы они пропустили его курьера в Египет к Мухаммеду-Али с сообщением о критическом положении его армии. Эта просьба была немедленно уважена, и вскоре посланец Ибрагима привез ему весть о решении паши эвакуировать египетские войска с Пелопоннеса. Союзные адмиралы изъявили полную готовность всеми доступными им средствами помочь Ибрагиму в этом деле, предоставив ему даже транспортные суда и конвой союзных кораблей, предупредив его, однако, чтобы он не вздумал брать с собой ни одного пленного грека.

Уже в августе 1828 г. началась эвакуация армии Ибрагима. Очищение Пелопоннеса было следствием русско-турецкой войны, отвлекавшей основные силы Турции на север, и активных действий греческой армии на Пелопоннесе и в континентальной Греции. Однако Англии и Франции, со стороны взиравшим на фактическое освобождение Греции русскими и греческими солдатами, весьма нежелательно было отдавать честь этого освобождения одной только России да и самой Греции. «Союзники» пожелали сделать вид, что и они что-то делают для этой же цели. 19 июля 1828 г., когда вопрос об эвакуации египетских войск с Пелопоннеса уже был решен, в Лондоне собралась очередная конференция, подписавшая протокол о посылке на Пелопоннес корпуса французских войск для того, чтобы «принудить Ибрагима покинуть Морею» (англичане отказались даже от этого символического действия)¹.

¹ См. Ф. Мартенс. Собрание трактатов, т XI, стр. 383—387.

Французский корпус под командованием генерала Мэзона прибыл в Коронский залив 30 августа, когда часть основных сил египетской армии была уже отправлена, а другая готовилась к этому. Небольшие гарнизоны египтян, оставленные в крепостях Наварине, Корони, Метони и Патрасе (всего 1200 человек), находились там до октября, а затем без сопротивления сдали эти города французам и отплыли в Египет.

Этих «героических действий» французских войск, среди которых очень скоро по прибытии в Морею начались массовые желудочные заболевания (как полагает Г. Гервинус, от «неумеренного употребления вина и фруктов»), было достаточно, чтобы французские газеты, а вслед за ними и историки протрубили на весь мир об «освободительной миссии» французов в Греции. Все это нужно было исключительно для того, чтобы умалить роль самих греков и России в освобождении Греции.

В то время как греческие солдаты дрались с турками на востоке и западе греческого континента, на Крите и Самосе также происходили непрерывные военные действия между повстанцами и турецко-египетскими войсками. Когда известия об очищении Пелопоннеса и победах русских войск на Балканах проникли на Крит, жители острова поголовно взялись за оружие. Во время эвакуации войск Ибрагима из Мореи русская эскадра под командованием Л. П. Гейдена установила блокаду острова, чтобы египетские войска не могли занять его и превратить в базу для турецкого и египетского флота.

Летом 1828 г. в воды Архипелага прибыла из Кронштадта новая эскадра русских кораблей под командованием адмирала П. И. Рикорда, состоящая из одного линейного корабля и трех фрегатов. В октябре русский флот установил блокаду Дарданелл.

Блокада Дарданелл и Крита встретила бурные протесты английской дипломатии. Особенно решительно она требовала снятия блокады с Крита, так как сильно опасалась, что при заключении мира русские и греки начнут требовать присоединения острова к свободной части Греции на основании «права владения». Много раз и весьма упорно английское правительство устами своего нового министра иностранных дел Эбердина¹ повторяло Ливену, что ни на какие иные размеры территории независимого греческого государства, кроме Пелопоннеса и нескольких мелких островов, оно не согласится.

В ноябре Лондонская конференция при упорном сопротивлении Ливена постановила снять блокаду Крита, что значило отдать его туркам на полное разграбление. «Союзники» не учли весьма «незначительного» фактора — героического населения Крита, которое приняло участие в восстании с самого его начала и не сложило оружия до конца.

Как только блокада была снята, турки начали активно готовиться к военным действиям против греков.

В январе 1829 г. в Кандийский порт вошли два египетских корвета. В тот же день египетский корвет и бриг бросили якорь в гавани Армиридо перед Судским шортом. На бортах этих кораблей были подкрепления для турецких войск, находившихся в крепости.

Чем же была вызвана такая политика Англии в отношении революционного греческого острова? С одной стороны, нежеланием создавать сильную Грецию, которая будет иметь достаточно территории и материальных

¹ Дедли, склонный к дружбе с Россией, в июне 1828 г. ушел в отставку и был заменен Джорджем Гамильтоном Эбердином — приверженцем политических взглядов Меттерниха

ресурсов, чтобы стать самостоятельной и в конце концов отказаться от «милостей» британской буржуазии. С другой — до поры до времени скрываемым желанием рано или поздно самой захватить этот большой и богатый остров на Средиземном море, лежащий на британских путях в Индию.

В течение всего этого периода происходила упорная борьба русской дипломатии с «союзниками» по вопросу о границах будущего греческого государства. К великому сожалению для греков, Россия действовала со связанными руками: она вынуждена была идти на постоянные уступки Англии и Франции, чтобы они не превратились из «союзников» во врагов, не образовали вкуче с Австрией антирусской коалиции и не выступили все вместе против нее на стороне Турции. Скрепя сердце, Ливен в Лондоне подписывал протоколы, вовсе не выражавшие стремлений России.

В марте 1829 г. в Лондоне происходила очередная конференция, на которой особенно ярко выявилась враждебная позиция Англии по отношению к грекам. С циничной откровенностью Веллингтон и Эбердин, лично присутствовавшие на конференции, потребовали, чтобы Греция была ограничена только Пелопоннесом и Цикладами. Ни на какое расширение границ сверх этого прокрустова ложа английская дипломатия не соглашалась. Напрасно Ливен и прибывший в Лондон чрезвычайный посланник России граф Матушевич убеждали представителей Англии, что заключение Греции в указанные границы — преступление перед греческой нацией, так как исключает из состава нового государства исконные греческие земли, лишает Грецию богатых природными ресурсами северных областей и отдает под иго султана сотни тысяч греческих патриотов, восемь лет

героически сражавшихся с турецкой реакцией. Все оказывалось напрасным. Веллингтон упрямо стоял на своем. Блестящий дипломат и остроумнейший человек граф Матушевич в одном из своих донесений в Петербург справедливо заметил, что он никак не может понять, кого генерал ненавидит больше — Россию или Грецию¹. Генерал всеми силами старался выбить инициативу в греческом вопросе из рук России и доказать, что этот вопрос должен быть разрешен независимо от хода и исхода русско-турецкой войны.

Но русские солдаты не для того проливали свою кровь в сражениях с турками за свободу Греции, чтобы англичане затем диктовали свои условия. На все доводы Веллингтона русские представители вполне логично заявляли, что было бы в высшей степени странно отстранять Россию от разрешения греческих дел, когда именно из-за них-то главным образом и началась война и когда Россия провозгласила основным условием прекращения этой войны и заключения мира предоставление Греции полной внутренней и внешней свободы.

Несмотря на резко отрицательную позицию Англии, России удалось одержать крупную победу. Франция, готовившаяся к походу на Алжир и нуждавшаяся в поддержке России, на сей раз встала на ее сторону. 22 марта был подписан протокол, согласно которому английскому и французскому послам поручалось отправиться в Константинополь и начать переговоры с турецким правительством от имени трех держав об освобождении Греции на следующих основаниях: 1) граница автономного греческого государства на севере должна будет проходить по линии от залива Волос в Эгейском

¹ См. Ф. Мартенс. Собрание трактатов., т. XI, стр. 396.

море — на востоке, до устья реки Арта в Амвракийском заливе Ионического моря — на западе, а также включать Эвбею, Циклады и прилегающие к материковой Греции острова; 2) греки обязуются платить султану ежегодную дань в 1 500 тыс. турецких пиастров, 3) под сюзеренитетом Порты Греция будет иметь полную свободу внутреннего управления и внешних отношений, торговли, мореплавания и религии, 4) в греческом государстве устанавливается монархическая форма правления, причем король Греции будет отнюдь не греком, а иностранцем христианского вероисповедания. Он назначается по взаимному соглашению трех держав, но ни в коем случае не из членов семейств, царствующих в одной из стран-союзниц.

Последний пункт, грубо нарушавший суверенитет еще не созданного государства и заранее ставивший его под контроль той из держав, которая окажется сильнее, видимо, удовлетворил всех участников конференции. Николай I, яростный легитимист и реакционер, не допускал даже и мысли, что Греция может стать республикой. Равно так же не допускали ее и представители конституционных монархий Англии и Франции. Это был единственный пункт, по которому на конференции царил полное единодушие. Острые разногласия возникли потом, когда стали выбирать кандидата на греческий престол. О принципе же — монархия или республика — никаких споров даже и не возникало.

Но в то время когда речь шла о самом существовании греческого государства и о жизненно важных для него пространствах, вопрос о форме правления, естественно, отодвигался на задний план. В отношении вопроса о границах позиция России сыграла для Греции весьма положительную роль. Русская дипломатия тре-

бовала включения в состав будущего независимого греческого государства всех земель, населенных греками, и согласилась на урезывание его границ лишь под угрозой создания антирусской коалиции западноевропейских держав, включая рвавшуюся в бой Австрию. А такая коалиция во время ее войны с Турцией могла нанести России поражение, как это случилось во время Крымской войны. Только эта угроза заставляла Россию идти на уступки.

Каподистрия от имени греческого правительства горячо протестовал против условий мартовского протокола. Особенное возмущение в Греции и на самих островах вызывало исключение из состава независимого греческого государства Крита и Самоса, которые силами своих патриотов к этому времени уже почти полностью были очищены от турок.

Английское правительство устами своего представителя в Греции Даукинса поспешило потребовать от Каподистрии, чтобы он дал распоряжение своим войскам немедленно очистить все территории, не входящие в границы, начертанные мартовским протоколом¹. Но Каподистрия наотрез отказался от этих оскорбительных требований. В течение весны и лета 1829 г. греческие войска продолжали успешные боевые действия и одержали над турками несколько крупных побед на континенте Греции. В начале мая турки очистили наконец Месолонгион и Анатоликон. К концу русско-турецкой войны вся территория Греции до линии Арта — Волос была полностью освобождена. Однако, в то время как греки постепенно овладевали все новыми и новыми обла-

¹ Письмо Даукинса Каподистрии от 6 мая 1829 г. — См. С. Тащев. Внешняя политика императора Николая Первого, стр. 270.

стями, противодействие английского правительства продолжалось. Мало того, что оно под угрозой военных действий заставило Россию снять блокаду с Крита. Командир английских военно-морских сил на острове Корфу капитан Спенсер заявил Миаулису, что он не признает греческой блокады земель, не включенных в гарантируемую территорию, и применит силу, если греческий флот будет мешать подвозу к ним грузов (в том числе и военных)¹.

Впрочем, и границы, установленные мартовским протоколом, не были незыблемыми. Стоило русским войскам на Балканах потерпеть поражение, как англичане с превеликим удовольствием отправили бы этот протокол в корзину для мусора. Вся судьба Греции зависела от успехов русской армии. Приостановленные на зимнее время военные действия между Россией и Турцией возобновились в мае 1829 г. 30 мая (11 июня) русские войска наголову разбили турок у деревни Кулевче, 18 (30) июня капитулировала Силистрия. В июле русская армия форсировала Балканские горы, взяла город Бургас и, преследуя в панике отступавшего врага, вступила в город Адрианополь, находящийся всего в нескольких километрах от столицы Османской империи Константинополя.

Победа русской армии ошеломила английских государственных деятелей. Они прямо выражали Ливену и Матушевичу опасения, что Россия возьмет Константинополь и разрушит Османскую империю. Но эти опасения не имели под собою реальной основы. Россия предложила Турции как раз те условия мирного догово-

¹ См. Г. Палеолог и М. Сивинис. Исторически очерк., т I, стр. 200.

ра, о которых она заявила Европе еще до начала войны. Она требовала: свободы судоходства в проливах и на Дунае, срытия турецких укреплений на левом берегу Дуная, свободы горговли в пределах Османской империи, автономии Молдавии, Валахии и Сербии и осуществления условий Лондонского договора в отношении Греции. Она не претендовала на территориальные приобретения в европейской части Османской империи и требовала лишь присоединения части кавказского побережья Черного моря, включая города Анапу, Потю, Ахалцых и Ахалкалаки.

14 сентября 1829 г. в Адрианополе был подписан мирный договор России с Турцией, включавший в себя именно эти условия. Статья 10 договора утверждала за Грецией права, предусмотренные Лондонским договором 6 июля 1827 г. и Лондонской конференцией 22 марта 1829 г.

Всякие попытки султана, поддерживаемого английским, французским и австрийским послами в Константинополе, при переговорах о мире ограничить территорию свободной Греции были решительно отвергнуты. Русские представители в Адрианополе А. Ф. Орлов и Ф. П. Пален решительно заявили, что ни на какую другую границу, кроме линии от Арты до Волоса, Россия не согласится. Представителям Турции Мехмеду Садыку Эфенди и Абдул Кадыр-бею ничего не оставалось делать, как согласиться. То, в чем султанское правительство на протяжении ряда лет бесконечное число раз отказывало послам союзных держав, было подписано им без звука под страхом перед русской армией, стоящей близ стен турецкой столицы.

Итак, свобода Греции была завоевана силой русско-го оружия, русскими крестьянами, одетыми в солдатские

шинели. Оценивая результаты многолетней борьбы России, направленной на освобождение Греции от турецкого ига, А. С. Пушкин писал: «В 1829 году внимание Европы было обращено на Адрианополь, где решалась судьба Греции, целые восемь лет занимавшей помышления всего просвещенного мира. Греция оживала, могущественная помощь Севера возвращала ей независимость и самобытность»¹.

Анализируя роль России и западных держав в греческом вопросе в этот период, Ф. Энгельс писал: «А кто решил исход борьбы во время греческого восстания? Не янинский паша Али со всеми его заговорами и мятежами, не битва при Наварине, не французская армия в Морее, не лондонские конференции и протоколы, а русская армия Дибича, перешедшая Балканы и вступившая в долину Марицы»².

Этот неопровержимый факт больно бил по политическому престижу Англии и Франции. Как только английское правительство получило полный текст Адрианопольского мирного договора, оно выразило России формальный протест против всех его статей. Веллингтон категорически объявил, что статья 10, содержащая, между прочим, те самые условия, которые Англия собственноручно и вполне добровольно подписывала, является «прямым оскорблением» для представляемой им державы. «Поджог и взятие Константинополя,— заявил Ливену Веллингтон,— в тысячу раз менее затруднили бы английское правительство, нежели такой результат»³. Вторя своему старшему коллеге, Эбердин сказал

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XI, М., 1949, стр. 217.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 32.

³ Ф. Мартенс. Собрание трактатов, т. XI, стр. 417.

русскому послу, что английское правительство согласно «претерпеть все, за исключением срама». «Но,— заметил по этому поводу Ливен в своем донесении в Петербург,— был еще иной вид срама, которого английское министерство боялось больше, чем всякого другого. Это было — надо в этом сознаться — простое исполнение протокола от 22 марта силою нашего оружия»¹.

Только тогда, когда в результате русско-турецкой войны Греция наконец получила свободу, со всей ясностью выявилась основная линия английской политики. Никакой независимости Греции Англия не хотела. Вся работа ее дипломатии сводилась к тому, чтобы Лондонский договор никогда не был проведен в жизнь и остался лишь мертвой буквой. Правда, Веллингтон несколько раз «грозил» Ливену, что будет требовать полной независимости Греции, но, как только Россия соглашалась на это, он немедленно брал свои «угрозы» назад.

На сей раз инициатором провозглашения полной независимости нового греческого государства была Россия. Она подняла этот вопрос еще в августе 1828 г. в депеше, направленной лондонскому и парижскому послам, а также Рибоьеру и Булгарису. Она снова и снова уговаривала «союзников» согласиться на расширение территории Греции, присоединение к ней Самоса и Крита и предоставление грекам широких торговых привилегий. Чтобы добиться этого согласия, Россия предложила объявить Грецию полностью независимым (а не только автономным) государством с монархическим образом правления.

¹ Ф. Мартенс. Собрание трактатов..., т. XI, стр. 417.

Аргументы русской дипломатии в пользу этого предложения были достаточно вескими. Английский кабинет не хочет расширения греческих границ, отмечалось в депеше, так как боится, что, чем больше областей они охватят, тем соответственно шире будет влияние России в этом районе. Если к тому же новое государство останется хотя бы в номинальной зависимости от султана (дань и верховный сюзеренитет), то этот момент даст России возможность находить постоянные предлоги для войн с Турцией. Чтобы подобные опасения перестали мучить английских министров, Россия предлагает создать независимое греческое государство, которое «представит своей силой и своей независимостью менее средств к преобладанию России и менее поводов к раздорам между Россией и Портой, а следовательно, менее предлогов к увеличению нашего могущества на Востоке»¹.

В другой депеше, направленной в Лондон и Париж, Россия предлагала к тому же создать из Греции «государство нейтральное навсегда, для всех войн, которые могли бы вспыхнуть в Европе и даже между Россией и Турецкой империей». «Подобное условие,— писал Нессельроде,— обеспечивая за греками совершенную свободу торговли, послужит, может быть, к успокоению завистливых опасений Лондонского кабинета и докажет ему, что мы не ищем для себя союзников против Порты»².

Осенью 1828 г., когда делались эти предложения, Веллингтон и его кабинет были полны радужных на-

¹ Г. Палеолог и М. Сивинис. Исторический очерк., т I, стр. 149.

² Там же, стр. 150.

дежд, что Россия не одержит существенных побед над Турцией. Поэтому, не желая в действительности никакой независимости для Греции, они пропустили все это мимо ушей. Но после Адрианопольского мира сложились совсем другие обстоятельства. Автономия Греции, установленная силой русского оружия, стала реальным фактом со всеми вытекающими из этого возможностями для России. Английское правительство находилось в такой ярости, что Ливец и Матушевич каждый день ожидали вручения им паспортов. Вот тут-то представители России и придумали форму, которая смогла бы удовлетворить политическое самолюбие Англии и Франции и сделать для них приемлемой русскую пилюлю. Они предложили от имени трех держав объявить о независимости Греции, что дало бы возможность «растворить» статью 10 Адрианопольского договора в общем протоколе и сделать вид, что освобождение греков произошло благодаря совместным усилиям всех трех держав, а не одной только России.

Для английской и французской дипломатии это было веревкой, брошенной утопающему. Ничего не оставалось делать, как ухватиться за нее. Немедленно начали готовиться к новой конференции, причем, как скоро выяснилось, Англия и в этом случае стремилась всячески вредить грекам. Веллингтон считал, что для них полная независимость является таким большим благодеянием, ради которого можно поступиться еще несколькими областями. Как компенсацию за свою «уступчивость» английская сторона требовала нового урезывания северных границ Греции и настояла на изменении линии Арта—Волос за счет исключения плодородных греческих земель Этолии, Акарнании и др. России, уставшей от войны и все время опасавшейся ее возобновления с уча-

ствием Англии, Франции и Австрии в качестве врагов, ничего не оставалось делать, как согласиться.

На очередной Лондонской конференции, заседавшей в конце января 1830 г., представители Англии и Франции вели себя так, как будто пришли не проводить в жизнь Лондонский договор, а защищать интересы султана. 3 февраля 1830 г. державы подписали новый протокол, согласно которому Греция объявлялась независимым государством. Линия ее северной границы должна была проходить по рекам Аспропотамосу и Сперхии, что значительно сокращало ту территорию, которая была записана в Адрианопольском договоре и на которую султан уже давно согласился.

Вероломность такой английской политики ярко выявилась в 1831 г., когда пришедший к власти Пальмерстон «потребовал» возвращения Греции только что отторгнутых от нее Этолии и Акарнании и настоял, чтобы греки выкупили их у Турции за 40 млн. пиастров, навязанных ей в виде нового английского займа, еще больше закабалившего Грецию.

На конференции 1830 г. державы решили вопрос и о кандидатуре на греческий престол. Никто при этом не подумал, конечно, о воле самого греческого народа. Ему навязывали короля-иностранца, чуждого интересам греческой нации, да к тому же еще протестантского вероисповедания, что жестоко оскорбляло религиозные чувства народа.

После долгих дебатов участники конференции решили передать греческую корону принцу Леопольду Саксен-Кобургскому — мужу умершей дочери английского короля Георга IV, получавшему из английской казны 50 тыс. фунтов пожизненного содержания. Видимость «несвязанности» этой кандидатуры с царствующим

домом Великобритании создавалась тем, что жена будущего короля Греции умерла в 1817 г.¹ Так или иначе, но факт оставался фактом — принц, тесно связанный с английскими аристократическими кругами, должен был стать греческим монархом.

Несмотря на то что освобождение Греции греческими и русскими войсками стало свершившимся фактом еще несколько месяцев тому назад, после конференции пришлось снова умашивать турецкое правительство, чтобы оно на сей раз уже без войны выполнило требования держав и предоставило Греции полную независимость. С этой целью в Турцию был послан граф Орлов, который от имени русского правительства предложил султану скидку с военной контрибуции в 1 млн. червонцев, если он согласится изменить статью 10 Адрианопольского мирного договора и признает полную независимость Греции. Султан, перепуганный насмерть русскими солдатами, все еще стоявшими лагерями на турецкой земле, ответил согласием. Как видим, Россия снова платила щедрой ценой за независимость Греции — на сей раз уже не кровью своих солдат, а деньгами.

Итак, после девятилетней поистине титанической борьбы греческий народ обрел свою независимость.

После почти четырехвекового рабства Греция начала свое самостоятельное существование. Пока европейские дипломаты вели длительную переписку и дискутировали на лондонских конференциях, в Греции уже велась

¹ Леопольд Саксен-Кобургский, вначале согласившийся принять греческую корону, вскоре после смерти Георга IV и воцарения королевы Виктории, приходившейся ему племянницей, отказался от этого намерения из-за желания играть видную роль в Англии. На греческий престол в 1832 г. решением держав был возведен принц Оттон Баварский.

большая работа по восстановлению разрушенного хозяйства и налаживанию экономической и политической жизни. Прибывший в Грецию в январе 1828 г. Каподистрия развил бурную деятельность. В своем обращении к греческому народу, опубликованном несколько дней спустя после приезда, он обещал установить твердое и справедливое правление, способное «защитить народ от ужасов анархии и доставить ему возможность постепенно совершить дело национального и политического возрождения»¹.

Прежде всего было создано новое буржуазное правительство во главе с Панэллионом (Высшим Советом) из 27 членов, Советом министров и Военным советом. Немедленно это правительство приступило к укреплению финансовой системы и реорганизации армии и флота, что было делом первой необходимости в обстановке продолжающихся военных действий.

Ко времени объявления Лондонской конференцией 1830 г. независимости Греции там уже была создана регулярная армия, учрежден Национальный банк, принят ряд мер для подъема земледелия и торговли, началась раздача крестьянам части государственных земель, конфискованных у турок, преобразована судебная система и система просвещения. Таким образом, актом Лондонской конференции Европа признавала независимость Греции, фактически уже существовавшую в течение по меньшей мере двух лет.

Молодое греческое государство, преодолевая колоссальные трудности, постепенно становилось на ноги и делало первые шаги по пути независимости.

¹ Г. Палеолог и М. Сивинис. Исторический очерк., т I, стр. 58.

Англия и Франция — сильные капиталистические державы — поспешили воспользоваться слабостью вновь рожденного греческого государства в своих целях. Сразу же по приезде в Грецию Каподистрии, которого считали проводником русского влияния, английские и французские агенты стали вести против него тайную агитацию и готовить государственный переворот. В начале 1830 г. при открытой поддержке резидентов Англии и Франции в Навплионе греческая крупная буржуазия во главе с Маврокордатосом подняла восстание против нового правительства Греции.

9 октября 1831 г. в Навплионе Каподистрия был убит людьми, тайно связанными с западноевропейскими державами. В начале 1833 г. в Грецию прибыл принц Оттон Баварский, который по соглашению трех держав от 7 мая 1832 г. стал греческим королем вместо отказавшегося от этого поста Леопольда Саксен-Кобургского. Англии и Франции удалось воспользоваться экономической и финансовой слабостью царской России и, оттянув ее на второй план, укрепить свои позиции в новом греческом государстве.

После этого борьба между этими двумя капиталистическими хищниками за политическое влияние в Греции и за право эксплуатировать ее природные богатства еще более усиливается. Отчаянно конкурируя друг с другом, они опутали Грецию целой сетью кабальных займов, прибрали к рукам ее природные богатства, влезли во все сферы ее экономической и политической жизни и превратили ее в свою полуколонию.

В отношениях между правящими кругами России и Греции на протяжении XIX и начала XX в. наблюдались периоды сближения и охлаждения. Но отношения между русским и греческим народами, основанные на ста-

ринных экономических, духовных и культурных связях, всегда оставались искренними и дружественными

Эта дружба особенно крепко сцементирована сознанием того неопровержимого факта, что дважды в истории, в годы тяжелейших испытаний для греческого народа, народы России оказали ему неоценимую действительную помощь: первый раз — в годы борьбы Греции за независимость, второй — в годы второй мировой войны, когда разгром основных сил германского империализма Советской Армией дал возможность грекам изгнать со своей территории немецко-итальянских оккупантов и отстоять свою национальную независимость

ЛИТЕРАТУРА

- ΚΑΡΟΛΙΔΗΣ Π Σύγχρονος ἱστορία τῶν Ἑλλήνων καὶ τῶν λοιπῶν λαῶν τῆς Ἀνατολῆς ἀπὸ τοῦ 1821 μέχρι 1921, τ 1—7, Ἀθήναι, 1922—1929
- ΚΟΛΟΚΟΤΡΩΝΗΣ Ι Θ Ἑλληνικά εὐόμηματα ἢτοι ἐπιστολαὶ καὶ διαφορὰ, ἐγγράφα ἀφοριοντα τῆν Ἑλληνικῆν Ἐπαναστασιν Ἀπο 1821 μέχρι 1827, Ἀθήναι, 1856
- ΚΟΛΟΚΟΤΡΩΝΗΣ Γ Ἀπομνημονεύματα (χειρόγραφον δευτερόν 1821—1862), Ἀθήναι, 1961
- ΚΟΚΚΙΝΟΣ Δ Ἡ Ἑλληνικὴ Ἐπανάστασις, τ 1—2, Ἀθήναι, 1956—1960
- ΚΟΡΔΑΤΟΣ Γ Ἡ κοινωνικὴ σημασία τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπαναστάσεως τοῦ 1821, Ἀθήναι, 1924
- ΚΟΡΔΑΤΟΣ Γ Ἱστορία τῆς νεωτέρας Ἑλλάδας, Ἀθήναι, τ 1—5, 1957—1958
- ΜΑΚΡΥΓΙΑΝΝΗΣ Τ Ἀπομνημονεύματα, Ἀθήναι, 1947
- ΠΕΡΡΑΙΒΟΣ Χ Ἀπομνημονεύματα Πολεμικά, τ 1—2, Ἀθήναι, 1836
- ΦΙΑΝΜΩΝ Ι Δοχμιον ἱστορικόν περὶ τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπαναστάσεως τ 1—4, Ἀθήναι, 1850—1861
- ΤΡΙΚΟΥΠΗΣ Σ, Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπαναστασεως, τ 1—4, Λονδίνου, 1853—1857
- Бсгданович Е В* Наварин 1827—1877, М, 1877
«Записки полковника Вутье о нынешней войне греков», г 1—2, Спб, 1824—1825
- Гервинус Г* История девятнадцатого века т 5, Спб 1868, т 6, Спб, 1888
- Жигарев С* Русская политика в восточном вопросе, т 1—2, М, 1896

Каподистрия И. Записка о служебной деятельности. «Сборник Русского исторического общества», Спб., т. 3, 1868.

Маргенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. IV, Спб., 1878; т. XI, Спб., 1895

Лазарев М. П. Документы, М., 1952.

Нахимов П. С. Документы и материалы, М., 1954.

Палеолог Г., Сивинис М. Исторический очерк народной борьбы за независимость Греции, Спб., 1867.

Рыкачев А. П. Год Наваринской кампании, Кронштадт, 1877.

Соловьев С. Император Александр Первый. Политика-дипломатия, Спб., 1877

Татищев С. Внешняя политика императора Николая Первого, Спб., 1887

Феоктистов Е. Борьба Греции за независимость, Спб., 1863

Гуткина И. Греческий вопрос и дипломатические отношения европейских держав в 1821—1822 гг.; «Ученые записки ЛГУ», Л., 1951, № 130, вып. 18.

Иовва И. Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение, Кишинев, 1963

Сыроечковский Б. Е. Балканская проблема в планах декабристов. Сборник «Очерки из истории движения декабристов», М., 1954.

Фаддеев А. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века, М., 1958.

Шнаро О. Внешняя политика Каннинга и греческий вопрос, «Вопросы истории», 1947, № 12.

Шнаро О. Роль России в борьбе Греции за независимость, «Вопросы истории», 1949, № 8.

«Correspondance du Compté I. Capodistrias», v. 1—4, Genève, 1839.

Crawley C. W. The Question of Greek Independence, Cambridge, 1930.

Driault E et Leritier M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours, v. 1—3, Paris, 1925.

Gordon Th. History of the Greek Revolution, London, 1832.

Finlay G. History of Greece, v. 6—7, Oxford, 1877.

Isambert G. L'Indépendance greque et l'Europe, Paris, 1900.

«The Unpublished Diary and Political Sketches of Princess Lieven», London, 1925

Matton R. Hydra et la guerre maritime (1821—1827), Athènes, 1953.

«Memoire of Life of Admiral Sir Edward Codrington», v. 1—2, London, 1873.

Mendelssohn-Bartholdy K. Geschichte Griechenlands von der Eroberung Konstantinopels durch die Türken im Jahre 1453 bis auf unsere Tage, Leipzig, 1874

Metternich Cl. W. Z., Memoires, documents et écrits divers, Paris, 1880.

Pouqueville Fr. Histoire de la régénération de la Grèce, v. 1—4, Paris, 1824.

Prokesch-Osten A., Geschichte des Abfalls der Griechen vom türkischen Reiche, Bd 1—5, Wien, 1867.

Rizo Neroulos J. Histoire modern de la Grèce, Genève, 1828.

Stapleton A. G. Political Life of George Canning, London, v. 1—2, 1830—1831.

Stapleton A. G. George Canning and His Times. London, 1859.

Temperley H. Foreign Policy of George Canning, London, 1925.

Woodhous Chr. M. The Greek War of Independence, London, 1952.